НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ ЕАРПП

ПРОСТРАНСТВО

психоанализа и психотерапии

№1–2 · 2025

ДОЛГАЯ ДОРОГА К СЧАСТЬЮ:

перипетии, утраты, достижения

Тема номера:
конференции
в Екатеринбурге и в Москве

Звезды мирового психоанализа:
интервью Бенджамина Килборна

Эссе:
среди миров

ЕАРПП

Национальное отделение
ECPP (Vienna, Austria)

Электронный периодический (ежеквартальный) научно-информационный журнал «Пространство психоанализа и психотерапии» ©

Учредитель и издатель:
МОО «Европейская ассоциация развития психоанализа и психотерапии» (ЕАРПП)
Свидетельство ОГРН 1186658093764 от 21.04.2020 г.

Подписка: бесплатно для читателей. Для ознакомления с номером достаточно зайти на сайт https://earpp.ru/.

Для получения уведомлений о выходе нового номера подпишитесь на общую рассылку сайта.

Адрес размещения номеров:
https://earpp.ru/journal_earpp/

Журнал в соцсетях:
https://t.me/+qhXiXzB_17s4MDI6
https://vk.ru/club235503311

Для контактов с редакцией:
E-mail: earpp.journal@gmail.com

Данные № 1–2 (17-18), 2025:
Дата выхода: 5 февраля 2026 г.

ISBN 978-5-6052079-3-1

ISBN 978-5-6052079-3-1
9 785605 207931 >

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Главный редактор: Т.О.Тишкова

Заместитель главного редактора, куратор рубрик «События» и «Людям про людей»:
Г. В. Гридаева

Научный редактор:
Я. И. Коряков

Редактор рубрики «Тема номера»:
Т. В. Мизинова

Куратор рубрики «Из мира науки»:
Х. Г. Фостиропуло

Куратор рубрики «Психоанализ культуры»:
О.Н. Яковлева

Руководитель проекта «Звезды мирового психоанализа»: Т.А.Тармогина

Вёрстка: Е. Артемьева

Все права защищены.
Перепечатка текстов и иллюстраций только с разрешения редакции. При цитировании ссылка на журнал «Пространство психоанализа и психотерапии» обязательна.
Редакция не всегда разделяет точку зрения авторов. Редакция не несет ответственности за содержание рекламных материалов.

Благодарности

Редакция журнала выражает благодарность за добровольные пожертвования на развитие проекта всем коллегам.

Спасибо! Ваша помощь важна!

Если вы хотите оказать изданию финансовую поддержку, свяжитесь с Казначеем ЕАРПП
Тишковой Татьяной Олеговной
aloxa50@yandex.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

В нашем журнале сложилась традиция — публиковать в одном номере материалы Зимней школы в Екатеринбурге и Межрегиональной научно-практической конференции по психоанализу в Москве. На первый взгляд, темы конференций разные. В Екатеринбурге исследовали иллюзии и реальность счастья, в Москве — неудачный анализ. Однако, обе конференции — о трудном пути аналитика к цели.

Современным аналитикам приходится противостоять искушению свести психоанализ к быстрым решениям и вместо этого способствовать глубокому, осмысленному исследованию внутреннего мира пациентов для того, чтобы предоставить им способность наслаждаться отношениями. Психоанализ стремится не устранить страдание, а преобразовать и интегрировать его в устойчивое искусство жизни — так пишет в своей статье М.Фай.

В статьях поднимаются многие темы: переживание опыта нестерпимого, безнадежного, тупикового, абсолютно непереносимого, с которым субъект не справился; роль денег в терапии, влияние особенностей русского материнства на работу с пациентом, образ «мертвого отца» и другие.

Ощущение счастья — это возможность для перемен; оно создает новые реальные точки укоренения, которые, позволяют нам снова поверить в то, что мы этого заслуживаем, и мы не должны всегда парадоксальным образом платить цену жертвоприношения, точно так же, как мы должны были быть послушными, чтобы заслужить подарки Деда Мороза, считает Ж. Спикер.

Психоанализ предлагает трансформационный путь навстречу счастью.

Эмоциональное, насыщенное размышлениями интервью Бенджамина Килборна, которого интересует пересечение психоанализа и антропологии, изучение стыда, сновидений, травмы, а также культурных особенностей в разных обществах, читайте в рубрике «Звезды мирового психоанализа».

В рубрике «Эссе» Елена Савичева погружает нас в перипетии человеческой психики в любви. Она предлагает воспользоваться символической палитрой со всеми красками и оживить холст по имени любовь.

В этом номере есть новая рубрика «Юбилей». Статья Отто Ранка — мэтра психоанализа — опубликована к его 140-летнему юбилею. Портрет австрийского психоаналитика написан нашим коллегой Ярославом Коряковым.

Иллюстрации для этого номера выполнены коллегой Екатериной Тереховой.

Главный редактор Татьяна Тишкова

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА 7

ЕКАТЕРИНБУРГ

Тимошкина А.

Иллюзии и реальность в ЕАРПП: счастье быть групп-аналитиком — Президентом 11

Спикер-Бенат Ж.

Иллюзия утраченного счастья и надежда на воссоединение: можно ли заслужить счастье? 20

Фай М.

Превращение невротического страдания в обычное несчастье — что сказал бы Фрейд сегодня? 33

Николи Л.

Счастье по-итальянски 47

Шленина М.

Материнская зависть как атака на проживание счастья 54

Афанасьева Е.

Один в поле воин. Одиночество как важный этап на пути к благополучию 66

Соколова И.

К счастью по черным ветвям: трипофобия как пример аутистической защиты у пограничных и невротических пациентов 74

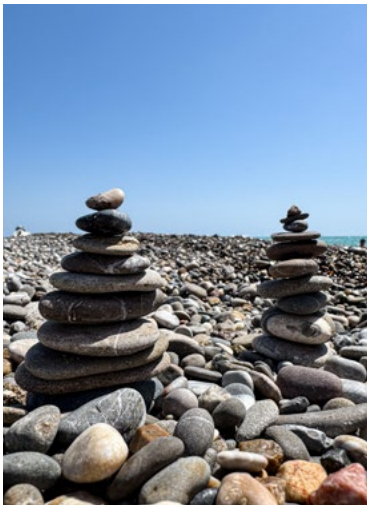
МОСКВА

Решетникова О.

Один из этапов аналитической работы — момент выбора: завершать аналитическую работу или продолжать 81

Волчек И.

Материнство. Элегия 89

Овчаров И.

История одного пересечения или «живой труп» в кабинете 100

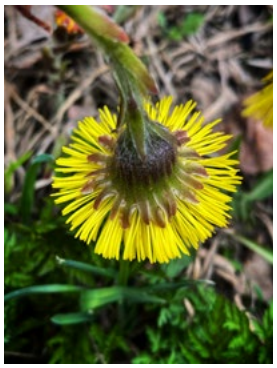
Куликова М.

Неудачная групповая ситуация 105

Тишкова Т.

Ошибка аналитика — побочный эффект творчества 115

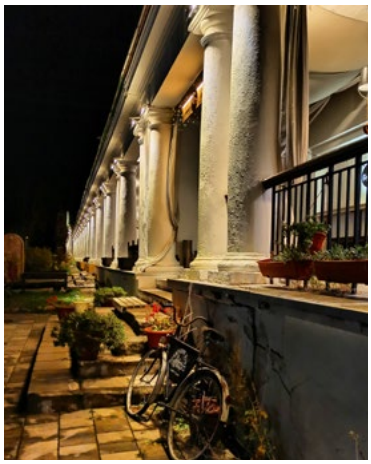

СОДЕРЖАНИЕ

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ПСИХОАНАЛИЗА 125

Килборн Б.

Музыка психоанализа 126

ЭССЕ 147

Савичева Е.

Среди Миров: перипетии человеческой психики в любви 148

ПСИХОАНАЛИЗ КУЛЬТУРЫ 157

Никитин И.

Рене Кардильяк гофмановской «Мадемуазель де Скюдери» как пример акцентуации анально- сдерживающего типа личности 158

ЮБИЛЕЙ 166

Ранк О.

Важность травмы рождения для психоаналитической терапии 167

ИЛЛЮСТРАЦИИ 173

ТЕМА НОМЕРА

По сложившейся традиции редакция предлагает «поучаствовать» в двух конференциях ЕАРПП — в Екатеринбурге и в Москве.

Екатеринбург.

XVII Зимняя школа была посвящена теме «Счастье: иллюзии и реальность».

В качестве почетных гостей в работе Зимней школы принимали участие очно и онлайн: Марсело Гомес, Татьяна Мизинова, Лука Николи, Елена Савичева, Жислен Спикёр, Алина Тимошкина, Хорхе Ульник и Маркус Фай.

Редакция Журнала «Пространство психоанализа и психотерапии» провела традиционный круглый стол, а Этический комитет ЕАРПП — дискуссионный форум.

Программа Зимней школы ЕАРПП по традиции была насыщенной: доклады, мастер-классы, клинические практикумы, дискуссии, круглые столы, супервизии, малая и большая группы.

В этом номере редакция публикует пленарные доклады спикеров Зимней школы и два доклада участников конференции в рамках секций.

Открывал конференцию доклад Алины Тимошкиной «Счастье быть групп-аналитиком — президентом» об опыте, который позволяет трансформировать внутренние конфликты, регулировать групповую динамику и улучшать устойчивость коллегиальных отношений для развития творческого потенциала, профессиональной самореализации.

Марсело Гомес в доклае «Эффективный Посторонний: аналитик как средство достижения счастья в эпоху постмодерна» рассказывал об особенностях работы с пациентами,

которые ждут, что аналитик устранит изъян, мешающий достижению счастья. А также о том, что именно трансформационный психоанализ поможет пациентам найти смыслы и создать внутреннюю структуру.

Лука Николи в докладе ««Felicità. È tenersi per mano, andare lontano, la felicità". Счастье по-итальянски» размышлял о концепции счастья, как способности наслаждаться собой и отношениями, которые анализант может получить в процессе анализа.

Жислен Спикёр представила доклад «Иллюзия об утраченном счастье и надежда на воссоединение. Можно ли заслужить счастье?». Она исследовала сложный путь формирования у ребенка основы для веры в себя в будущем, особое внимание уделяя сложностям, которые возникают на этом пути.

Маркус Фай в докладе ««Преобразование невротического страдания в обычное несчастье» — что сказал бы Фрейд сегодня» размышлял о пути к реалистичному счастью через психоаналитическое искусство жизни, которое дает инструменты для познания и трансформации страданий.

Елена Афанасьева в докладе «Один в поле воин. Одиночество как важный этап на пути к благополучию» поднимает тему именно о благополучии, как о важной составляющей счастья.

Ирина Соколова в докладе «К счастью по черным ветвям: трипофобия как пример аутистической защиты у пограничных и невротических пациентов» описывает крайне ограниченную эмоциональную и социальную жизнь людей, страдающих трипофобией, и возможности психотерапии с такими пациентами.

Источник зависти матери — ее собственная бессознательная фантазия о том, что ее тело и психика не могут обладать ничем желанным, а за всё, что у нее есть, приходится расплачиваться. Читайте размышления Марии Шлениной в ее докладе: «Материнская зависть как атака на проживание счастья».

Москва.

В рамках XIII Межрегиональной научно-практической конференции по психоанализу: «Неудачный анализ: ограничения метода или ограничения аналитика?» коллеги щедро поделились своими мыслями о природе неудач в психоаналитической практике, встречаясь с которыми анализ приобретает негативную динамику.

В четырех пленарных докладах почетными гостями выступили: Светлана Аулкина, Жаннет Фишер, Фульвио Маццакане, Борис Еремин.

Традиционно проведены круглые столы ЕАРПП: Этического Комитета «Этические нормы как принцип реальности в психоаналитическом поле» и журнала «Пространство психоанализа и психотерапии».

На 4-х секциях и в параллелях участники познакомились с докладами супервизоров, тренинговых аналитиков и специалистов ЕАРПП индивидуального и группового анализа, детского, психосоматического и прикладного направлений, клинического практикума.

Ольга Решетникова в своем докладе «Один из этапов аналитической работы — момент выбора: завершить работу или продолжать» размышляет о «немыслимом знакомом», которое пронизывает всё бытие человека, и выражает надежду, что однажды то, что недоступно познанию, станет познанным, и это можно будет забыть или перевести в другую часть психики.

«Элегия: Материнство» — так назывался доклад Ирины Волчек, в котором она размышляла о национальных особенностях материнства. Это была попытка осознать свою русскую материнскую идентичность.

Феномен «мертвый отец», равно как и «мертвая мать» рассматриваются исключительно через призму психической жизни, когда реальный отец не выполняет свою функцию — создавать границы между матерью и ребенком. Об этих феноменах доклад Ивана Овчарова «История одного пересечения или «живой труп» в кабинете».

Марина Куликова в докладе «Неудачная групповая ситуация», размышляя о неустранимости тупиков, которые и есть узлы психической работы, сравнивает работу группового аналитика с Сизифом, который будет продолжать катить свой камень, что бы люди ни выдумывали о ходе человеческой истории.

Сопротивление родителей вредит терапии, оно принимает разные причудливые формы, и надо адекватно оценить свои силы. Мама и папа хотят, чтобы их оставили в покое. Они готовы оплачивать терапию, уже не спрашивая о достижениях и процессе работы. Стагнация. Аналитик воспринимает такой ход событий, как поражение. Об этих трудностях доклад Татьяны Тишковой «Ошибка аналитика — побочный эффект творчества».

ЕКАТЕРИНБУРГ

«СЧАСТЬЕ: ИЛЛЮЗИИ И РЕАЛЬНОСТЬ»

XVII ЗИМНЯЯ ШКОЛА

Пространство психоанализа и психотерапии

Иллюзии и реальность в ЕАРПП: счастье быть групп-аналитиком — Президентом

Тимошкина Алина

- специалист, тренинговый аналитик и супервизор ЕАРПП
- специалист групп-аналитик, тренинговый групп-аналитик и супервизор групп-аналитик ЕАРПП
- член правления ECPP (Австрия, Вена)
- член Комитета по сертификации и аккредитации ЕАРПП
- руководитель секции групп-анализа (ЕАРПП-Москва, ОППЛ)
- доцент кафедры клинического психоанализа (Московский Институт Психоанализа)
- зав.кафедрой психоанализа и групп-анализа (Московская Международная Академия)
- руководитель Международной Школы Группового Психоанализа (COIRAG, EGATIN, ECPP) и Центра Психотерапии и Психоанализа
- учредитель научно-практической лаборатории по групповому психоанализу (ЕАРПП, МИП)

Счастье быть групп-аналитиком и Президентом ЕАРПП — это не просто привилегия, но и большая ответственность за оперативные вопросы Ассоциации и за стратегическое развитие. Каждый день я сталкиваюсь с бесконечной возможностью быть частью трансформационного процесса, который происходит в большой группе ЕАРПП.

Наше сообщество — это экосистема. Президент — это заряженный идеей носитель ценностей организации и менеджер компромисса в управленческой команде.

Деятельность Президента ЕАРПП направлена на повышение эффективности управления Ассоциацией, содействие ее развитию, расширению представительских функций.

1. Мы стремимся к равновесию в балансе задач для РО больших и малых и законности комитетов, как исполнительной власти.
2. Мы построили устойчивую и достаточно гармоничную административную систему с потенциалом саморазвития и самообучения.

3. Для нас важна популярность и весомость бренда ЕАРПП, удовлетворенность и активность всех членов в безопасном поле.

Самое сложное в работе Президента — поддерживать баланс группового и индивидуального, профессионального и административного, сохранять психоаналитическое в поле организационного.

В чем преимущества быть групп-аналитиком?

- Растет многообразие интеллектуального, эмоционального и поведенческого опыта в микросоциуме (в каждой группе разный).
- Появляется возможность исследовать коллективное бессознательное.
- Расширяется призма восприятия психоаналитической теории.
- Созревают дополнительные возможности для профессионального роста и развития.
- Повышается уровень зрелости самоактуализации и профессиональной идентичности.
- Развиваются межличностные отношения, способность к устойчивой привязанности и самооценке.
- Расширяется спектр метафор и диапазон реакций.
- Углубляется понимание и прогнозирование динамики групповых процессов, которые связаны с классовыми, национальными, религиозными, культурными, половыми и возрастными различиями.

Хочу вернуть Вас к нашей истории — ее важно знать и чтить своих героев.

Любая Большая группа формируется с опорой на климат и географию (это среда), культурные ценности, идеи и стили отношений (это матрица), историю (это групповая динамика) и структуру личности лидеров (это ведущие Больших групп и герои сообщества).

В это время я уже писала диплом, как клинический психолог в МГУ им.Ломоносова и завершала обучение в образовательном пятилетнем проекте по Групп-анализу под руководством Почетного Профессора Др. Альфреда Прица (на тот момент Президента ЕАП).

Конечно же, групповая матрица ЕСРР раскрыла мне свои объятья.

Основные цели и задачи ЕСРР включают:

1. Развитие науки и искусства психоаналитической психотерапии и групп-анализа для улучшения общества.
2. Диалог и обмен информацией между членами для расширения их интеллектуального, творческого и профессионального потенциала.
3. Интеграцию психоаналитической практики в разные культуры с учетом их особенностей.

Коллективная психика в стрессе функционирует, как цунами, это мощь природной стихии.

4. Официальное признание специальности по модальности психоаналитической психотерапии и групп-анализу во всех странах национальных отделений.

Так мы и жили в ЕСРР, где нами правил дух коллегиальности, долго и дружно развиваясь в разных странах и сообществах.

К 2018 году ECPP включало в себя 20 стран. Каждая страна была представлена Национальным Отделением или Национальным Представителем ECPP.

В Российском национальном отделении было на тот момент 750 человек, это огромная группа с явными и скрытыми подводными камнями разных смыслов и сложными эмоциональными течениями в ней.

Большая группа всегда испытывает напряжения и нужно уметь этим рулить, групп-аналитику с этим проще, мы считываем коллективное бессознательное, знаем теорию систем и практикуем в этой сфере.

Групповые процессы способствуют регрессу и эмоционально заряженные отношения запускают реакции переноса на группу, как целое, на подгруппы, на антигруппу, на участников и на лидера.

Возникновение подгрупп — это естественный процесс в Больших группах, но слабая арматура законности и нравственности приводит к расщеплению и к деструктивной групповой динамике.

Наше сообщество — это экосистема. Президент — заряженный идеей носитель ценностей организации и менеджер компромисса в управленческой команде.

Коллективная психика в стрессе функционирует как цунами, это мощь природной стихии и сегодня с полной уверенностью можно сказать, что наша Большая группа тогда находилась в кризисном состоянии, переживала пиковые эмоции, формируя два разных поля.

Процесс коммуникации в группе всегда имеет многоуровневую структуру:

- текущий (или уровень социального взаимодействия) — назревал раскол;
- трансферентный — идея: материнская структура, лидер-отцовская структура, Большая группа — среда;
- уровень проекций — остро воспринимались различия — родная душа или нет;
- уровень тела — мы часто собирались на онлайн совещания, иногда даже по ночам;
- первичный-архаичный уровень (уровень коллективного бессознательного) травма сублимировалась в славу и героизм.

Мы подключили к управлению групп-аналитическое мышление.

На тот момент мной уже был проведён системный анализ динамики Большой группы в организации и описаны осознанные и бессознательные смыслы происходящего.

Было сформулировано групп-аналитическое видение причин, которые ведут к расколу: (статья «Что происходит в организации организации. Мнение эксперта» от 27.06.2018. Есть на нашем сайте ЕАРПП).

Факторы, которые влияли на эмоциональное напряжение в сообществе в 2018 году:

- Наличие закономерных кризисных этапов развития в Большой группе.

Внутреннее право, эмоциональный ресурс и вера — три опоры, которые запускают групповую динамику в Большой группе.

- Неравномерность (за 15 лет) с 2003 до 2018г. прироста количества членов организации, который не учитывал индивидуальные особенности РО (географию, ментальность, характеристики лидеров и т.д.).
- Отсутствие достаточного ресурса (финансы, компетенции).
- Главное! Отсутствие официальной регистрации с образованием юридического лица на территории РФ.
- Необходимость в независимой ревизионной комиссии.
- Отсутствие планирования использования нецелевых денежных средств сообщества и накопление их в виде замороженного ресурса (что являлось обьектом искушения в 2018г).
- Отсутствие равных условий для участия в голосовании для всех регионов сообщества (сбор голосов на местах).

Как выглядели резонанс и ревери в Большой группе организации?

29 июня 2018 года в СПб во дворце Кочубея собрали Чрезвычайную Генеральную Ассамблею (ЧГА) Национального отделения РФ ЕСРР.

В зале более 100 чел шумели и спорили.

Я взяла микрофон и подошла к сцене, чтобы описать коллективное бессознательное на ЧГА, в этот момент нам выключили звук и зал замер, возник групповой резонанс и максимальное напряжение.

Татьяна Владимировна Мизинова встала и сказала: «Мы отсюда уходим!».

За ней пошла половина аудитории и возникла новая матрица, где начала формироваться свободолюбивая идентичность членов ЕАРПП.

Через 15 мин после этого в одном из залов во Дворце Кочубея мы запустили первую, уже нашу Большую группу, которую вела Попова Наталия Михайловна.

Мы с ней встретились глазами, и она уверенно села рядом со мной на стуле в круг, прошептав мне на ухо: «Подхватишь, если что?», я кивнула, прислонившись плечом.

Чувства в Большой группе формировались и эволюционировали, укрепляя Эго.

- Сплоченность
- Надежда и вера
- Универсализация
- Альтруизм
- Предоставление информации
- Множественный перенос
- Социализация
- Идентификация или имитационное поведение
- Катарсис
- Экзистенциальные факторы

- Анализ влияния родительской семьи
- Межличностное обучение

Благодаря этим терапевтическим факторам, определились процессы в группе, которые привели к устойчивым результатам.

Тогда мы создали поле доверия и взаимоуважения для переживания Большой группой максимального спектра чувств с принятием реальности и ее последствий.

Это было необходимое условие для гуманизации среды.

Мне кажется, что ревери из той Большой группы вшито в матрицу ЕАРПП, которая создана с любовью и теплом.

После Большой группы в СПб мы поехали в Москву. По дороге домой 4 часа в «Сапсане» мы обсуждали будущую жизнь нашего сообщества

Для нас началась новая эра.

29 июня 2018 года в организации произошел раскол.

Большая группа сообщества раскололась ровно пополам по 325 человек в двух организациях.

Одна часть осталась с членскими взносами за весь предыдущий период и старой инфраструктурой, а мы остались с преданностью Идее о Психоанализе и Групп-анализе, начав свой путь общего достоинства и субъективных истин, что очень способствовало запуску здорового групп-аналитического и психоаналитического мышления.

Внутреннее право, эмоциональный ресурс и вера — три опоры, которые запускают групповую динамику в Большой группе.

> Эмоциональное напряжение формирует импульсы для запуска динамики жизни группы и создает зону ее ближайшего развития.

Мы подпитывались чувствами:

«С нами так нельзя…»;

«Желания выполняются, но НЕ любой ценой»;

«Самое главное — опора на отношения».

Новый Исполкомом включил групп-аналитическое мышление:

– Готовность идти до конца.
– Мы развивались с идеей — «Чья вера, тот и правит!».
– Главными ценностями нашей организации стали: честь, достоинство , доброе имя и закон.
– Руководство в сообществе создавалась с опорой на ответственность и славу, которая формировалась на месте травмы по законам Большой группы.
– В матрице возник приоритет целостности над частным (мы извлекли опыт) и эту идею разделял каждый, кто присоединился.

Мы стали единственным представителем ECPP в РФ, что в российской культуре давало возможность избавиться от чувства вторичности (это уже внешняя матрица — историческая, она была еще актуальная для 2018 года).

Мы начали структурировать хаос групп-аналитическими и административными инструментами (Большие группы, комитеты, регулярные ежемесячные Правления, внутренние документы и т.д.).

Активно развивалась сертификация и обучение Групп-аналитиков, возникло альтернативное мышление, связанное с групповыми процессами и выровнялся внутренний эмоциональный баланс с опорой на разнообразие — т.е. эволюция.

Мы соединили дух, тело и разум Большой группы в организации.

Для того, чтобы групповая динамика была продуктивной, необходима была соответствующая среда.

У нас были:

– институции УРФУ в ЕКБ и МШГА в Москве;
– коллеги стали учредителями и вложили свои деньги в юридическое сопровождение и регистрацию профсообщества (чтобы быть законными!);
– более 300 коллег, которые были влюблены в психоанализ и групп-анализ верили нам;
– мы получили поддержку на всех уровнях ECPP в Вене в Австрии;
– и главное: у нас был достойный лидер — Мизинова Татьяна Владимировна — надежный соратник, единомышленник, друг, товарищ и брат для многих коллег и для меня в частности.

Моя задача, как групп-аналитика, создать условия, где бы мы трансформировали эмоциональные процессы «против» после групповой травмы в устойчивое чувство «за» — во славу ЕАРПП.

Время шло, мы успешно развивались.

Мы создали новую матрицу. Эмоциональные переживания участников раскола играли ключевую роль в формировании общей динамики по созданию и развитию теперь уже ЕАРПП (новое имя и новая идентичность у нас появилось 2020 году), влияя как на индивидуальный, так и на групповой уровень взаимодействия.

Согласно законам динамики Больших групп, групповая культура формируется с опорой на:

- опыт проживания кризисных этапов;
- идею, на которую собирается группа (материнская структура большой группы) — для нашей организации это Психоанализ и Групп-анализ;
- лидера (отцовская структура) — мы приняли решение, что у нас по уставу он избираемый, так в 2021 году Вы меня избрали вторым Президентом ЕАРПП.

Моя задача, как групп-аналитика, была создать условия, где бы мы трансформировали эмоциональные процессы «против» после групповой травмы в устойчивое чувство «за» — во славу ЕАРПП.

Еще важно, что быть эффективным лидером-Президентом можно только от избытка. Когда все хорошо и в профессии, и в семье, но есть потребность что-то еще создавать, заботиться, делиться.

Если Вы вдохновляетесь психоанализом и групп-анализом, то организация ЕАРПП, как большая группа, как живой организм будет Вам другом и партнером и тогда вместе

Группа всегда лечится группой. Роль Президента и Исполкома — быть поэтами под дубом, верить в свое сообщество, слагать о нем песни, чтить героев, беречь ценности, соблюдая законы и заботясь о нравственности.

с ней Вы вырастите новые формы и символы для развития метода и каждого члена ЕАРПП.

В такой ситуации групповая динамика становится более устойчивой;

атмосфера, поведение, идеи и идеология становятся наглядными, как определённый климат, который может быть увиден, как препятствующий, сдерживающий или способствующий коммуникациям, и который сам оказывается объектом исследования.

Мы начали строить фундамент корпоративной культуры ЕАРПП.

Большая группа — это мощная, но непредсказуемая и хаотичная структура, она является чувствительной, потенциально глубокой и требует структурирования.

Административный ресурс ЕАРПП становился все крепче.

Арматура законности и нравственности создала надежное русло, куда потекли потоки новых членов ЕАРПП — теперь нас 758 человек.

Любая группа стремится к равноправию и справедливости, формируя удельный вес, но никогда в полной мере этого не достигает — это стратегия развития Большой группы по вертикали.

Ещё обязательным механизмом является вариативность, которая формирует эластичность, выявляя места хрупкости — это тактика развития Большой группы по горизонтали.

Эмоциональное напряжение формирует импульсы для запуска динамики жизни группы и создает зону ее ближайшего развития.

Из этих процессов берет энергию смелости и креативности Исполком, вдумчиво развивая ЕАРПП.

Ценно в Большой группе то, что мы удовлетворяем три важные потребности человека:

1. Потребность быть отражённым;
2. Потребность в идеализации;
3. Потребность быть похожим на других.

Быть групп-аналитиком -Президентом — большое счастье, это дает одновременно устойчивость и эластичность.

Исходя из моего управленческого и групп-аналитического опыта, единственный вариант, как можно стать эффективным лидером — это:

- не фиксироваться на том, что ты — Президент, это всего лишь роль;
- при этом важно нести ответственность за вектор развития и ценности объединяющей идеи — и это главная задача (на каждой конференции в своем вступительном слове я не устаю повторять: цели ЕАРПП — это важно!);

Эмоциональные переживания коллег не только формируют индивидуальный опыт, но и задают тон всей группе ЕАРПП, способствуя её развитию и созданию здорового пространства.

- делегировать контейнирование и трансформацию групповой культуре — это процесс развития ЕАРПП, как единого, целостного живого организма, в экологичной среде с арматурой административных и этических норм — это благоприятная среда для здорового сообщества, которая познает и развивает саму себя, имеет симфонические храктеристики, где самое важное — искренность.

Итак, мы получили:

1. Углубление взаимопонимания
2. Формирование общей матрицы
3. Катализатор изменений
4. Поддержку и исцеление

Таким образом, эмоциональные переживания коллег не только формируют индивидуальный опыт, но и задают тон всей группе ЕАРПП, способствуя её развитию и созданию здорового пространства.

Малая группа актуализирует проблематику через отношенческие семейные паттерны — это РО и комитеты в Правлении.

Большая группа утилизирует ее через диалог, который представляет собой процесс трансформации — это конференции и Общие Собрания.

Большая группа ЕАРПП с терапевтическим эффектом работает онлайн по воскресеньям, перерабатывая напряжение в сообществе, где

диалог трансформирует бездумие в понимание и знание.

В диалоге рождается мышление, что приводит к трансформационным процессам.

Мышление в пустоте — это освоение белых пятен коллективного бессознательного.

Мы вместе пережили пандемию и много других сложных событий.

Каждый раз я собирала Большую группу онлайн и она выравнивала напряжение.

Миф и символ, с которым я прошла весь этот путь, родом из моего детства.

Рядом с домом моей бабушки рос дуб с большим дуплом, что только ни делали (кирпичами закладывали, веревкой обматывали, дупло только увеличивалось, дерево развивалось в корнях и ветках, а от ствола оставалась одна кора. Однажды гроза и избыток плодов раскололи дуб на две части.

Под одной частью поставили лавочку, куда приходили люди, среди которых был поэт. Он писал стихи и сказки о жизни этого дуба и читал их окружающим. И эта часть дуба ожила, дала новую поросль, через какое-то время опять появились желуди и ствол окреп.

Группа всегда лечится группой.

Роль Президента и Исполкома — быть поэтами под дубом, верить в свое сообщество, слагать о нем песни, чтить героев, беречь ценности, соблюдая законы и заботясь о нравственности.

Важно, чтобы лидер поставил лавочку из Устава сообщества и собрал Исполком вместе помечтать.

Я, второй избранный вами Президент ЕАРПП, завершаю свое правление и передам должность следующему новоизбранному Президенту.

Во мне сейчас очень много гордости за этот путь и благодарности к каждому из Вас. При этом я останусь работать в Исполкоме, как советник и друг на должности Паст-Президента, который поддерживает, курирует, структурирует обучение и сертификацию по ГА, развивает и анализирует групповые процессы в ЕАРПП, помогает создавать стратегию нашей организации и щедро делится накопленным опытом и знаниями с новым Президентом и нашей замечательной командой Правления.

Я не пропустила ни одной конференции за 4 года моего правления — всегда читала вступительное слово, готовила доклады и вела Большие группы.

Самое приятное- видеть продуктивный результат, запускать групповые процессы, исследовать групповую динамику и сопротивления, развивать Большую группу ЕАРПП, создавать здоровую матрицу, ювелирно встраивать живой психоанализ в административную систему, а главное — строить коллегиальные и командные отношения.

Одним словом — творить во благо!

Искренне признательна всем, кто в этот период был рядом в крепкой, устойчивой матрице со мной развивая нашу организацию.

Спасибо Вам,
Паст-Президент Мизинова Т.В,
оба моих вице Президента — Аулкина С.А и Гридаева Г.В.,
Правление, Исполком, Руководители комитетов,
Председатели региональных отделений, а еще я искренне признательна
нашему бесценному секретарю Грац Е. И., казначею Тишковой Т.О,
юристу Потницеву В. В., руководителю Молодежного комитета Черкас П.О,

Желаю всем нам продолжать творить психоанализ и групп-анализ, не бояться нового опыта и верить в собственные возможности.

ЕАРПП — самое продуктивное сообщество в России, сделанное с любовью и теплом!

Иллюзия утраченного счастья и надежда на воссоединение: можно ли заслужить счастье?

«Счастье, как феи: и то, и другое суть
иллюзия на уровне реальности
и реальность на уровне воображения.»
К. Парат

Жислен Спикёр-Бенат
(Ghislaine Szpeker)

- клинический психолог, психоаналитик
- преподаватель в Университете Сорбонна (Париж)
- почетный член ЕАРПП
- ведущий консультант Медико-педагогического центра психического здоровья в Париже

Так много звезд и планет должны совпасть, чтобы обрести достаточно любви к себе, чтобы чувствовать себя достойными даров, которые жизнь, судьба или Бог преподносят нам на пути.

Я полюбила футбол около десяти лет назад после смерти отца. Мне очень понравилось смотреть как красавцы бегают за мячом, но также потому, что я могла таким образом почувствовать и сохранить в себе то самое удовольствие, которое когда-то испытывал мой отец, наблюдая за матчем. Моя мать часто рассказывала мне с очаровательной долей кокетства, как в начале их брака она сопровождала моего отца на стадион, «чтобы порадовать его», именно так она говорила. И сейсас я с большой нежностью вспоминаю свое детство : вечер, по телевизору показывают матч, играет команда, за которую болел мой отец, все разговоры только об игре. В то время был только один телеканал и не было интернета, и все смотрели вместе одну программу. Весьма часто мы проявляли великодушие и позволяли ему посмотреть матч, как будто делали подарок ребенку, дозволяя ему насладиться моментом удовольствия. Тогда я и представить себе не могла, что, позволяя отцу испытывать удовольствие, я взращиваю в себе Эдипово удовлетворение: я тоже, как и моя мать, могу разделять удовольствие отца! Какое счастье!

Когда он умер, я совершенно естественно и в то же время совершенно неосознанно начала с удовольствием смотреть футбольные матчи.

И сегодня я по-прежнему нахожу в этом удовольствие, несмотря на некоторую нотку вины….

Это момент радости, которую я делю с моим отцом…

Столько звезд и планет должно совпасть, чтобы мы позволили себе быть счастливыми, так много элементов необходимо, чтобы позволить себе чувствовать радость, иметь право на счастье. Прежде всего, необходимо успешно пройти сценарии, продиктованные изначальными фантазиями: возвращение в материнское лоно, знаменующее собой поиск утраченного идеала, разрешение Эдипа, дающее возможность выйти с высоко поднятой головой из унижения, которое возникнет от чувства бессилия, ничтожности, от которых ребенок защищается, играя во взрослого. А еще нужно уметь идентифицировать себя, хотеть быть большим, как папа, а не вопреки ему, по-прежнему нужно, чтобы существовало принимающее лоно, в которое можно вернуться в мечтах!

Счастье часто воспринимается как подношение или жертвоприношение, за которое мы всегда должны парадоксальным образом платить цену, точно так же, как мы должны были быть послушными, чтобы заслужить подарки Деда Мороза!

Так много звезд и планет должны совпасть, чтобы обрести достаточно любви к себе, чтобы чувствовать себя достойными даров, которые жизнь, судьба или Бог преподносят нам на пути, — существует так много названий, которыми можно обозначить, символизировать происхождение этого дара, этого приношения. Так много звезд и планет, чтобы позволить себе вообразить, что мы заслуживаем, имеем право получать подарки, испытывать от них удовольствие, чувствовать удовлетворение… Счастье так часто воспринимается как подношение или жертвоприношение, за которое мы всегда должны парадоксальным образом платить цену, точно так же, как мы должны были быть послушными, чтобы заслужить подарки Деда Мороза!

Если мы должны показать, что достойны подарка — такой подарок обходится слишком дорого.

Изначальная фантазия о полноте, унаследованная от филогенеза, подпитывается иллюзией утраченного рая.

Из внутриутробной встречи матери и ее плода формируется иллюзия слияния и полноты: «Если Она и я — одно целое, я не могу не иметь Ее!». Надежда на воссоединение с этой частью себя в Ней является мощной движущей силой доверия, сначала к другому, затем к себе и затем к будущему. Надежда порождает доверие, которое в значительной мере означает способность к счастью.

Удовольствие исходит от начала жизни священного объекта. Созданная и существующая грудь, источник жизни и удовольствия, изначально определяет переходное

пространство, которое будет сакрализовано как нирвана, воображаемое как место полноты и единения. Все это нужно для облегчения состояния беспомощности младенца, которое Фрейд называл Hilflosigkeit, что-то вроде ощущения «один в целом мире». Это место, эта метафора счастья, является местом постоянства за пределами темпоральности, местом полноты, лишенным всякой амбивалентности и всякого конфликта, райским садом, иллюзорное совершенство которого символизирует воображаемое единство с первичным объектом привязанности, начиная с беременности. Это представление о прошлом иллюзорном совершенстве является плодом построения изначальной фантазии, призванной компенсировать уязвимость младенца в начале жизни, то есть его абсолютную зависимость.

> Если мы должны показать, что достойны подарка, — такой подарок обходится слишком дорого.

«Потерянный рай» — рай для двоих. Счастье, испытываемое матерью при общении с младенцем, — счастье, физиологические медиаторы которого запрограммированы генетически, — связано с возникновением ассоциативных ощущений, которые, по большей, части являются предсознательными или бессознательными. Таким образом, ребенок может переживать и усваивать определенные эмоциональные состояния посредством контакта с матерью — состояния, которые он может воскресить в течение жизни посредством воображения, в периоды, когда испытывает нехватку или потребность, при условии, что соматические и психоаффективные события не препятствуют этому регрессивному пути.

Ожидание счастья питается этой проекцией в будущее воображаемого прошлого, воображаемой полноты, которая постепенно обретает элементы реального удовлетворения. Эти элементы удовлетворения, которые можно буквально «съесть», интроецировать, будут созданы/обнаружены в промежуточном пространстве между матерью и младенцем.

Именно это внутреннее переходное пространство будет задействовано, когда дары жизни, в свою очередь, будут созданы/существовать. К таким пространствам я причисляю аналитическое пространство переноса.

Совсем как грудь, иллюзию создания которой необходимо иметь, чтобы быть уверенным, что она будет существовать и дальше, иллюзия создания достаточно хороших

> Наши мысли обладают терапевтической силой, поскольку они компенсируют несовершенства реальности. Роль аналитика заключается в поддержке этой терапевтической силы посредством поддержки мыслительного аппарата — вокруг конкретного, инкапсулированного содержания или в более общем плане — чтобы не только вернуться назад по ходу жизненной истории, но и присвоить эту историю, сделав ее проектом, намерением.

Совсем как грудь, иллюзию создания которой необходимо иметь, чтобы быть уверенным, что она будет существовать и дальше, иллюзия создания достаточно хороших объектов — это первая звезда, которая выстраивается в этом созвездии, чтобы смочь вообразить, поверить, что человек заслуживает быть достаточно счастливым, пусть даже всего лишь на мгновения!

объектов — это первая звезда, которая выстраивается в этом созвездии, чтобы смочь вообразить, поверить, что человек заслуживает быть достаточно счастливым, пусть даже всего лишь на мгновения!

В лучшем случае иллюзия Нирваны, идеала происхождения, будет утеряна при столкновении с инаковостью во время фазы разочарования, что позволит ребенку болезненно, но неизбежно пережить свою неполноценность и кастрацию. Однако останется след, он породит воспоминания, необходимые для последующих воссоединений.

Ощущение существования в мире основано на этой сепарации, которая одновременно структурирует и вызывает тревогу, на этой первой связи, которая разрывается в попытке бесконечно на протяжении всей жизни воссоединиться, чтобы посредством чувственных встреч найти/снова найти эту часть себя, вырванную при сепарации.

Влечение, которое слепо ведет к этому воссоединению с утраченным объектом, стремится к единству и снижению напряжения, вызванного разрывом. Именно этот парадокс приведет Фрейда ко второй топике и введению влечения к смерти в его теоретические построения.

Поиск объекта, заимствованного из первичного нарциссизма, объекта, необходимого для реализации цели единства, является поиском идеала, который питает фантазм, ведущий к удовлетворению на протяжении всей жизни. Этот поиск воссоединения необходим для направления либидо на объекты мира.

Таким образом, счастье можно рассматривать как противоположность первичному горю, как желание воссоединения с первым объектом, но также и со всеми остальными, включая эдипальный объект.

Более того, горе часто подготавливает путь для любви, и наши пациенты часто приходят к нам, сами того не осознавая, именно за тем, чтобы мы помогли им горевать. Возможность смещения либидинальной инвестиции с утраченного объекта на аутоэротический внутренний объект компенсирует объектную потерю нарциссическим приобретением и способствует построению счастливого Я по образу удовольствия раннего Я.

Надежда порождает доверие, которое в значительной мере означает способность к счастью.

По мнению Б. Грюнбергера, французского психоаналитика венгерского происхождения, нарциссическая полнота — это воссоздание контейнера

и содержания, изначально пережитых в утробе матери.

Если иллюзия создания достаточно хорошего «Я» и достаточно хороших объектов защищает от риска думать, что можно создавать только плохие объекты, копирующие плохой внутренний объект, то можно ли в таком случае снова найти объект, который ранее не был найден ?

Можно ли его воссоздать, если его невозможно было создать? Другими словами, может ли он существовать, если изначально его не было? О каком воссоединении идет речь, если основной объект ни на что не годен?

А как насчет иллюзии, когда первичный объект привязанности может быть недостаточно хорош, когда он не может породить эту фундаментальную нарциссическую динамику, позволяющую субъекту интроецировать либидо объекта, чтобы подпитывать добродетельную спираль доступа к эмоциональной амбивалентности, то есть способность любить и ненавидеть один и тот же объект, необходимый для выживания и удовлетворения?

А как быть с иллюзией, если эта динамика отношений, которая подпитывает как чрезмерно требовательный зарождающийся нарциссизм, так и вполне реальную потребность в импульсивном удовлетворении в качестве разрядки и достижения цели, не может начаться?

Возможность смещения либидинальной инвестиции с утраченного объекта на аутоэротический внутренний объект компенсирует объектную потерю нарциссическим приобретением и способствует построению счастливого Я по образу удовольствия раннего Я.

Как же тогда мы можем сформировать достаточную любовь к себе, достаточно основополагающую веру в нашу способность, в нашу компетентность создавать достаточно хорошие объекты, несущие в себе обещание некоего счастья, некоей полноты, даже если этот опыт не был прожит?

Всегда труднее отказаться от плохого объекта, прожить горевание по плохому родителю, плохому супругу, потому что потеря плохого объекта вновь пробуждает первоначальную рану беспомощности, которая никогда не была достаточно залечена и смягчена, никогда не была достаточно либидизирована.

Сепарация в этих обстоятельствах синонимична ампутации части себя, поскольку любимый человек недостаточно дифференцирован, он остался слитым, и его качества не смогли быть интроецированы в его собственное интимное пространство, составляющее его субъектность.

Если влечение не может найти объект, необходимый для его удовлетворения, оно истощается. Что это значит? Как именно истощается влечение ? Как мы уже упоминали ранее, иллюзия полноты становится еще более сильной при отсутствии опыта

Когда первичный объект привязанности не существовал в достаточной степени для эффективной интроекции, замещающими объектами разрядки становятся объекты, которые обманывают, имитируют, пародируют первичный объект.

эмоциональной безопасности. Двигатель, создающий эту иллюзию, работает на полной скорости, но без всякой цели, поскольку он ищет объект, который позволил бы разрядить возбуждение. Он будет останавливаться на иллюзорных, идеализированных объектах удовлетворения, поскольку они необходимы для разрядки.

Когда первичный объект привязанности не существовал в достаточной степени для эффективной интроекции, замещающими объектами разрядки становятся объекты, которые обманывают, имитируют, пародируют первичный объект. Он во многом воображаем из-за факта своего отсутствия и дефицита, порождаемого этим отсутствием. На основе этого непостоянства выстраивается защитное расщепление, которое пытается интериоризировать хороший объект, чтобы дистанцироваться от плохого объекта — токсичного или отсутствующего, — который вполне реален.

Парадигматический объект и вызванные им аффекты разграничивают память и сценарий, составляющие субъект.

Замещающие объекты остаются в некотором роде вне психики, не находя своего имаго в ядре, поскольку ядро было его лишено, и эти объекты, таким образом, остаются неспособными удовлетворить влечение, которое остается ненасытным, при этом удовлетворение возможно лишь иллюзорным, точечным или адгезивным образом, то есть при поверхностном соприкосновении, без проникновения в глубину.

Из-за этого отсутствия соответствующего и удовлетворяющего опыта в ранних отношениях, то есть отсутствия изначального удовлетворения возникает защита посредством расщепления и идеализации себя и объекта, которая артикулируется с помощью защитной рационализации, оправдывающей недостатки объекта.

И снова: объект остается идеализированным, чтобы надежда на его удовлетворение и получение удовлетворения от него могла сохраняться, и следовательно сам субъект не заслуживает удовлетворения.

«Заслужить счастье, заслужить хороший объект» — значит рационализировать попытку вернуть себе контроль над ускользающей реальностью, значит продолжать верить, что хороший объект может существовать, что в моих силах заставить его наконец появиться… чтобы продолжать подпитывать хрупкое нарциссическое ядро, ищущее признания.

Счастье не является психоаналитическим конструктом, и Фрейд говорит о нем довольно пессимистично, подчеркивая его преходящий и иллюзорный характер, и преобладание потребности в облегчении страданий и неудовольствий как первичную потребность.

«То, что мы называем счастьем, — говорит он, — в самом строгом смысле является результатом довольно внезапного удовлетворения потребностей, достигших высокого

напряжения, а это возможно, по своей природе, только в форме эпизодического явления.» [Фрейд « Недовольство культурой»].

Для Фрейда счастье соответствует реализации инфантильного желания. Но можно также рассматривать счастье как аффект, как аффективное состояние, которое включает в себя внутреннюю организацию, порождающую чувство всемогущества и нарциссического триумфа, характеризующуюся состоянием завершенности и в этом смысле отличную от удовольствия, в то время как эмоция вызывается событием и опытом отношений.

С этой точки зрения объект привязанности, как и архаичный объект, имеет ценность не только реального, но и нарциссического объекта.

Любая психическая динамика предполагает интеграцию по мере развития защитных механизмов, напряжений и импульсов детства. Детские желания реализуются по-разному в зависимости от воплощений индивидуальной эволюции, создающих тягу или отсутствие стремления к счастью.

> Ненависть необходимо разрядить, вывести наружу в различных формах: от разрядки через поведение или действие до навязчивого повторения. И на протяжении всей жизни страх перед собственной агрессивностью, то есть перед своими влечениями, своими желаниями, своим любопытством, своим аппетитом... этот страх остается активным (как в случае с пациентами, которые приходят на сеанс, чтобы «опорожнить свой мешок», «все вывалить»).

Счастье, как аффект, может принимать острую и преходящую форму или же более продолжительную; таким образом, оно будет характеризоваться встречей в настоящем между воспринимаемой реальностью и фантазмом, между внешним объектом и внутренним объектом, соединением возможности наделения текущих восприятий предсознательными или бессознательными ассоциативными цепочками элементов из прошлого, способствовавших построению внутренних объектов. По этим причинам некоторые люди более склонны к моментам счастья, а другие — к периодам стастья.

Более того, связи между счастьем и ментализацией весьма изменчивы: «Оно может не сопровождаться какой бы то ни было репрезентацией, но может объединять самые богатые репрезентации с эмоциональным опытом и составлять живой узел, в котором объединяются состояния и модификации самого тела, представлений, памяти, языка и проекта» — говорит психоаналитик Катрин Парат.

> Замещающие объекты остаются в некотором роде вне психики, не находя своего имаго в ядре, поскольку ядро было его лишено, и эти объекты, таким образом, остаются неспособными удовлетворить влечение, которое остается ненасытным.

«Заслужить счастье, заслужить хороший объект» — значит рационализировать попытку вернуть себе контроль над ускользающей реальностью, значит продолжать верить, что хороший объект может существовать, что в моих силах заставить его наконец появиться, чтобы продолжать подпитывать хрупкое нарциссическое ядро, ищущее признания.

Следовательно, это могут быть прожитые моменты, которые ментализация обогатит, и именно восполнения непостоянства первичного объекта можно попытаться достичь посредством анализа.

Таким образом, способность быть счастливым зависит для каждого человека от структуры внутренних объектов, связанных с ранним детским опытом, и их способности к воссоединению.

Ребенок — это реальный объект, у которого в начале жизни нет других потребностей, кроме тех, которые его мать может удовлетворить на какое-то время, тем самым мать через свою собственнную зависимость реализует различные способы удовлетворении в идеальном равновесии, из которого может родиться чувство полноты.

Материнство дает женщине активную роль в отношениях матери и ребенка, в то время как идентификация с младенцем открывает путь к регрессиям, которые удовлетворяют идентификации с пассивными архаичными тенденциями.

Существование материнского счастья, которое раскрывается в отношениях с младенцем, если этому не препятствовали, представляет собой переплетение нарциссических и объектных элементов, которые составят основу интроекций ребенка и в некотором роде определят психический и телесный опыт как опорную точку, как основу для прогрессивной эволюции, а также как маркер для регрессии фантазмов. Регрессия приведет ребенка и взрослого, которым он станет, к воссоединению с реализацией иллюзорной полноты ранних дней.

Счастье матери в общении со своим ребенком является одним из ключевых элементов, определяющих будущую способность ребенка быть счастливым, как подтверждают недавние исследования.

Помимо элементов удовольствия от отношений на нарциссическом уровне, если мать счастлива, ребенок может поздравить себя с тем, что он создал счастливую мать, что сделал ее счастливой, он может гордиться собой и даже достаточно любить себя, он может ощущать себя хорошим объектом, который, следовательно, будет иметь силу создавать другие хорошие объекты.

Всемогущий ребенок воображает, что он создает объекты мира, чтобы защититься от своего изначального бессилия.

Не будем забывать, что для того, чтобы мать могла проецировать себя и отдавать

себя в этих сложных отношениях, она должна не только получать поддержку от окружающих, но и сохранять свое собственное пространство фантазий, подпитываемое окружающими, что позволяет ей обращаться к своим мечтам и фантазиям о воссоединении с собственными либидинальными инвестициями, от которых ей пришлось отказаться, чтобы удовлетворить потребности ребенка. Сам ребенок при этом не должен оказаться в ситуации, когда функции наполнения либидинальных инвестиций матери возложены исключительно на него.

Наши нарциссические способности, наша власть над миром физически и психически проверяются на наших первых объектах любви.

Их способность выживать перед лицом нашей ненависти и смягчать ее будет иметь решающее значение для нашей самооценки, то есть для нашей способности верить в себя и, следовательно, для нашей способности ждать будущего момента, когда наше бессилие больше не будет препятствием для достижений.

Эту веру можно реализовать, только если ее разделяют.

Верить в эту встречу в одиночку, воображать ее, сублимировать ее и, следовательно, ждать ее — это тщетный и тяжелый для психики процесс, который обволакивает отчаявшееся ядро. Совместная вера в это, разделение этого пространства веры с самого начала жизни позволяет подавлению быть эффективным за счет бессознательной вины, которая исцеляется в движении объединения, ведущем «Я» к его зрелости.

Можно рассматривать счастье как аффективное состояние, которое включает в себя внутреннюю организацию, порождающую чувство всемогущества и нарциссического триумфа, характеризующуюся состоянием завершенности и в этом смысле отличную от удовольствия, в то время как эмоция вызывается событием и опытом отношений.

Когда первые встречи проходят неудачно, мозг пытается осмыслить случайное и бессмысленное, изобретая паллиативы для этой болезненной и нарциссически разрушительной реальности.

Возможны два пути : либо чувствовать себя ответственным, либо приписать эту реальность идеализированному существу, имеющему загадочный проект и, таким образом, утратить все шансы на выживание, — вот одна из причин, по которой люди изобретают своего Бога. Чувствуя себя ответственным, как это случается, к примеру, с жертвами нападений, ребенок не только пытается придать смысл случайному, но и благодаря активации своего чувства вины — чувства вины, функция которого необходима для противостояния потенциально травмирующим ситуациям и восстановления после них — пытается вернуть себе место действующего субъекта, тем самым избегая беспомощности.

Создание несоразмерного идеала, который остается расщепленным, сохраняющаяся ложная самость, синдром самозванца свидетельствуют о попытке компенсации и, следовательно, о сепарации между пережитым опытом (плохим пережитым опытом, плохим интернализованным объектом) и фантазмом (хорошим воображаемым опытом,

Способность быть счастливым зависит для каждого человека от структуры внутренних объектов, связанных с ранним детским опытом, и их способности к воссоединению.

хорошим идеальным объектом). Какая иная судьба возможна: хаос бессмыслицы или попытка осмыслить этот опыт нужды и страдания, который лишает ребенка не только чувства безопасности, но и ощущения себя хорошим человеком, способным создавать хорошее и, в частности, счастливую жизнь?

Какая иная судьба, кроме чрезмерности и излишеств, существует для нарциссизма, вынужденного подпитывать себя самого, поскольку он лишен эмоциональной подпитки первичного объекта? Более болезненный, но и более сконструированный вариант, который приводит к чувству, что ты недостоин счастья, и что следует вылезти из кожи вон, чтобы его заслужить ? Попытка защититься от ощущения отсутствия рационализируется в форме чувства изначальной несправедливости. Эта защитная нарциссическая конструкция проявляется через способность переносить страдания в отношениях — не через мазохизм или стремление к саморазрушению, но через необходимость обеспечить выживание нарциссического ядра, выживание жизненно важной инвестиции в надежду, веру в то, что мне в конце концов удастся создать достаточно хороший объект. Как можно надеяться на исцеление раненого эго, которое удерживалось в неспособности к самоисцелению некомпетентным, несостоятельным или первертным первичным объектом, неспособным быть удовлетворенным или удовлетворять? Всемогущий ребенок воображает, что он создает объекты мира, чтобы защититься от своего изначального бессилия.

Если иллюзия изначальной полноты подпитывается несоразмерным воображением из-за реальных недостатков первичного объекта привязанности, она становится еще более мучительной, и мы можем утверждать, что доступ к амбивалентности Я и объекта блокируется, оставляя в действии тираническую динамику идеала, которая обуславливает расщепление.

Разочарование, которое является необходимой фазой доступа к амбивалентности, не может быть структурировано. Нельзя атаковать недостаточно хороший объект, слишком велик страх его уничтожить. Ненависть, не смягченная либидо объекта, остается потенциально смертельной. Нельзя выразить ненависть, не уничтожив объект, и невозможно ее сдерживать, не уничтожив субъект! Ненависть необходимо разрядить, вывести наружу в различных формах: от разрядки через поведение или действие до навязчивого повторения. И на протяжении всей жизни страх перед собственной агрессивностью, то есть перед своими влечениями, своими желаниями, своим любопытством,

Счастье матери в общении со своим ребенком является одним из ключевых элементов, определяющих будущую способность ребенка быть счастливым, как подтверждают недавние исследования.

своим аппетитом... этот страх остается активным (как в случае спациентами, которые приходят на сеанс, чтобы «опорожнить свой мешок», «все вывалить»).

Как можно оправдать неудачи объекта, если на него невозможно напасть, рассердиться на него? Если объект должен оставаться идеальным, то именно субъект ставит под сомнение свою собственную ценность: «Заслуживаю ли я того, чтобы меня любили?».

Как осмыслить нелюбовь, непостоянство, отсутствие благосклонности... Как придать смысл несостоятельности первичного объекта, как отказаться от этой встречи, от этого творения, как отказаться от стремления к изначальному фантазму, столь необходимому для защиты ядра существа?

> Наши нарциссические способности, наша власть над миром физически и психически проверяются на наших первых объектах любви. Какая иная судьба, кроме чрезмерности и излишеств, существует для нарциссизма, вынужденного подпитывать себя самого, поскольку он лишен эмоциональной подпитки первичного объекта?

Госпитализм свидетельствует о жизненной силе, которая оживляет маленьких людей с самого рождения — силе, которую необходимо мобилизовать, прежде чем придется сдаться и смириться с головокружительным и психотическим одиночеством отчаяния Hilflosigkeit. Аналогичным образом, опыт «Непроницаемое/неподвижное лицо» подчеркивает ужасающее горе малыша, столкнувшегося с материнским объектом, ставшим холодным и отстраненным.

Женщины, пережившие или продолжающие переживать плохое обращение, также очень много говорят о том, как они пытались поверить в «воскрешение» хорошего объекта, любящего супруга, каким они его описывали в начале отношений. Может быть, став более «добрыми», более «послушными», они заслужат того, чтобы вновь увидеть хороший утраченный объект, способный поддерживать иллюзию того, что они не одиноки в этом мире?

Как далеко простирается вера! До веры в воскрешение идеализированного объекта, до отказа от разочарования, до отрицания реальности перенесенного жестокого обращения, до сохранения слепой веры в свое всемогущество, которое позволило бы создать хороший объект.

Наши мысли обладают терапевтической силой, поскольку они компенсируют несовершенства реальности. Этот адаптивный навык позволяет людям частично избегать ограничений физического мира; с помощью мысли мы можем регулировать свою психическую активность перед лицом жизненных событий, тем самым влияя на их воздействие на наше равновесие. Роль аналитика заключается в поддержке этой терапевтической силы посредством поддержки мыслительного аппарата — вокруг конкретного, инкапсулированного содержания или в более общем плане — чтобы не только вернуться назад по ходу жизненной истории, но и присвоить эту историю, сделав ее проектом, намерением.

Помимо психического удовольствия от совместного размышления, путь регрессии к точкам фиксации, опорным точкам моментов удовлетворения влечений, удовлетворяющих первичную потребность преодолеть архаичный страх отчаяния Hilflosigkeit, пережитых, интроецированных, моментов которые оставили след, позволяет использовать их для закрепления нового опыта.

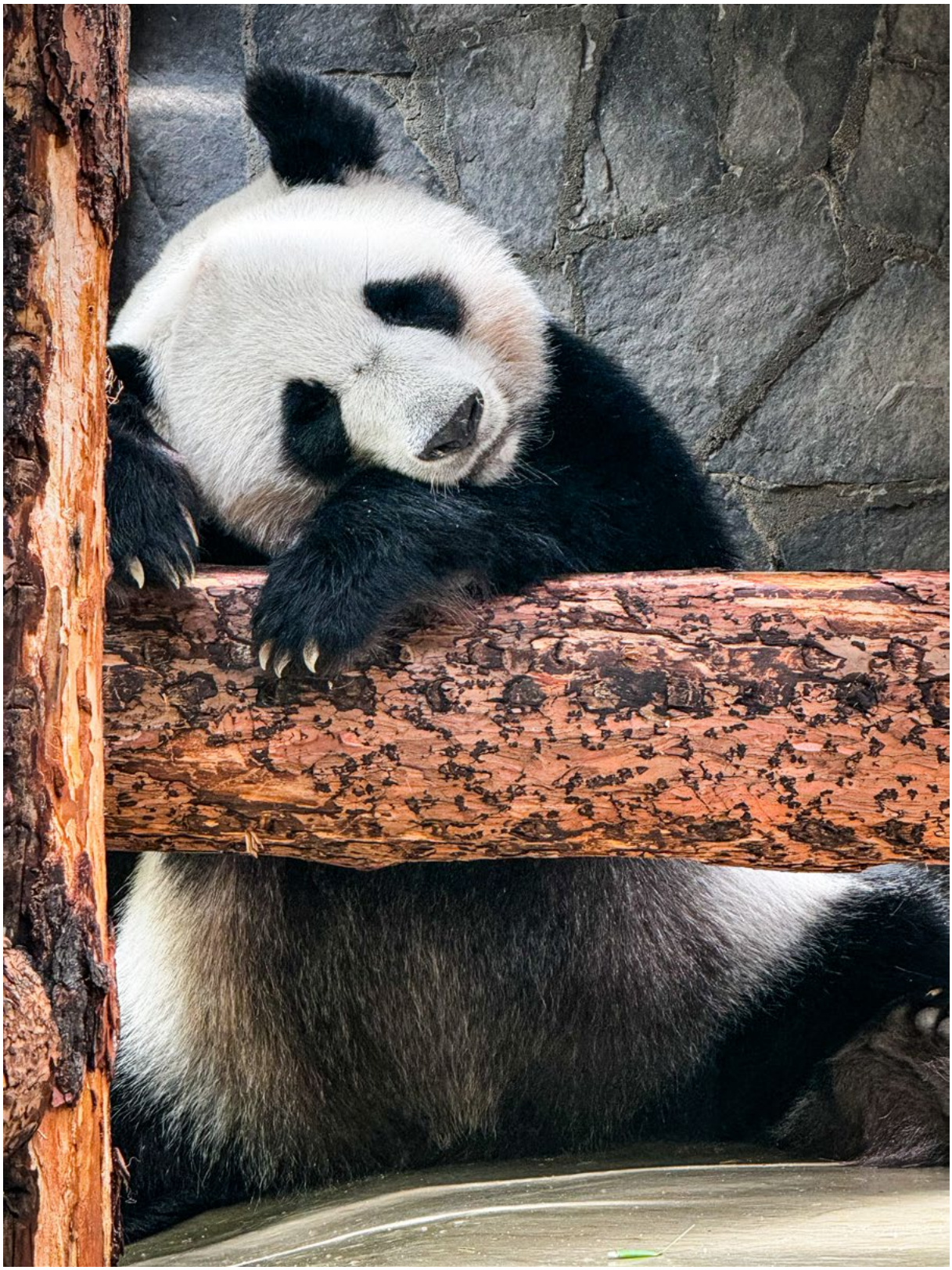
При наличии травматических событий, блокирующих направленные в прошлое пути к детскому опыту, аналитик попытается выявить эти препятствия, чтобы вернуться через ассоциации к инкапсулированным чувствам, вспомнить их в пространстве переноса и вновь задействовать способности человека проецировать себя для воссоединения в реальном пространстве.

Жизнь может вносить изменения на этом пути, но с помощью аналитика дело пойдет успешнее в более или менее долгосрочной перспективе, потому что «бессознательное живо, способно развиваться… оно доступно воздействию жизненных событий» [Фрейд, Метапсихология, «Бессознательное»]. Ощущение счастья — это также возможность для перемен; оно создает новые точки укоренения, которые, конечно, менее прочны, но все же вполне реальны, и которые позволяют нам снова поверить в то, что мы этого заслуживаем. След счастья трансформирует что-то в человеке и его убеждениях. Как часто нашим пациентам нужно, чтобы мы вместе с ними поверили в возможность встречи, которая является главным источником самого длительного счастья! Совместная вера и поиск в работе исцеления Эдиповых или более архаичных точек укоренения позволяют надежде постепенно трансформироваться в опыт. Горевание по иллюзиям могло бы в этом случае породить реальность.

Важной частью работы аналитика являются периодические попытки поставить себя на место пациента, проявить эмпатию и отступить назад, чтобы подумать и понаблюдать за аналитической парой, возможно, с позиции третьего.

Для этого требуется время: время разочарования, которое включает в себя осознание и проработку составных элементов негативного переноса и которое сообщает, что сепарация будет возможна, это есть время установления взаимного доверия.

Мне кажется, что миф об Орфее может проиллюстрировать этот поиск воссоединения и его опасности: погружение в глубины души, нахождение там следа уникального и существенного объекта любви, желание схватить его слишком быстро из страха снова потерять… Оглядывание на прошлое, неспособность напитать будущее интроекциями, которые его отметили, неспособность уделить время осознанию или разработке аффектов и их репрезентаций… Вся эта динамика может привести — в мифе и в жизни — к утрате навсегда возможности воссоединения со своими внутренними объектами любви.

Превращение невротического страдания в обычное несчастье — что сказал бы Фрейд сегодня?

Маркус Фай (Markus Fäh)

- приват-доцент,
- доктор философии — Цюрих / Вена / Берлин

Достижимо ли счастье или это лишь мираж?

ВВЕДЕНИЕ

Основатель психоанализа Зигмунд Фрейд говорил о необходимости превратить «невротическое страдание в обычное несчастье». Данное утверждение остается краеугольным камнем в психоаналитической практике, заставляя нас исследовать человеческие страдания. Под «обычным несчастьем» Фрейд понимал неизбежные жизненные печали такие как утрата, болезнь, старение и смерть — универсальные константы, которые сигнализируют о нашей конечности и несовершенстве. «Невротическое страдание», напротив, возникает из-за внутренних конфликтов, часто похороненных в бессознательном, которые проявляются в виде тревоги, депрессии или психосоматических симптомов.

В 2025 году, по сравнению с 1895 годом, внешние условия жизни кардинально изменились. Поздний капитализм,

акселерация, цифровизация, глобализация, одержимость самооптимизацией и постоянный спрос на доступность привели к появлению новых форм стресса и страданий. Тем не менее, экзистенциальные вопросы остаются прежними: Что такое осмысленная жизнь? Как справиться с неизбежным страданием? Достижимо ли счастье или это лишь мираж?

Психоанализ стремится не устранить страдание, а преобразовать и интегрировать его в устойчивое искусство жизни.

Психоанализ предлагает уникальный поход, выходящий за рамки облегчения симптомов. Психоанализ обеспечивает глубокое понимание динамики бессознательного, помогая людям жить более вдумчиво и осознанно. Психоанализ стремится не устранять страдание, а преобразовать и интегрировать его в устойчивое искусство жизни.

В данной работе рассматриваются различные проявления «обычного несчастья» и «невротического страдания» в постмодернистском мире, исследуется вопрос счастья и способы развития психоаналитического искусства жизни в соответствии с идеями Фрейда, Лакана и современных авторов, таких как Мари Рути и Юдит Ле Солдат. Для этого потребуется встретиться со своими внутренними истинами, принять ограничения и устремиться к творчеству, взаимосвязям и смыслу.

ОБЫЧНОЕ НЕСЧАСТЬЕ В 2025 ГОДУ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ КОНСТАНТА В НОВЫХ ПРОЯВЛЕНИЯХ

Утраты, болезни, старение и смерть — неотъемлемые условия человеческого существования. Эти переживания, которые в понимании З. Фрейда и есть «обычное несчастье», универсальны, но в современном обществе они выглядят искаженными, размытыми, преломленными через технологические и культурные изменения.

УТРАТА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Клинический пример:
Женщина средних лет, испытывает сильную тревогу из-за получения постоянных уведомлений и электронных писем с работы. Ее случай показывает, как подключение к цифровым каналам связи осложняет проживание утраты. Она постоянно чувствует себя наполовину мертвой, наполовину живой, функционируя, как робот, в попытках соответствовать высоким требованиям своей компании. Переживая недавнюю смерть матери, она с трудом находит место для скорби. Эмоциональной проработке мешают отвлекающие факторы цифровой среды. Она испытывает постоянный конфликт между желанием сбежать с работы и погрузиться в детские воспоминания, связанные с матерью, с одной стороны, и навязчивым стремлением сосредоточиться на рабочих вопросах. Внутренний голос ее садистского супер-эго не дает ей передышки, ругая ее за слабость, когда она чувствует потребность поплакать.

В цифровую эпоху проживать утрату становится все сложнее. В то время как физическая утрата, например, смерть близкого человека, остается универсальным явлением;

в современной цифровой сфере появилось явление символической утраты. Потеря неприкосновенности частной жизни, усталость от постоянной подключенности к цифровым каналам и тоска по подлинным связям в мире виртуальных сетей отражают новые аспекты обычного несчастья. Цифровая культура позволяет устанавливать связи на расстоянии, но часто лишает нас пространства для подлинной скорби и размышлений. Стремительный поток информации и ожидание немедленной реакции вступают в противоречие с медленным темпом времени, необходимым для проживания горя.

Цифровая культура позволяет устанавливать связи на расстоянии, но часто лишает нас пространства для подлинной скорби и размышлений.

Фрейд подчеркивал важность процесса оплакивания, для разворачивания которого требуется время. Благодаря оплакиванию психическое исцеление становится возможным.

БОЛЕЗНЬ И ПРОГРЕСС В МЕДИЦИНЕ

Случай из жизни:

В современных больницах пациент, страдающий хроническим заболеванием или тяжелой болезнью, часто чувствует свое одиночество, изолированность, получая лишь функциональную помощь и оставаясь без эмоциональной поддержки. Мы наблюдаем растущее напряжение между технологическим прогрессом и эмоциональной разобщенностью, которую испытывают пациенты в погоне за оптимизацией своего здоровья. Благодаря достижениям в медицине, было спасено бесчисленное множество жизней и увеличена продолжительность жизни человека. Тем не менее, болезни и страдания остаются неизбежным явлением. Современное обычное несчастье проявляется в формировании пропасти между функциональной помощью и эмоциональной поддержкой.

Я хочу проиллюстрировать это небольшим эпизодом из своей жизни. Как бывший заядлый каратист и сноубордист, имевший множество травм, к которым добавился артроз, я три года назад перенес операцию по замене сустава в левом колене. Благодаря высокотехнологичной медицине лечение прошло отлично, я даже снова играю в теннис и не испытываю боли. Но в течение недели, проведенной в больнице, я чувствовал себя каким-то обесчеловеченным, карточкой с анализами и диагнозами, фактором дохода в гиперсовременной коммерческой клинике. Все слова, которыми я обменивался с моими врачами и медсестрами за эти семь дней, сводились к нескольким фразам в день. Если бы не моя очаровательная русская жена, которая навещала меня и приносила хорошее настроение, шоколадные конфеты и коньяк, я бы впал в депрессию.

Современное обычное несчастье проявляется в формировании пропасти между функциональной помощью и эмоциональной поддержкой.

А если представить пациента, страдающего от тяжелой формы рака и не имеющего родственников — что бы он испытывал в течение нескольких недель больничного лечения?

Фрейд считал принятие физической уязвимости ключевым шагом на пути к психической зрелости. Однако в обществе, где здоровье приравнивается к вопросу контроля и работоспособности, все чаще не принимается ограниченность возможностей тела.

СТАРЕНИЕ И КУЛЬТ МОЛОДОСТИ

Случай из жизни:
Профессор на пенсии, которого когда-то очень уважали за его интеллект, теперь страдает от ощущения собственной неприметности — общество, одержимое молодостью и инновациями, перестало его замечать. Его борьба за свою актуальность и соответствие времени является отражением более широкого культурного контекста, апеллирующего к красоте и жизнеспособности, а не к опыту и мудрости.

Фрейд считал принятие физической уязвимости ключевым шагом на пути к психической зрелости.

Старение, еще один неизбежный элемент обычного несчастья, усугубляется современным культом молодости. Акцент на жизнеспособности и красоте порождает страх перед старением, заставляя многих людей чувствовать себя невидимыми или обесцененными. Такая маргинализация общества представляет собой безмолвную, часто непризнанную, форму страдания.

СМЕРТЬ И ИЛЛЮЗИЯ БЕССМЕРТИЯ

Психоанализ придает особое значение внутренним ресурсам, которые формируются с возрастом: мудрости, принятию и способности развивать более глубокие связи с собой и другими — ценности, которые выходят за рамки поверхностных идеалов молодости.

Клинический случай:
Владелец технологичной компании убежден, что наука может победить смертность и вкладывает значительные средства в терапию продления жизни. Несмотря на все усилия, он испытывает экзистенциальный страх, что подтверждает психоаналитический принцип, согласно которому отрицание смерти может привести не к облегчению, а к усилению тревоги.

Смерть — это конечная граница, определяющая человеческое существование. В современном мире многие пытаются отрицать эту реальность с помощью технологических достижений и веры в потенциальное бессмертие. В основе трансгуманистических

движений, стремящихся преодолеть смерть с помощью цифровых или биологических средств, лежит глубоко укоренившееся сопротивление обычному несчастью.

Акцент на жизнеспособности и красоте порождает страх перед старением, заставляя многих людей чувствовать себя невидимыми или обесцененными.

Фрейд считал умение встретиться со смертностью важнейшим условием психического здоровья. Принятие смерти позволяет более осознанно относиться к жизни и способствует осмысленному использованию оставшегося времени. Психоанализ предлагает нам справиться с конечностью не как с врагом, а как с неотъемлемой частью жизни.

БЮРОКРАТИЯ И ОТЧУЖДЕНИЕ

Случай из жизни:
Молодой специалист крупной корпорации чувствует себя в ловушке бесконечных процедурных требований. Она часто отмечает, что взаимодействие с отделом кадров кажется ей, скорее, транзакционным, чем личностным. Подобное явление отчуждения Фрейд описывал как побочный продукт современной бюрократии. Все говорят о команде и групповой динамике, но никто не заботится об отдельном человеке, являющемся частью организации.

Масштабы современной бюрократии удручают. Бюрократия необходима для организации общества, но ее господство приводит к отчуждению и чувству собственного бессилия. Люди больше не видят себя активными участниками, а, скорее, анонимными номерами в обезличенной системе.

Фрейд подчеркивал, что самодетерминация является краеугольным камнем психического здоровья. Тем не менее, бюрократия часто подрывает автономию. Хождение по лабиринтам распоряжений и правил порождает разочарование, беспомощность и отрешение, что проявляется в выгорании и психосоматических расстройствах. Более того, бюрократия усугубляет потерю межличностных связей. Общение заменяется стандартизированными процедурами, не оставляя места для сопереживания. Психоанализ делает акцент на личностной активности и эмоциональной аутентичности, создавая пространство, в котором человек воспринимается как человек, а не как винтик в бюрократическом механизме.

ПОЗДНИЙ КАПИТАЛИЗМ И ЕГО НЕСЧАСТЬЯ

Случай из жизни:
Известный блогер испытывает выгорание от постоянного давления, связанного с необходимостью создавать контент в соответствии с требованиями рынка. Несмотря на финансовый успех, она испытывает постоянное чувство пустоты. Данный случай является иллюстрацией того, как поздний капитализм эксплуатирует человеческие желания,

В основе трансгуманистических движений, стремящихся преодолеть смерть с помощью цифровых или биологических средств, лежит глубоко укоренившееся сопротивление обычному несчастью.

никогда не удовлетворяя их по-настоящему.

Поздний капитализм усугубляет обычное несчастье, фокусируясь на производительности, потреблении и товаризации. Императив максимизации эффективности и прибыльности пронизывает все аспекты жизни — от работы до человеческих отношений, что часто приводит к чувству отчуждения, и сводит человека к его экономической ценности или способности потреблять. Даже досуг и забота о себе становятся товаром, превращая благополучие в рыночную продукцию. Парадоксальным образом, механизмы, обещающие избавление от стресса, часто усугубляют его, практически не оставляя места для самоанализа и подлинных связей, способствуя неудовлетворенности и выгоранию.

С психоаналитической точки зрения, капитализм эксплуатирует желание, постоянно предлагая новые «решения» для заполнения пустоты — решения, которые в конечном итоге только усиливают ощущение ненаполненности.

ИНТЕРМЕЦЦО. ИНТЕРВЬЮ С ЗИГМУНДОМ ФРЕЙДОМ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Несколько дней назад, прогуливаясь по берегу прекрасного Цюрихского озера, я наткнулся на доктора Зигмунда Фрейда, очевидно, прошедшего через какой-то революционный процесс реинкарнации. Между нами завязался разговор.

М.Ф: Доктор Фрейд, ваша концепция превращения невротических страданий в обычное несчастье выдержала испытание временем. Что вы думаете о ее актуальности в современном мире?

Фрейд: Ах, я забыл купить новые сигары, старые у меня отобрали в больнице, у вас покурить найдется?

Прикурив одну из моих сигарет, он продолжил:

Фрейд: Состояние человека остается принципиально неизменным, несмотря на достижения науки и техники. Современные неврозы адаптировались к новым условиям, но в своей основе они по-прежнему проистекают из неразрешенных конфликтов психики. Цифровизация и самооптимизация лишь создали новые арены для проявления этих конфликтов.

М.Ф.: Как вы оцениваете влияние позднего капитализма на психическое здоровье человека?

Фрейд: Капитализм, особенно на его поздней стадии, эксплуатирует человеческую склонность к тому, чтобы испытывать желания. Он увековечивает иллюзию, что человек может достичь полноты жизни благодаря материальным благам и неустанной производительности. Это, смею заметить, только усиливает чувство нехватки, присущее человеческой психике. Неустанное стремление к совершенству ведет к дальнейшему подавлению и отчуждению.

Психоанализ предлагает нам справиться с конечностью не как с врагом, а как с неотъемлемой частью жизни.

МФ: Мне кажется, что по сравнению с тем временем, в котором вы прожили свою первую жизнь, люди стали более одинокими и изолированными, а у Вас какое впечатление?

Фрейд: Человек по своей природе — существо реляционное. Взаимодействие между привязанностью и индивидуацией имеет решающее значение для психического здоровья. В российском психоанализе я вижу ценность коллективной жизнестойкости, которая является противоядием от отчуждения, порождаемого современным индивидуализмом. С другой стороны, в наши дни люди, кажется, испытывают ужас перед одиночеством. Но одиночество, если его принять, предлагает психическое пространство, необходимое для самоанализа и роста.

М.Ф.: Как вы думаете, влияет ли одержимость современного мира молодостью и бессмертием на наше отношение к смерти?

Фрейд: Действительно, отрицание смерти сейчас сильнее, чем когда-либо. Трансгуманистическое стремление к бессмертию является отражением бессознательного отказа принять естественные ограничения жизни. Только признавая свою смертность, мы можем полностью принять настоящее и найти смысл в наших ограничениях. Курение, в конце концов, это столкновение со смертью в малых дозах
(глубоко вдыхает дым и улыбается).

Психоанализ делает акцент на личностной активности и эмоциональной аутентичности, создавая пространство, в котором человек воспринимается, как человек, а не как винтик в бюрократическом механизме.

М.Ф.: Если бы вы могли дать один совет современным психоаналитикам, что бы Вы сказали?

Фрейд: Никогда не отказывайтесь от исследования бессознательного. Несмотря на меняющийся ландшафт, бессознательное остается самым глубоким и неисчерпаемым источником понимания человеческого опыта. Сопротивляйтесь

С психоаналитической точки зрения, капитализм эксплуатирует желание, постоянно предлагая новые «решения» для заполнения пустоты — решения, которые только усиливают ощущение ненаполненности.

постмодернистской тенденции исключать бессознательное из повседневного дискурса. Современные аналитики должны противостоять искушению свести психоанализ к быстрым решениям и вместо этого способствовать глубокому, осмысленному исследованию внутреннего мира своих пациентов.

М.Ф.: Благодарю Вас, доктор Фрейд, за этот потрясающий разговор. Желаю приятной прогулки по нашему прекрасному городу!

НЕВРОТИЧЕСКОЕ СТРАДАНИЕ: НЕВИДИМЫЕ ТЯГОТЫ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Фрейд определил «невротические страдания» как страдания, возникающие из-за бессознательных конфликтов. В современном обществе культурное давление усиливает эти конфликты, отражая взаимодействие между психологией отдельного человека и более широким культурно-историческим контекстом.

НАВЯЗЧИВОЕ СТРЕМЛЕНИЕ К СОВЕРШЕНСТВУ

Современная культура превозносит совершенную внешность, высокие достижения и эмоциональную стабильность, что способствует процветанию патологических нарциссических защит, неадекватности и грандиозности.

Клинический случай:
Женщина, молодой специалист, амбициозный хирург, стремится к совершенству во всех сферах жизни, при этом испытывает хроническую тревогу и неуверенность в себе. Несмотря на внешний успех, она постоянно чувствует себя неудачницей. Она хорошо справляется со своей работой, но как только возвращается домой из больницы, ее одолевает страх оказаться неидеальной матерью и женой. В общении с другими людьми она демонстрирует фасад высокомерия и грандиозности, но внутри чувствует себя маленькой девочкой, не соответствующей родительским требованиям. Она не может отпустить свою нарциссическую систему ценностей: быть лучше всех, быть самой лучшей. После небольшой ошибки во время операции ее охватывает приступ паники, и она становится мишенью для бури негатива, судебных исков, в итоге теряет работу и репутацию.

Неустанное стремление к совершенству ведет к дальнейшему подавлению и отчуждению.

В анализе я призываю ее принять эти тревоги как часть жизни, глубоко укоренившиеся в каждом из нас и избрать

иную линию мышления, нежели перфекционизм: стать человеком, проанализировать свои иррациональные тревоги, вместо того чтобы подавлять их, изображая из себя нечеловеческую идеализированную фигуру.

ПАНИЧЕСКИЕ И ТРЕВОЖНЫЕ РАССТРОЙСТВА

В современном обществе панические расстройства и фобии носят характер эпидемии, что свидетельствует о постоянной активации глубоко укоренившихся страхов кастрации, потери и аннигиляции, зачастую слабо символизированных. Панические и тревожные расстройства представляют собой еще одну постмодернистскую форму невротического несчастья.

Психоаналитикам в эпоху постмодерна приходится учить своих пациентов принимать и переносить тревоги, воспринимая их как проекции внутренних фантазий, связанных с детским опытом. При этом важно не путать их с внешней реальностью, что может происходить при тех или иных фобиях. Данная задача зачастую становится серьезным испытанием в повседневной практике. Большинство моих пациентов демонстрируют мощное сопротивление встрече с воображаемым содержанием, с внутренним фильмом своих тревог. Фобия используется ими как защита, как возможность проецировать свои страхи и справляться с ними во внешнем мире.

> Одиночество, если его принять, предлагает психическое пространство, необходимое для самоанализа и роста.

ДЕПРЕССИЯ, ИНГИБИЦИЯ, САМОСАБОТАЖ

По данным Всемирной организации здравоохранения, депрессия — это болезнь постмодернистского общества. Более 40% жителей планеты хотя бы раз в жизни испытывают депрессию средней и тяжелой степени. Депрессия и хроническая усталость занимают первое место в симптоматике постмодерна. Они представляют собой защиту от желания совершать действия и связанных с ним глубоко укоренившихся тревог.

Идентификация с неполноценной, кастрированной фигурой позволяет человеку отстраниться и избежать вызовов современной жизни. Особенно часто молодые люди в западных странах испытывают состояния депрессии, апатии, ангедонии, ингибиции по отношению к учебе и работе. Они бессознательно бастуют против требований постоянной конкуренции, жертвуя при этом и удовольствием от жизни.

Моя работа с такими клиентами заключается в стимулировании их бунтарских импульсов, совместном поиске и пробуждении в них их собственных желаний, в анализе их защит от ощущения небезопасности постмодернистской жизни.

> Только признавая свою смертность, мы можем полностью принять настоящее и найти смысл в наших ограничениях.

Идентификация с кастрированной обесцененной фигурой — это лишь один из саморазрушающих способов сказать «нет». В воображаемой роли жертвы вы

Несмотря на меняющийся ландшафт, бессознательное остается самым глубоким и неисчерпаемым источником понимания человеческого опыта.

можете отвергать требования окружающих и постоянно просить о поддержке и помощи, что составляет вторичную выгоду депрессии.

НЕЗРЕЛОСТЬ И СОПРОТИВЛЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ

Как показывает психоанализ, современное общество часто поощряет избегание взрослыми брать на себя обязательства, способствуя затяжному подростковому возрасту и несамостоятельности. Фрейд рассматривал зрелость как важнейший этап развития личности, на котором человек сталкивается со своими ограничениями и берет на себя ответственность за свою жизнь.

Клинический случай:
Клиент в возрасте тридцати лет страдает от необходимости брать на себя обязательства и принимать решения, демонстрируя образ мышления на уровне подростка. Терапия помогает ему противостоять бессознательным страхам, удерживающим его от принятия на себя ответственности. Наследник богатой семьи проводит свое время за игрой в гольф, соблазнением девушек и незамысловатыми развлечениями.

С одной стороны, он обожает меня как своего гуру, с другой — обращается со мной высокомерно, словно я один из его подчиненных. Когда я конфронтирую с его нежеланием задуматься над тем, что мы обсуждаем, он часто приходит в ярость. Я говорю ему, что он должен претендовать на роль моего партнера в нашем совместном путешествии, иначе я прекращу анализ. Это заставляет его испытать страх потери, необходимый для принятия на себя ответственности взрослого человека.

ОБСЕССИВНО-КОМПУЛЬСИВНЫЕ РАССТРОЙСТВА: ИЛЛЮЗИЯ КОНТРОЛЯ

Навязчивое, маниакальное желание контролировать все аспекты своей жизни представляет собой подчинение культурному агрессору и садистскому супер-эго. Человек жертвует своим личностным развитием и живостью во имя идеальной адаптации к требованиям общества и культуры. В мире безграничных возможностей, иллюзия контроля вызывает всепоглощающее чувство тревоги.

Современные аналитики должны противостоять искушению свести психоанализ к быстрым решениям и вместо этого способствовать глубокому, осмысленному исследованию внутреннего мира своих пациентов.

Согласно психоаналитическому подходу, бессознательное играет решающую роль в формировании решений, и ключом к обретению равновесия является признание влияния бессознательного.

Панические и тревожные расстройства представляют собой еще одну постмодернистскую форму невротического несчастья.

Принятие и исследование фундаментального раскола между рациональным эго и бессознательным — основная проблема для клиентов, страдающих от обсессивных симптомов и черт характера.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО ЖИЗНИ: СОЗДАНИЕ РЕАЛИСТИЧНОГО СЧАСТЬЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Вопрос о психоаналитическом искусстве жизни возникает в ответ на переживания невротического страдания и обычного несчастья в современном мире. Если счастье — это не перманентное состояние, а эпизодический опыт, основанный на принятии, рефлексии и поиске смысла, то психоанализ предлагает трансформационный путь навстречу счастью. Русская психоаналитическая мысль, с ее глубокой вовлеченностью в реляционность и коллективную память, предлагает уникальные идеи для формирования искусства жизни.

ПРИНЯТИЕ НЕСОВЕРШЕНСТВА

Клинический случай:
Женщина, ощущающая свое несоответствие общественным идеалам, благодаря психоанализу учится принимать свои недостатки и находить ценность в своем несовершенстве. Результатом таких трансформаций стали более глубокие взаимоотношения и более подлинная жизнь. Она бросает работу успешного IT-специалиста и пускается в путешествие с тайной целью — стать танцовщицей и исполнителем визуальных перформансов. Она знает, что ей предстоит пройти долгий путь, начать практически с нуля, принять все свои недостатки и несовершенства, найти специалистов, чтобы научиться у них и впоследствии стать мастером в своей новой профессии.

В основе психоаналитического искусства жизни лежит принятие несовершенства. Работы Фрейда подчеркивают неизбежность страдания, которое невозможно полностью искоренить. В российском психоанализе это признание переплетается с коллективной жизнестойкостью, уходящей корнями в коллективные страдания.

Современная культура превозносит совершенную внешность, высокие достижения и эмоциональную стабильность, что способствует процветанию патологических нарциссических защит, неадекватности и грандиозности.

Депрессия и хроническая усталость занимают первое место в симптоматике постмодерна.

Принятие не подразумевает пассивности, а скорее, предполагает активное участие в жизненных сложностях. Оно побуждает человека встретиться лицом к лицу с утратой, уязвимостью и ограничениями как неотъемлемыми аспектами существования.

ВОПЛОЩЕНИЕ РЕЛЯЦИОННОСТИ

Клинический случай:
Бизнесмен, изначально сосредоточенный исключительно на карьере, в ходе терапии обнаруживает, что чувствует внутреннюю пустоту из-за отсутствия значимых отношений. Благодаря принятию реляционности он восстанавливает связь со своей семьей и обществом, вновь обретая чувство принадлежности.

Российский психоанализ подчеркивает важность реляционных связей. Общинный дух и совместный опыт, глубоко укоренившиеся в русской культуре, соответствуют психоаналитическим представлениям о важности подлинных связей.

Построение значимых отношений становится краеугольным камнем этого искусства жизни, способствуя развитию чувства принадлежности и противодействуя изолирующему влиянию современности.

В то же время психоанализ подчеркивает не меньшую важность развития способности к проживанию одиночества. Истинное здоровье — это баланс между поддержанием значимых отношений и возможностью побыть наедине с самим собой. Одиночество, в психоаналитических терминах, обеспечивает психическое пространство для саморефлексии и эмоциональной проработки, позволяя людям воссоединиться со своим внутренним миром, свободным от требований внешней среды.

Таким образом, два вектора — реляционность и уединение — образуют динамическое взаимодействие в психоаналитическом искусстве жизни. В то время как в основе реляционности лежат взаимосвязи с людьми и культурные нарративы, уединение обеспечивает необходимое пространство для интеграции этого опыта и для личностного роста. Вместе они создают основу для того, чтобы ориентироваться в сложностях современной жизни, сохраняя подлинность и равновесие.

ТВОРЧЕСТВО И СМЫСЛООБРАЗОВАНИЕ

Случай из жизни:
Художник на пенсии, который чувствовал себя невостребованным и одиноким, вновь открывает в себе страсть к живописи, обращаясь к культурным корням и воспоминаниям, преобразуя свои

Фрейд рассматривал зрелость как важнейший этап развития личности, на котором человек сталкивается со своими ограничениями и берет на себя ответственность за свою жизнь.

внутренние конфликты в творческое самовыражение.

Психоаналитическое путешествие часто раскрывает творческий потенциал как ответ на внутренние конфликты. В русском сознании творчество не индивидуалистично, оно глубоко переплетено с культурными нарративами и исторической памятью.

Психоанализ предлагает людям направить свои страдания в значимое самовыражение — через искусство, отношения или личностный рост — превращая их в источник вдохновения.

СВОБОДА ЧЕРЕЗ САМОРЕФЛЕКСИЮ

Психоаналитическое искусство жизни предполагает саморефлексию, которая позволяет людям освободиться от бессознательных шаблонов, желаний, а также от навязанных обществом установок.

В российской культуре идентичность формируется в динамичном взаимодействии традиций и современности, а саморефлексия дает возможность примирить внутренние и внешние противоречия. Понимая свои желания и мотивы, человек может двигаться по жизни с большей автономией и подлинностью.

БАЛАНС МЕЖДУ ТРАДИЦИЯМИ И ИННОВАЦИЯМИ

Случай из жизни:
Русский иммигрант в Западной Европе, пытаясь приспособиться к новым условиям, находит равновесие, интегрируя ценности своей родины в актуальный культурный контекст, что позволяет ему чтить свое наследие и одновременно использовать новые возможности.

Российский психоанализ обеспечивает основу для интеграции богатого культурного наследия и требований современной жизни. Этот баланс отражает подход самого Фрейда, который использовал прошлое для решения проблем настоящего.

Таким образом, искусство жить становится синтезом традиций и инноваций, позволяя людям чтить свои корни и одновременно принимать перемены.

Психоаналитическое искусство жизни, основанное на принципах Фрейда и современных мыслителей, предлагает путь к реалистичному счастью. Оно не обещает жизнь, свободную от страданий, но дает инструменты для их познания и трансформации. Принимая несовершенство, поддерживая истинные отношения, занимаясь творчеством и саморефлексией, человек может построить жизнь, наполненную смыслом и устойчивостью.

Если счастье – это не перманентное состояние, а эпизодический опыт, основанный на принятии, рефлексии и поиске смысла, то психоанализ предлагает трансформационный путь навстречу счастью.

Счастье по-итальянски

“Felicità. È tenersi per mano,
andare lontano, la felicità”

Лука Николи

- психотерапевт и психоаналитик,
- член IPA и Итальянского психоаналитического общества,
- профессор Пармского университета

Характер данной работы абсолютно итальянский, а многие итальянские концепты восходят к латинскому языку, на котором говорили древние римляне. Римская культура, имеющая крестьянские корни, в значительной степени ориентирована на конкретику.

Итальянское слово «felicità» происходит от латинского «felicitas», которое, в свою очередь, происходит от глагола «felare». «Felare» имеет два значения: сосать материнскую грудь и кормить грудью. Таким образом, счастье связано со способностью наслаждаться физиологическим взаимообменом, который одновременно питает и тело, и психику, поддерживая психосоматическое единство человека.

З. Фрейд утверждал (1930), что психоанализ не гарантирует вечное счастье, его целью является превращение «невротического страдания в обычное несчастье».

> Счастье связано со способностью наслаждаться физиологическим взаимообменом, который одновременно питает и тело, и психику, поддерживая психосоматическое единство человека.

Однако, на мой более оптимистичный взгляд, задача психоанализа заключается в том, чтобы помочь людям обрести способность быть счастливыми. Речь не идет о гарантированном переживании счастья как непреходящего божественного состояния, наподобие экстаза или опиатного блаженства. Счастье как постоянное состояние — это инфантильная идея шизо-параноидной противоположности боли, не признающая диалектичности эмоциональных состояний. В книге «Недовольство культурой», З. Фрейд формулирует бесспорное утверждение, что счастье «по своей природе возможно только как эпизодическое явление» (1930 с.76).

СЧАСТЬЕ И ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Задача психоанализа, очевидно, не заключается в обеспечении непрерывного восторженно-маниакального состояния. М. Кляйн проводила различие между субъективным опытом «маниакальной защиты» (1935) и «действительным ощущением счастья» (1946, с. 17). В основе первого лежит трио: идеализация, отрицание и всемогущество, которые обеспечивают «всеблагой» мир, где все возможно, и где человеку не нужно зависеть от других людей в поисках любви и поддержки.

Действительное ощущение счастья возникает в контексте глубоких объектных отношений и способности к репаративной заботе и благодарности. Счастье, о котором я говорю, очевидно, относится к последнему: оно заключается в том, чтобы предоставить пациенту способность аналитика наслаждаться отношениями с самим собой и с другими.

Таким образом, психоанализ одновременно может рассказать пациенту что-то о нем или ней самой (эпистемологическое измерение психоанализа, Томас Огден) и обеспечить его совместным опытом, в котором человек чувствует себя понятым, признанным, желанным (онтологическое измерение). В этой парадигме счастье следует понимать как способность развивать моменты близости, сонастройки с другим и с самим собой. Данная идея отражена в концепциях унисона (Бион, Ферро), межпсихического (Болоньини), потенциального пространства (Винникотт), разговора как сновидения (Огден), аналитической близости (Николи).

Контейнирование – это необходимый инструмент для достижения сонастройки. Контейнирование позволяет придать смысл прото-эмоциям счастья и сделать их репрезентируемыми и коммуницируемыми. Без контейнирования маниакальное возбуждение не может найти холст, на котором его можно было бы изобразить, и становится, подобно порезам аргентинского художника Лучо Фонтаны – актом, выходящим за пределы способности человека к репрезентации.

Счастье не пронзает, как маниакальная эйфория, но накладывает краски на холст. Здесь может быть боль, бури, ветер, но все контейнируется, репрезентируется и превращается в красоту.

Счастье основано на темпоральном измерении, оно возникает благодаря разрыву между «до» и «после». Именно ритмичность восприятия позволяет испытывать облегчение. Согласно С. Ахтару (2010), феномен счастья охватывает четыре вида переживания: эйфория, радость, экстаз, удовлетворение, и в основании всех четырех переживаний лежит темпоральность.

Можно представить счастье как путешествие, которое всегда подразумевает возвращение домой: без этого путешествие превращается в иммиграцию, при которой отсутствует дом, ожидающий нас.

Без пробуждения сон не исполнится: он превратится в галлюцинацию или маниакальный дрейф.

НЕ БЫВАЕТ ХОРОШЕЙ ГРУДИ БЕЗ БЛИЗОСТИ

«Хорошая грудь, интроецированная в ситуации удовлетворения и счастья, становится, на мой взгляд, жизненно важной частью эго и укрепляет его способность к интеграции. Поскольку эта интроецированная хорошая грудь, формирующая также полезный и позитивный аспект раннего Супер-эго, укрепляет способность младенца любить и доверять своим объектам, а также стимулирует к интроекции хороших объектов и ситуаций». (1952b, с. 67). Это высказывание Мелани Кляйн объясняет, как интроекция удовлетворяющих переживаний способствует развитию способности получать удовольствие от отношений и ситуаций. Данные гениальные слова прозвучали 70 лет назад, и сейчас я бы добавил к ним про ценность близости, которая обеспечивает условия для создания и поддержания хорошей груди. Только если мать и ребенок (или кто-то еще) испытывают состояние эмоционально истинного, уважительного, взаимоудовлетворяющего обмена, грудное вскармливание станет не персекуторным, а вознаграждающим проживанием близости.

Персекуторный опыт близости мы можем увидеть на автопортрете Фриды Кало, где ни она, ни ее кормилица не испытывают счастья.

КАК ДОСТИЧЬ СЧАСТЬЯ?

Счастье, как и многие любимые нами слова, не имеет узкого определения. С. Ахтар выделял четыре различные формы счастья. Я не хочу давать определения: предел – это границы, ограничения, а счастье должно выходить за них. Важнее понять, каковы условия достижения счастья в психоанализе. Реализация счастья подразумевает соответствие между текущей ситуацией и внутренней эмоциональной правдой: человек признает, что это именно он, он подлинный. Должны быть контейнер и контейнируемое, а также способность репрезентировать это эмоциональное состояние. Через отношения, Другой помогает нам вместе создать состояние резонанса, аутентичности и наблюдает это вместе с нами.

Парадоксально, но в этом смысле, даже переживание боли, если оно ощущается как подлинное и разделяемое, может привести к состоянию счастья, то есть внутренней наполненности.

КЛИНИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ: «ПУТНИКИ ВОКРУГ КОСТРА»

Недавно я проводил супервизионную группу онлайн, и она стала примером того, как сдержанное принятие эмоциональной правды может открыть пространство для счастья. Группа состоит из 14 российских коллег, с которыми я уже год ежемесячно работаю над темой эмоциональной близости. Метод работы предполагает, что ведущий читает материал одной или двух сессий, не давая никакой дополнительной информации об истории пациента и истории терапии, чтобы группа могла сосредоточиться на микротрансформациях в ходе сессии, не зацикливаясь на деталях биографии и прошлого. Поскольку, как говорил Бион, пациент, который находится перед нами сегодня, не такой же, как на прошлой неделе.

В протоколе, в нарушение обычных правил, в первой строке написано, что пациентке 41 год. Именно так и написано — с указанием точной цифры. Итак, ведущая, живущая в одной из стран Ближнего Востока, рассказывает о своей пациентке, русской иммигрантке, испытывающей трудности с оформлением документов и необходимостью сохранить работу. Ее компания проводит масштабные увольнения. Пациентка не может выразить протест начальству, опасаясь, что ее уволят.

> Контейнирование позволяет придать смысл протоэмоциям счастья и сделать их репрезентируемыми и коммуницируемыми.

Ассоциации группы сводятся к вопросам неопределенности и отсутствия пространства для себя. В основном говорят двое или трое коллег, а трое постоянно молчат.

Тогда я обращаюсь к ведущей: «Мне кажется, Елена, что под видом 40-летней женщины появилась четырехлетняя девочка, которая приехала издалека, хочет, чтобы ее удочерили; она готова отказаться от себя, чтобы жить в вашем доме».

Татьяна, через чью камеру мы видим темную библиотеку, напоминающую мрачную пещеру, в то время как ведущую освещает солнечный свет, восклицает: «Мы, русские мигранты, как абортированные младенцы, выброшенные до срока. Чувствуем, что для нас нет места».

Ведущая возобновляет чтение: пациентка жалуется на мужчин в своей компании, которые ничего не делают. Кто-то предполагает, что муж пациентки погиб в результате несчастного случая на работе, и прежде, чем группа успевает воспринять эту фантазию, ведущая нарушает условие о соблюдении молчания во время ассоциирования группы, вмешивается и объясняет, что это неправда, он жив, но работает в другом месте.

Юрий, другой коллега, говорит, что нет никого, кто мог бы ее выслушать.

Ведущая продолжает чтение: она пересказывает сон, в котором дом пациентки затоплен водой. Видимо, что-то случилось со старыми, ржавыми трубами. Пациентка понимает, что проблема возникла по вине ее сына: ей придется его поколотить! Сразу после этого, вернувшись к ситуации на работе, она жалуется, что ее подруга находится под угрозой увольнения. Она – единственная попыталась ее защитить.

Татьяна говорит, что хотела бы что-то добавить, но чувствует, что говорит слишком много, и поэтому решает ограничить себя. Трое молчаливых коллег продолжают не вмешиваться: их лица заинтересованы, но не очень выразительны. Интересно, что они чувствуют?

Увольнение, молчание, избиение: мне кажется, что нет никакого движения. Интересно, о чем думают трое молчаливых коллег? Я также чувствую, что меня осуждают за то, как я веду себя с группой.

Я чувствую, что вокруг витает паранойя.

«Неудивительно, Татьяна, что вы чувствуете, что не можете говорить: здесь карательные отряды! Анна, Екатерина и Борис поняли это и держат язык за зубами».

Участники группы переглядываются, и впервые слово берет Анна, одна из молчаливых коллег: «Я раздражена, потому что они свалили все на ребенка, который наверняка ничего не знает о сантехнике, но при этом несет большую ответственность». Сразу же после этого в разговор вмешивается Екатерина, вторая коллега, спровоцированная моим вмешательством: «Я чувствовала себя беспомощной. В данном случае добавить нечего, мы слишком мало знаем».

Я вмешиваюсь: «И пациент, и наша коллега Елена борются только с одной Истиной, с большой буквы И: первая продиктована компанией, вторая – биографией пациента, которую знает только Елена. Ни для чего другого не было места. Пока я не разоблачил карательные отряды цензуры, группа молчала».

> Счастье, о котором я говорю, заключается в том, чтобы предоставить пациенту способность аналитика наслаждаться отношениями с самим собой и с другими.

В этот момент вмешивается Борис, третий молчаливый коллега, и говорит, что находится под впечатлением этих старых, ржавых труб: «Здесь нет места для нас, грязных людей, которые должны отойти в сторону, чтобы не затопить тех, кто чист!».

Я понимаю, что ничего не знаю о Борисе, кроме его круглого, серьезного лица, вызывающего у меня большую симпатию. Догадываюсь, что он из Москвы или из соседнего города. Я спрашиваю его, откуда он. Борис отвечает, что живет в Израиле. Ему тоже пришлось уехать, потому что он был недостаточно чист, я думаю. А теперь где-то умирают израильтяне и палестинцы, потому что они нечисты.

Как будто только в этот момент я осознал, что та группа русских, которая в моем воображении живет в окрестностях Москвы, на самом деле разбросана на тысячи километров. А объединяло их только мое предубеждение: все они говорят на одном языке, русском, недоступном для меня.

Затем, впечатленный, я говорю: «В течение этих месяцев мы верили в выдумку, что находимся в одной комнате, в Интернете. Вместо этого мы разбросаны за тысячи миль друг от друга, и нам нужно одобрение группы, чтобы мы могли почувствовать право быть ее частью и высказывать свое мнение, а не молчать перед чужой правдой.

Взгляды нескольких человек застыли. На лице Бориса появляется легкая улыбка, и даже из темной пещеры Татьяны видно счастливое выражение ее глаз. Наступила тишина – как бывает, когда путники вечером собираются у одного костра. Ведущая берет слово. Ее глаза сияют. Она смущенно рассказывает, что в конце этой сессии она узнала, что беременна.

Счастье может быть группой разбросанных по миру коллег, которые осознают себя людьми, разделяющими одно и то же состояние тоски.

Счастье и печаль – не противоположности, а просто разные слагаемые одной песни. Песни о человечестве. О детях, приходящих в мир, и детях, которых бьют, об иммигрантах и людях, сопротивляющихся своей родине, о грязной воде и чистых слезах, о совместных снах и кошмарах, о русском и итальянском языках.

Для того, чтобы петь вместе, необходимо разрешение, внутреннее и внешнее. Вам нужна близость теплого и безопасного места, где вы можете снять ветровку и защитную одежду, быть собой без лишних опасений. А петь вместе – значит признать красоту пения: универсальную красоту, единство звука и эмоций, которому не нужно ничего, просто быть.

Ведь, в конце концов, счастье – это единение с красотой.

Материнская зависть как атака на проживание счастья

Мария Шленина

- специалист, тренинговый аналитик и супервизор ЕАРПП.

Нет людей без зависти. Зависть — энергия, находящаяся в центре жизни человека как существа социального. Она возникает, когда индивид начинает сравнивать себя с Другим. Иными словами, зависть — признак развития когнитивных способностей. И человек без зависти — не человек. В этом смысле можно говорить, что зависть — один из вариантов познания, интроецированный в той системе, в которой человек живёт.

Сравнение себя с Другим предполагает, что этот Другой в представлении человека есть, и есть не просто сам по себе, как пустой объект, а как объект, наделенный проекциями и фантазиями о том, что у него есть и как ему это досталось. И в переживании зависти есть совершенно точно понимание, что Другому всё досталось гораздо легче и то, что у него есть, он вряд ли заслуживает.

Зависть в этом смысле становится инициатором личных отношений. Человек свою активность, свою моторную деятельность реализует в рамках фантазий о Другом, и о том, чем этот Другой обладает по отношению к субъекту. Страх вызвать зависть и желание вызывать зависть, перекрывающее этот страх, сдерживают и корректируют огромное количество действий. Степень зависти растет пропорционально близости к другому человеку. Чем больше проекций помещено в другого человека, тем более близким он переживается. Такой подход к зависти

Зависть — один из вариантов познания, интроецированный в той системе, в которой человек живёт.

В переживании зависти есть совершенно точно понимание, что Другому всё досталось гораздо легче, и то, что у него есть, он вряд ли заслуживает.

похож на описание переноса. Чем выше интенсивность переноса, тем выше интенсивность зависти.

Сначала я написала: «мать — самый близкий человек», но на самом деле это не так. Вообще-то ребенок — самый близкий человек для матери. При таком подходе ребенок становится объектом зависти, а не мать.

Мы привыкли, что дети завидуют. Кляйн писала: «ребенок завидует и испытывает зависть». Я предлагаю посмотреть на этот процесс с другого ракурса: мать завидует, а ребенок интроецирует завидующий объект. Мать переживает ребенка абсолютно близким. И ее, как среду, атакующую перегрузками близости, ребенок интроецирует в рамках слияния. Мы привыкли воспринимать зависть в контексте опасности. Люди из зависти совершают разные поступки. Зависть вынуждает концентрироваться на параметрах, которых недостаточно у тебя самого или они переживаются как отсутствующие. Человек не может воспринимать и объективировать то, что ему незнакомо. Он завидует тому, что спроецировано им в Другого.

Винникотт говорит: нет ребенка без матери, нет никакого чувства зависти, если завидующий виден. Отдельно самой по себе зависти не существует. Во-первых, мир завистника — это наш с вами мир. Отказаться, избавиться от зависти невозможно. Клиент может такой запрос сформулировать, но это — нерешаемая задача. Мир без зависти — это незавидный мир. Тут я вижу два варианта: либо это 100% осознанность, которая приведет к безэмоциональному состоянию: «чего завидовать, берешь и делаешь»; либо мир, без знаний, до осознания того, кто я есть. Как только появляется самоосознание, обнаруживаются стыд и зависть. Мир без зависти — это либо полностью осознанный мир, либо полностью бессознательный. Ни то, ни другое не является человеческим миром.

Второе, что хотелось бы сказать о мире завистника: человек, переживающий зависть, ее разъедающую форму, создает фантазию, что другие не завидуют, что все спокойно живут без зависти, а он один завидует, он страдает, а остальные в порядке. Я думаю, что вы сталкивались с этим не только в практике обучения, но и в личной жизни. Человек в зависти, я сейчас говорю «человек», но подразумеваю мать. Человек в зависти не хочет, чтобы ему завидовали, не хочет взаимности, он не хочет быть завидным, он хочет быть завидующим. Обнаружить себя, обладающим чем-то, что его каким-то образом делает объектом проекций Другого, ему страшно, этого он не хочет. Он хочет фантазировать о том, чего у него нет, а у других есть. Делать что-нибудь, вступать в связи, чтобы создать что-то подобное, он не собирается вообще. О принципе реальности здесь нет речи, нет никакой реальности; есть фантазия, что у Другого есть, а у меня нет, и так и должно быть.

Чем выше интенсивность переноса, тем выше интенсивность зависти.

Поэтому, когда человек просит избавить его от зависти, он врет, он не знает, что без зависти делать.

Человек завистливый, он не вор и не мошенник, ему не нужно всё, что есть у Другого, ему надо завидовать. Я подвожу к той проблеме, которая сейчас для меня вдруг стала очевидной: проблема прокрастинации. Прокастинация — тоже может быть примером сдерживания опасной активности и потенции.

Все душевные силы, вся психика направлены на то, чтобы затормозить активность, не обретая ничего вообще. Зависть позволяет человеку ничего не иметь, быть ничего не имеющим и не желающим ничем обладать. Когда он говорит «я хочу тоже», на самом деле он с этим «тоже» не знает, что делать. Максимум на что он готов — разрушать мир тех, кто что-то имеет. Всё отобрать и на всех поделить. Кто и что с этим поделенным делать будет? Никто и ничего. Будем делить дальше до неизмеримо малых величин.

Первое: мать — тоже человек. Второе: для нее зависть является средством защиты своего психосоматического единства, средство самосохранения. Иногда это средство самосохранения начинает быть избыточным и появляется риск «выплеснуть ребенка вместе с водой». Защита ради защиты, которая становится монотонной, одержимой. В этом смысле мать не выносит зависти ребенка. Она не может выдержать его признания ее преимуществ, того, что у нее больше возможностей по отношению к нему. Дети готовы это признавать, а вот матери — нет. Не все конечно, но… Зависть матери в первую очередь отторгает детскую часть себя, она разрывает связь с ребенком, устанавливая вместо субъектных отношений, субъектно-объектные, где ребенок становится объектом зависти.

> Зависть вынуждает концентрироваться на параметрах, которых недостаточно у тебя самого или они переживаются как отсутствующие. Человек не может воспринимать и объективировать то, что ему незнакомо. Он завидует тому, что спроецировано им в Другого.

Характерной чертой зависти является практически невозможное смирение с неравенством, признание неравенства возможностей всех людей и их положения. Идея равенства — это маниакальная идея о мире без зависти. Я не хочу никому завидовать, поэтому давайте ни у кого ничего не будет, а то очень раздражает. Зависть никогда не бывает безобъектной, она всегда направлена на объект. Есть объект, есть фантазия об этом объекте. Допустим, кто-то описывает очень плохой субъект, у которого все есть. Он плохой именно потому, что у него всё есть. Описание будет детальным, ведь ушла куча психических сил на то, чтобы эту фантазию создать и поддерживать: точно знать, что этому «гаду» повезло, у него родители, еще кто-нибудь, бог знает кто ещё, неважно. Зачастую на супервизиях я слышу, что аналитики оказываются затоплены этими содержаниями. Клиент не перестает говорить о «гадах», которые его окружают.

Зависть направлена на разрушение. Кляйн писала об инстинкте смерти, о конституциональном факторе, об «интроектах». Представим интроект как часть психического

Мир без зависти — это либо полностью осознанный мир, либо полностью бессознательный. Ни то, ни другое не является человеческим миром.

аппарата другого человека, управляющую твоим телом. Телесность ребенка или телесность любого человека является лишь частично его собственностью, но никогда не полностью. Зависть в этом смысле — внешнее проявление дефицитарности переживания самого себя, не своей дефицитарности, а именно переживания дефицитарности, которой нет.

Завистливый человек желает минимальных различий. Я думаю, что вы сталкивались с бытовым проявлением зависти, когда люди строят из себя специалистов в таких областях, как психология, воспитание детей, медицина. Во всех тех областях, которые страшны тем, что у другого человека как будто есть знания о тебе, которых нет у тебя. Помните ту шутку: нормальные же вирусологи были, зачем столько политологов развелось?

Завистливый человек желает минимальных различий, минимизируя различия через обесценивание. Да, он богатый, но он сволочь. Да, она мать хорошая, но не удалась жизнь. Да, у нее удалась жизнь, но она хреновая мать. Да, он умный человек, но он бедный. «Да, но» — это признак тщательно упакованной зависти, потому что мы занимаемся сравнением того, чего вообще не понимаем в чужой жизни, мы не можем понимать чужую жизнь, жизнь другого человека, даже собственного близкого, мы абсолютно понять не можем, это факт.

По Кляйн, источник зависти матери — ее собственная бессознательная фантазия о том, что ее тело и психика не могут обладать ничем желанным, а всё, что у нее есть — случайность, за которую она должна расплатиться или чей-то подарок. Изначально фантазия о том, что у меня ничего нет, могла являться спасительной для целого поколенческого ряда. У меня ничего нет, у меня незавидное положение, я останусь жив. Вообще, конечно, каждое следующее поколение лучше, чем предыдущее. Мы — лучшие матери, чем наши матери, но это источник зависти по отношению к своим детям — у них лучше мать, чем у меня, им повезло, а мне нет.

При восприятии детского потенциала, мать, может быть, затоплена своими инфантильными переживаниями. Потенциал ребенка абсолютизируется, и если мы берем совсем бессознательные, архаические фантазии, то она породила того, кто ее убьет. И поэтому тот, кто ее убьет, должен быть воспитан таким образом, чтобы не убил. Если не воспитан, то запуган или задавлен. И тогда система воспитания направлена на то, чтобы осадить потенциального убийцу, чтобы ему в голову это даже не пришло. Проблема в чем? В степени ужаса, потому что в этот момент ее личность переживается субъективно как хрупкая, уязвимая и тотально беспомощная. По сути дела, идет

Зависть позволяет человеку ничего не иметь, быть ничего не имеющим и не желающим ничем обладать.

оборот: тотально беспомощна и в ее власти на самом деле находится ребенок и его тело. Но в той мере, в которой у нее возникает в этом сомнение, она начинает захватываться завистью. И тогда мы встречаемся с ужасными новостями: мать убила своих детей. Понятно, что это психоз, понятно, что это психопатология, в которой психика женщины оказалась захвачена ужасающими фантазиями. В силу каких причин? У всех по-разному. Восприятие себя как слабой, не могущей ничего поделать с ребенком, с его активностью пережить непросто. Спящие дети все хороши. Активный ребенок кричит, ползает, все может, ничего не понимает и вообще он не дает ей ничего делать: развиваться, работать, отдыхать. Мы же знаем, как меняется жизнь с появлением в семье младенца. Ребенок в таком случае наделяется силой, способной уничтожить мать. Вероятно, весь арсенал кастрационных мер направлен на то, чтобы эту активность уничтожить. И тогда кастрационный комплекс — комплекс выживания системы «хрупкая мать — всемогущий ребенок». По сути дела, она, разрушаясь и обнаруживая свою психическую хрупкость, кастрирует его активность.

Кляйн писала: вытеснение активных маскулинных компонентов как у мальчиков, так и девочек, составляет важнейшую основу торможения в учебе. Маскулинность, в данном случае понимается как активность, как действие, деятельность, деяние. Если

Первое: мать — тоже человек. Второе: для нее зависть является средством защиты своего психосоматического единства, средство самосохранения.

она переживается опасной, то она тотально опасна. Иными словами, я боюсь разрушать мир собой и своими действиями. И я начинаю свои действия тормозить, максимально сберегая внешний мир от своего воздействия.

Сама по себе способность воспринимать и понимать является проявлением агрессии. Если я что-то воспринимаю и понимаю, я делаю это своим, съедаю. Если торможение слишком сильно, то усваивать пойманное нельзя. Оно чужеродное. Человек может, говоря словами Винникотта, «в рамках ложной самости», быть очень умным с точки зрения окружающих, но это просто очень хорошо обученный тупой.

Чем хороши мы с вами: мы сомневаемся, мы непоследовательны. Самое опасное для воспитателя — это последовательность. А матерям лень в основной своей массе. Потребовали и забыли, и нормально. Те, которые не забывают — страшные люди. Слышала от моей клиентки историю, что её мать чеки собирала. Хорошая идея, да? Правда, клиентка в анализ пошла и наплевала на эти чеки в итоге.

Активность, проявляющаяся восприимчивостью и пониманием — это сублимация, обучаемость. Сублимация маскулинной потенции — та маскулинная часть в мальчике и в девочке, которая позволяет вторгнуться в мир, оплодотворить собой и пожинать плоды этого оплодотворения. На это стоит запрет при тяжелой зависти, потому что любая активность переживается как убийство, причем не образное, а реальное. Я молчу

Характерной чертой зависти является практически невозможное смирение с неравенством, признание неравенства возможностей всех людей и их положения. Идея равенства — это маниакальная идея о мире без зависти.

про истории, когда мамы регулярно начинали падать в обмороки и прочие «сердечные приступы», чтобы показать, к чему приводит активность ребенка. Это восприятие ребенка как угрозы, приобретенное матерью. Стиль восприятия является наследуемым, т.е. мать, будучи ребенком, была также дискредитирована своей маскулинно-феминнной потентностью. Возможно, подобное обесценивание являлось спасением в определенные годы жизни рода, семьи.

Признание наличия в себе завидных качеств или их сублимационных проявлений, вызывает у многих клиентов дичайшее сопротивление, сопротивление человека, которому сейчас как будто горло перережут. Его убедить невозможно, не работает. Он может согласиться, он же хороший человек, покивать головой может, «да, да, говорите, пожалуйста, я-то знаю, что это всё вранье». Завидующим быть можно, а вот завидным быть опасно.

С некоторыми клиентами, анализандами мы попадаем в ловушку, где в попытке быть незавидным, терапию используют для того, чтобы расслабиться настолько, что теряется вообще всё. Они вдруг увольняются, когда никто не разрешал. В терапии, помните, есть такое правило, что в процессе прохождения терапии клиент не совершает значимых изменений: разводы запрещены, женитьба запрещена, никто никуда не дергается, все сидят на месте. Это аналитику можно, и то под вопросом, не отыгрывание ли это бессознательных желаний клиента. Но кто же слушается? Я сейчас понимаю, что с клиентами попала в ловушку, и они на самом деле не собирались ничего делать. Главная их мечта была вообще себя обезопасить полностью, как носителей каких-то способностей. Уходят с работы, которая их кормит. Они ищут работу, которая им нравится. Как один человек сказал: «я хочу работу, чтобы она была мне интересна, она мне нравилась, она меня кормила». Я сказала: «по-моему, вы не работу описываете сейчас, а какую-то женщину рядом». Работу работают, даже самую интересную. Психоаналитик — очень интересная работа, но к человеку восьмому, скорее, работаешь на бессознательных ресурсах. Не то чтобы неинтересно, просто другой фокус уже начинается. Те, у кого большая загруженность, знают, понятиями «интересно», «нравится» уже не оперируют.

Источник зависти матери — ее собственная бессознательная фантазия о том, что ее тело и психика не могут обладать ничем желанным, а всё, что у нее есть — случайность, за которую она должна расплатиться, или чей-то подарок.

Отношения с ребенком — вернемся к нашей первой женщине с ребенком — становятся нереальными, сновидными, но не в смысле свободных ассоциаций и символической функции сновидений,

они сновидные наяву. Он — зависимый, беспомощный разрушитель всего. Такое восприятие похоже на сгущение, когда один объект может совмещать противоположные качества, к реальности это никакого отношения не имеет. Это не ребенок, а смесь бульдога с носорогом. Он абсолютно беспомощен, и он абсолютно мощен.

В отношениях с ребенком у испуганной матери присутствует спутанность восприятия, нарушение мышления, сгущение реального объекта, ее восприятие реального объекта вместе с прошлым объектом. Мать проецирует в ребенка того взрослого, который ей понятен и который ее чудом не убил, хотя на самом деле все время об этом сообщал, что, если что, я тебя убью. И мать начинает запугивания сомнительного воспитательного характера, но, с другой стороны, правильные: если будешь плохо себя вести, тебя посадят в отдельное место куда-нибудь и сиди. Тогда ребенок пытается разными способами восстановить нарушенное мышление. Он отказывается от разрушающей активности. Решение в данном случае — отказ от реальности своего я.

Активность, проявляющаяся восприимчивостью и пониманием — это сублимация, обучаемость. Сублимация маскулинной потенции — та маскулинная часть в мальчике и в девочке, которая позволяет вторгнуться в мир, оплодотворить собой и пожинать плоды этого оплодотворения.

Отрицание само по себе маниакально, это способ уничтожить то, что меня тревожит. Речь идет об отрицании малейших намеков на свои мощности. Человек, приходя в анализ, сталкивается с тем фактом, что его видят, его воспринимают. Он употребляет весь арсенал психических ресурсов на то, чтобы не видеть, что его видят, он начинает отрицать реальность аналитика. Отрицание той степени, до которой меня отрицали.

В кабинете мы наблюдаем отказ от связей, человек сопротивляется восприятию Другим. Чем активнее аналитик настраивается на человека, тем выше будет степень сопротивления. Параноики это, в принципе, могут воспринять как угрозу уничтожения. Человек вынужден согласно его системе напряжений сдерживающих противовесов реагировать и оправдывать свое существование в кабинете. Он активно что-нибудь нам дает в виде жертвоприношения. «Не убивай меня, Иван Царевич, я тебе принес тут всё». Приносит тему соблазняющую, интересную: «я не опасен, смотри, какой я несчастный, всё плохо, у меня ничего нет, не убивай меня, не отбирай, пожалуйста». Я думаю, все

Вероятно, весь арсенал кастрационных мер направлен на то, чтобы эту активность уничтожить. И тогда кастрационный комплекс — комплекс выживания системы «хрупкая мать — всемогущий ребенок». По сути дела, она, разрушаясь и обнаруживая свою психическую хрупкость, кастрирует его активность.

Завидующим быть можно, а вот завидным быть опасно.

сталкивались с этим. Есть достаточно супервизандов, которые приносят свои случаи, в которых проблема в том, что аналитик и не собирается быть воспринятым клиентом в качестве аналитика. По сути дела, аналитик защищается от ужаса своей невидимости, и два умных человека о чем-нибудь разговаривают, это прекрасно, но ни к чему не приводит, только если к трате денег.

Маниакальное отрицание реальности собственных ресурсов является универсальным. Если же посмотреть пути отказа от реального, то чему завидует мама, если у нее мальчик? Это зависть к потентности, которую Фрейд описал как зависть к пенису. Мальчик опасен в том теле, в котором он есть. Что делать, чтобы не быть убитым матерью из страха перед моей потенцией? Стать частью ее, стать ее пенисом, но абсолютно управляемым и ее. Я — абсолютно идеальный пенис матери. И тогда ей можно не бояться. Мы видим вполне себе состоявшегося нормального мужчину, который почему-то ничего делать не может. Другой вариант тоже хорош: сократить всю свою активность и стать хорошим человеком, импотентом. Хороший в кавычках, понятно, что я не говорю, что он объективно хороший. Развивается психическая импотенция, не обязательно физическая — у меня нет ничего, что можно было бы кастрировать, поэтому я нахожусь в вечном поиске себя. И с одной стороны, поиск себя мотивирован, увидьте кто-нибудь меня, я войду в связь тогда, а с другой стороны, он невозможен, потому что отрицается его защитный характер. И человек бесконечно ищет себя.

Я думаю, что некоторые случаи гомосексуального пути развития тоже могут быть следствием попыток сократить свою активность и перенаправить ее к объектам, для которых ты безопасен.

Можно еще, знаете как защититься, — стать плохим, невкусным, мерзким. То, что кстати дети делают, подростки, когда у них эдипальный, сексуальный бунт. Орут, как обезьяны, ржут, воняют, делают все, чтобы быть противными и несоблазнительными.

У девочек я наблюдала отрицание своей потенции в виде формирования хрупкой оболочки, которая ничего не может. Я безопасна, где поставишь, там возьмешь. Такие хорошие и пустые. С чем приходят такие люди? У них в определенный момент начинается соматический кризис, потому что тело в таком отрицании находиться не может, оно в какой-то момент начинает выдавать гиперфункции. Тело не может быть отрицаемым в таком количестве. Психический аппарат находит последний бастион — увидеть себя, хотя бы через связь с хирургом.

Человек, приходя в анализ, сталкивается с тем фактом, что его видят, его воспринимают. Он употребляет весь арсенал психических ресурсов на то, чтобы не видеть, что его видят, он начинает отрицать реальность аналитика.

Зависть настолько разрушительна, что человек либо вынужден бессознательно наращивать большое тело, мимо не пройдешь, либо игнорирует реальность внутителесных процессов. Мы имеем дело с расщеплением, психический аппарат просто игнорирует сому.

Еще один интересный вариант для девочек отрицания своей потенции — альтруистичная невидимка. Она осваивает помогающие профессии и прячется за фасадом помогающего, отрицая реальность своего воздействия. Такие женщины любят техники, они правильно их применяют, потому что за техниками можно спрятаться. Одна моя знакомая говорит: я очень хочу освоить психологию, но только для того, чтобы диагностировать, работать я вряд ли буду. Потому что она реально столкнется с тем, что техники не работают. Работает человек, не техника.

Одна женщина — она плохо видела — говорила: меня никто не видит, игнорируя тот факт, что она никого не видит. Она линзы надела и говорит: оказывается, это я никого не видела, они все мимо меня ходили.

Клиент приходит в позиции сдерживания себя и описания того, чего у него нет, подразумевая, что это вообще-то должно быть. Он демонстрирует горевание по тому, что недодали, должны были, но не дали. Я такой, потому что меня «недо»: недовоспита-

Зависть настолько разрушительна, что человек либо вынужден бессознательно наращивать большое тело, мимо не пройдешь, либо игнорирует реальность внутителесных процессов. Мы имеем дело с расщеплением, психический аппарат просто игнорирует сому.

ли, недоучили, недолюбили, недодали. Главное, что ему не дали, это сообщение, что ты маленький, убогий и для того, чтобы что-то получить, надо развиваться. Что делает клиент? В разных формах он соблазняет аналитика быть средой дающей. Приходит человек с запросом, и задача наша — услышать за этим запросом дикий ужас, архаический фактически ужас распада оттого, что, не дай Бог, этот запрос решится. И чем ближе интуитивно начинаем подходить к решению, тем сильнее сопротивление. «У меня нет на это ресурса, я погибну».

Аналитик попадает в ловушку, присоединяясь к отрицанию. Тогда все решено, а базовый запрос — нет. Потому что базовый запрос — это самая страшная история. Настоящей сложностью становится объективация отрицания факта отрицания, отрицание того, насколько мать не видела реальное, а только желаемое и завидное. Мать в этом смысле — человек с дефицитом возможностей восприятия.

Аналитическая работа, всегда работа по сохранению ситуации за счет сеттинга, где возможно проникнуть в настоящее горе потери себя, в распад. Тот распад, который в рамках кабинета и в сеттинге абсолютен в субъективном переживании. И через растерянность уходит к активности, которая является сначала спонтанной, сырой. Я думаю, вы сталкивались, когда человек попробовал и говорит: «вот, я попробовал, ничего

Аналитическая работа — всегда работа по сохранению ситуации за счет сеттинга, где возможно проникнуть в настоящее горе потери себя, в распад. Тот распад, который в рамках кабинета и в сеттинге абсолютен в субъективном переживании.

не получилось». А откуда у вас идея, что всё, к чему вы прикасаетесь в золото превращается? Сначала любая способность проходит сырую форму, и я думаю, вот этот архаический ужас реального уничтожения связан с той сыростью форм у младенца.

Доступ к активности идет через какую эмоцию? Вторая стадия горевания — гнев. Помните стадии горевания: отрицание, гнев, торг. Вот мы до гнева в анализе и в жизни почти не доходим. В кабинете, в аналитическом процессе дойти хотя бы до гнева вполне реально, ярости в сыром виде на уровне речи, эмоций или символического ряда, когда мне клиент рассказывает ситуацию про свою работу и смотрит на меня: «ах ты старая вонючая сука! Как ты живешь-то на свете после этого?!». На меня смотрит в упор и все это говорит. Ну слава тебе, господи, живой, жить будет, гнев пошел, наконец-то. Наконец-то, понимаете, заявлено хоть какое-то право сообщить, что вот это мне нравится, а вот это нет.

Мы в анализе до эмоций гнева можем не доходить не потому, что аналитик боится, весь анализ служит обслуживанием отрицания потенции клиента. Мы не замечаем, что клиент нас не видит и мы его тоже не видим. В контрпереносе ощущаться может все, что угодно, при этом возникает оттенок: что-то не то.

Один из возможных и полезных для меня вопросов — о самосупервизии. Первый вопрос: а кого он видит? Это классика жанра. Кого перед собой видит человек, который пришел? А второй вопрос: как вы думаете, я зачем с вами время провожу? Мне это зачем? «Вам деньги нужны». У меня на ваше место еще пятеро. Меньше, конечно, всё не так. Он говорит: «тогда не знаю, зачем». Час жизни, который мне никто не вернет по сходной цене. Зачем? Мне это зачем? «Не знаю», говорит, «давайте думать». Интересный вопрос: зачем с вами проводить время? Вот зачем вам люди, вы сказали, а вы-то им зачем? Вопрос очень провокационный с одной стороны, а с другой полезный. Человек ошарашен, он не задавался этим вопросом, потому что он уверен в ответе, он — угрожающая субстанция. Он к чему прикоснется, все разваливается. Все увидят вас, как препятствие на дороге, вы ни в каком месте не интересны. Все идут по своим делам. Мне с вами интересно, у меня вообще нет неинтересных людей. Мне с вами интересно, поэтому я с вами. Он спрашивает: «а что? То,

В контрпереносе аналитик может с ужасом и диким стыдом обнаруживать крайне асоциальные, постыдные по своему содержанию фантазии. Они относятся к крайне архаическим формам взаимодействия людей.

что я рассказываю?». Вы интересны, сидеть с вами интересно, вот вы, когда молчите, интересней оказываетесь. Вас кто-то научил болтать без умолку. Похоже, ваша мама, вы только глаза открывали, когда просыпались, у нее сразу рот автоматически открывался.

Аналитик не равен испуганной матери ребенка. Аналитик, он — испуганный, растерянный, но внимающий.

Активность клиента может быть выражена в бессознательных фантазиях крайне архаического мерзкого содержания, которые он, конечно, не говорит, не чувствует. Кто это делает в кабинете? Аналитик. В контрпереносе аналитик может с ужасом и диким стыдом обнаруживать крайне асоциальные, постыдные по своему содержанию фантазии. Они относятся к крайне архаическим формам взаимодействия людей. Задача: смотреть это кино внутри до конца с одним единственным вопросом — а о чем это? Это про что? С моей точки зрения, задача не про технику думать, а отдаваться на волю в самых мерзких фантазий. В этом смысле мы что делаем по Биону? Контейнируем бета-элементы, которые проходя обработку, превращаются в альфа-элементы. Это могут быть фантазии сексуального характера, каннибалистического характера и т.д.

Аналитик не равен испуганной матери ребенка. Аналитик, он — испуганный, растерянный, но внимающий. Выход на эти фантазии позволяет психике найти подходящие сублимированные формы активной бытийности клиента. Речь идет о том, что мать в отношении ребенка не позволяла себе фантазировать, переживая собственную мощь. Я с тобой сделать могу, что угодно. Часть матерей не признается в этом. Нормально фантазировать, что бы они сделали с ребенком. И всем хорошо. Я вот знаю одну женщину, она говорит, если сверху подушечку положить и подольше подержать, что будет? Она подумала об этом и ей легче стало.

Таким образом, фантазирование и раскрытие завистливых фантазий и ребенка, и матери на сессии с базовым запросом на активность и потенцию и, одновременно, с сильнейшим сопротивлением к их обретению помогает нам освободиться от власти зависти.

Один в поле воин. Одиночество как важный этап на пути к благополучию

Афанасьева Елена

- специалист ЕАРПП
- председатель РО Санкт-Петербург

По моим наблюдениям, клиенты чаще всего обращаются в терапию с проблемами отношений. Между тем, авторы, которые обращались к проблеме одиночества — прежде всего, Мелани Кляйн и Дональд Винникотт — обращают внимание на то, что отношения в аналитическом понимании — это отношения со своим внутренним объектом и различными частями Самости. И Кляйн, и Винникотт подчеркивают, что они говорят про разные аспекты саморегуляции. Однако, клиенты, которые приходят в терапию, говорят о своем страдании в отношениях с другими людьми и о страдании в одиночестве. Таким образом, можно сказать, что проблема самостоятельно справляться с одиночеством, контейнировать себя, является одной из основных проблем в терапии в большинстве случаев. Я бы хотела рассмотреть взгляды различных авторов на одиночество и обратить внимание на способность справляться с одиночеством, как важную, а иногда основную задачу психотерапии. Надеюсь, что удастся проследить прямую связь между развитием способности справляться с одиночеством и физическим, моральным, психическим и материальным благополучием.

Я хочу поговорить именно о благополучии как о важной составляющей счастья. Само счастье, конечно, представляет собой более сложный феномен, однако оно невозможно без благополучия. Давайте немножко поговорим об идеях Кляйн об одиночестве. Под чувством одиночества я понимаю не только и не столько ситуацию отсутствия внешних товарищеских отношений, а, скорее, внутренний источник чувства одиночества. Быть одиноким вопреки внешним обстоятельствам, даже когда индивид любим или находится в кругу друзей,- такое состояние внутреннего одиночества, говорит Кляйн, является следствием общераспространенного страстного желания недосягаемого совершенства внутреннего состояния. Такое одиночество, которое до определенной степени переживается каждым человеком, возникает из параноидных и депрессивных страхов, являющихся производными психотических страхов. Такие страхи присущи каждому человеку, но они же являются частью болезни шизоидной и депрессивной природы.

Поскольку полная интеграция никогда не достигается, то полное понимание и принятие чьих-либо эмоций, фантазий и страхов невозможно, и это важный фактор одиночества.

Раннее удовлетворительное отношение к матери подразумевает близкий контакт между бессознательным матери и ребенка. Это основа самого сложного переживания, и она существенным образом связана с довербальной стадией жизни. Каким бы ни было в последующей жизни неудовлетворенное желание понимать без слов, в конечном счете, это желание самых ранних отношений с матерью. Однако, даже в счастливых отношениях с матерью, ее грудью обязательно возникает персекуторный страх. Эта параноидная ненадежность является одним из источников одиночества. При депрессивной позиции происходит интеграция плохих и хороших частей Самости. Интеграция эта болезненна и постепенна, ребенку страшно навредить хорошему объекту и остаться наедине с плохой Самостью. Полная и постоянная интеграция, утверждает Кляйн, невозможна, т.к. остается полярность влечений к жизни и смерти. Поскольку полная интеграция никогда не достигается, то полное понимание и принятие чьих-либо эмоций, фантазий и страхов невозможно, и это важный фактор одиночества.

Желание понять себя также может быть связано с потребностью быть понятым, идеализированным, хорошим объектом. Одним из выражений этого желания является универсальная фантазия иметь близнеца. Бион предположил, что фигура близнеца представляет те непонятные отщепленные части, которые индивид желает возродить в надежде достигнуть целостности и полного понимания. Иногда они переживаются как идеальные части. Насколько бы интенсивной ни была интеграция, она не может уничтожить переживание того, что определенные компоненты Самости недоступны, потому что отщеплены и не могут быть обретены вновь. Например, шизофреник переживает, что безнадежно расколот на кусочки и никогда не будет обладать своей Самостью. Он не может полагаться ни на внешние, ни на внутренние объекты, ни на свою Самость. Этот фактор увеличивает переживания шизофреника, что его оставили одного

в его несчастье. На переживание одиночества оказывает влияние чувство, что он окружен враждебным миром. А другая особенность — его спутанность себя и объектов. Он желает устанавливать отношения с людьми, но не может этого сделать. Тем не менее, даже у таких людей есть побуждение к интеграции, есть, хотя и неразвитая, связь с хорошим объектом.

Всякий раз, когда матери нет рядом, ребенок может переживать ее как потерянную из-за того, что она либо повреждена, либо превратилась в преследователя. Переживание того, что она потеряна, равнозначно боязни смерти. Существует связь между одиночеством и неспособностью достаточным образом интегрировать хороший объект, а также недоступные части Самости. Более того, существует тесная связь между наслаждением и чувством того, что ты понимаешь и тебя понимают. В момент наслаждения страх смягчается, а близость с матерью и доверие ей достигает высшей точки.

Опираясь на свой клинический опыт, Мелани Кляйн называет типичные защиты от переживания одиночества. Например, чрезвычайная зависимость от матери, которая потом, возможно, заменяется замещающим объектом. Обращение к внутреннему объекту и удовлетворение, также является попыткой противостоять зависимости от внешнего объекта. Побуждение к независимости, озабоченность прошлым дабы избежать фрустрации в настоящем. У молодых людей это может быть идеализацией будущего, признательность других и успех, особое использование способности ждать желаемое, чрезмерный оптимизм и отрицание одиночества.

Основание интеграции по Кляйн — это интеграция с хорошей грудью, т.е. с хорошим внутренним объектом. И вывод, который делает Кляйн, состоит в том, что одиночество можно увеличить или уменьшить внешними влияниями, но никогда нельзя устранить полностью, т.к. побуждение и боль интеграции происходит из внутренних источников, сохраняющих силу на протяжении всей жизни.

Винникотт указывает на то, что в психоаналитической литературе уделяется много внимания страху перед одиночеством и стремлению к одиночеству и предлагает обратить внимание на его позитивные аспекты. Винникотт опирается на Кляйн, но выводит концепцию чувства одиночества как необходимой стадии развития. Он рассуждает о том, как эта стадия достигается и почему она может не быть достигнута. В своей статье «Способность к одиночеству» Винникотт пишет о том, что в психоаналитическом лечении практически в каждом случае наступает момент, когда для пациента большое значение приобретает его способность к одиночеству. Клинически это может выражаться в молчании во время сессии и это не похоже на сопротивляющееся молчание, оно является определенным достижением пациента. Возможно, именно в этот момент пациент впервые оказывается в состоянии побыть в одиночестве.

Существует связь между одиночеством и неспособностью достаточным образом интегрировать хороший объект, а также недоступные части Самости.

Продолжая и развивая идеи Кляйн, Винникотт утверждает, что способность к одиночеству может представлять собой либо явление исключительной степени сложности, которое возникает в процессе развития личности после возникновения взаимоотношений между тремя людьми, т.е. как достижение относительно благополучного прохождения эдипального периода. Либо это явление ранней жизни, которое заслуживает специального исследования, потому что оно также служит основой неестественного одиночества. Главная его мысль заключается в том, что существует один основной вид опыта, без которого невозможно преобразить эту способность. Это опыт пребывания маленького ребенка в одиночестве в присутствии своей матери. Таким образом, в основе способности к одиночеству заключается парадокс. С одной стороны, она представляет собой опыт пребывания в одиночестве, но при этом в одновременном присутствии кого-то другого. Тем самым создается особый тип взаимоотношений: взаимоотношения между одиноким младенцем или маленьким ребенком, с одной стороны, и его матерью или заменяющей ее фигурой — с другой. Мать или ее фигура присутствует и является олицетворением надежности, несмотря на то, что в какой-то момент ее может представлять кроватка, коляска или общая атмосфера, созданная матерью. С течением времени младенец интроецирует поддерживающую Эго мать и тем самым приобретает способность к одиночеству без частого обращения к матери или материнскому символу.

> В психоаналитическом лечении практически в каждом случае наступает момент, когда для пациента большое значение приобретает его способность к одиночеству. Клинически это может выражаться в молчании во время сессии и это не похоже на сопротивляющееся молчание, оно является определенным достижением пациента.

«Почему при одиночестве,- задает себе вопрос Винникотт, — так важно, чтобы кто-то был рядом, присутствовал, не предъявляя при этом никаких требований?» Дело в том, что ребенку нужно контейнировать переживания, а объект может представлять собой часть присутствующего человека — матери — или целого человека. При таких условиях и только при таких условиях младенец может приобрести опыт, который будет восприниматься им как реальный. Большое количество подобных переживаний создает основу для жизни, в которой присутствует реальность, а не иллюзия. Винникотт предлагает использование для такого состояния термин «отнесенность к Эго», противоположный по смыслу слову «отнесенность к Ид». Отнесенность к Эго предполагает отношения между двумя людьми, один из которых или даже оба находятся наедине с собой, но в то же время присутствие одного из них является очень важным для другого. Винникотт проводит различие между переживанием отнесенности к Эго и отнесенности к Ид. Он приводит в пример игру детей и говорит, что так называемый «нормальный» ребенок может играть, возбуждаться во время игры и чувствовать удовлетворение

от игры, не ощущая угрозы физического оргазма или локального возбуждения. А ребенок с фрустрацией и антисоциальными устремлениями, любой ребенок с ярко выраженной маниакальной защитой и защитной неугомонностью, не способен испытывать радость от игры, потому что его тело принимает в этом процессе физическое участие. И необходима физическая кульминация. Каждый родитель знает такой момент, когда только шлепок может положить конец игре.

Можно также сказать, что способность индивида к одиночеству зависит от его способности управлять чувствами, вызванными первичной сценой. В статье «Способность к одиночеству» Винникотт повторяет свою идею, о возникновении зависимости от терапевта и возвращении непрожитого опыта в переносе.

Рассмотрим случаи работы с переживанием одиночества, трансформацию чувства одиночества в групповой и индивидуальной терапии. Через обсуждение отношений пациенты получают возможность увидеть, как ими переживаются отношения со своими внутренними объектами и отщепленными частями Самости. Рассмотрим случаи работы с клиентами с нарушенной способностью к пребыванию в одиночестве; каким образом это сказывалось на их образе жизни, удовлетворенности жизнью и отношениями, и каким образом приобретение способности самостоятельно контролировать свое состояние сказалось на их благополучии: эмоциональном, физическом и материальном. Особое внимание я постараюсь уделить особенностям развития переноса и работе с переносом, техникам повышения защиты пациентов.

Первый случай — пример покинутого пациента. Пациент, когда оказался в индивидуальной терапии, при первом приближении казался человеком довольно невротического склада, он стремился понять потребности окружающих, иметь хорошие отношения с людьми. Однако с самого начала терапии он говорил о страхе быть отверженным и демонстрировал различные соматические симптомы, колебание состояния от высокой активности к апатии, эмоциональную отстраненность, временами недоверчивость, систематические проблемы. В процессе терапии он был действительно покинут своим партнером, т.е. его страхи о покинутости оказались реальностью. От чувства отчаяния он быстро перешел в состояние влюбленности в терапевта. С этого момента терапевт, насколько я понимаю, стала для него трансформационным объектом. Это понятие вводит Кристофер Боллас в своей книге «Тень объекта». Трансформационный объект — это такой объект, на которого направлена надежда на изменение Я, Самости и, таким образом, трансформационный объект может способствовать побуждению человека к развитию.

> Отнесенность к Эго предполагает отношения между двумя людьми, один из которых или даже оба находятся наедине с собой, но в то же время присутствие одного из них является очень важным для другого.

Пациент описывает в ходе терапии свои идентификации с терапевтом, со мной, которые помогают ему заново почувствовать контакт со своим телом, эмоциями и страдания, связанные с тем, что ему приходится удаляться от объекта. Нужно сказать, что в контрпереносе терапевта также было сильное желание

> Благополучие — это и есть способность обрабатывать аффекты. Любое благополучие: физическое, материальное, психическое — это способность умерить и обработать аффект.

избавиться от пациента, т.к. чувства в терапии были слишком интенсивными, обстоятельства — слишком драматичными и реальность буквально врывалась в кабинет. В процессе терапии, конечно же, обнаружилось, что пациент был покинут матерью еще в младенчестве, она слишком была вовлечена в драматичные отношения с отцом пациента. И затем она покидала его регулярно, в том числе и в настоящее время, постоянно воспроизводя боль покинутости.

В настоящий момент в терапии мы достигли таких результатов: очень значительно улучшилось здоровье пациента, гораздо больше внимания стало к своему состоянию, к образу жизни, включая сон, питание, внимание к тем моментам, когда наступает истощение, внимание к внешнему виду. С большим трудом, но он начал зарабатывать достаточное количество денег, и мог нести ответственность за ближайших родственников. Принципиально лучше он ориентируется в отношениях с людьми и защищает свои границы. Совершенствуется его способность продуктивно использовать агрессию.

Техники, которые мы больше всего применяем с ним на сессии: объектно-ориентированные вопросы, валидация чувств, т.е. терапевт признаёт, что чувства его правильны: «вот это прекрасно», «вот это хорошо». Ему необходимо это подкрепление, что он испытывает какие-то чувства, на которые имеет право. Присоединение и довольно много интерпретаций. Не всегда это принимается пациентом, но они могут активно обсуждаться на сессиях. Основная задача применения техник в терапии — сгладить аффект, достичь состояния большей или меньшей понятости и принятия своих чувств, чтобы помочь психике сгладить аффект. И, таким образом, можно помочь его психике приобрести способность лучше обрабатывать импульсы и приобрести способность лучше осмысливать происходящее внутри его психики и вокруг.

В настоящий момент пациент сам довольно активно на сессиях заговаривает о своем чувстве одиночества и о своих сопротивлениях ему, буквально описывает свои сопротивления по Кляйн. Он сейчас гораздо ближе к интеграции и гораздо более реалистичен, чем в начале терапии. Пока неизвестно, что будет дальше. В терапии сохраняется ощущение того, что разные аффекты буквально врываются в течение сессии. Я надеюсь, что потенциала достаточно, чтобы совершать дальше прогресс и справляться с возникающими перед ним трудностями. Томас Огден пишет о том, что если младенец раньше времени обнаруживает мать как объект, то он нуждается в том, чтобы быть беспомощным в присутствии идеального взрослого. Таким образом его способность к переживанию одиночества самостоятельно не формируется. Но я надеюсь, что в процессе терапии формирование будет продолжаться.

Давайте теперь перейдем к примеру работы с группой. Группа пограничных пациентов, и конечно, участники группы хотят обсуждать отношения, какие-то другие темы их мало беспокоят в настоящий момент. Участники представляют следующие виды искаженных отношений: старший партнер, который представляет угрозу; сексуальные

отношения на работе, собирание сплетен о сексуальных отношениях коллег как способ контроля над ними; стыд за своего партнера, с которым необходимо сейчас жить; страшно остаться в отношениях и жениться и страшно уйти. Оба варианта развития событий приведут к ужасным последствиям.

К чему мы стремимся, работая с группой таких пациентов? Терапевт слушает эти истории и думает, скорее, не о том, как наладить отношения, а как помочь участникам переносить себя и свои импульсы. Согласно этой цели, применяются различные техники. Объектно-ориентированные вопросы, например, «почему стыдно жить с каким-то партнером? Почему важно, чтобы отношения были длительными? Какой будет план защиты от сталкера, кто он вообще такой? Что будет происходить после расставания с партнером?» Но основная часть работы — это изучение, какое эмоциональное влияние оказывают участники группы друг на друга. Если терапевт помнит о воспитании аспекта Самости, он помогает группе исследовать свою зависимость и нарушение границ. Вообще, вопрос нарушения границ — это вопрос нарушения телесных и психических границ. И тут можно обратиться к другой работе Винникотта «Страх распада», в которой автор выделяет различные первичные агонии, которые скрыты за всеми защитами. Это страх физического и психического распада, полной зависимости, страх несуществования, страх бесконечного падения. Огден, анализируя Винникотта, утверждает, что за всеми этими агониями стоит страх потери связи с объектом, которая уже однажды произошла.

В процессе работы группы участники описывали разные переживания нарушения границ, ощущения себя как призрака или без границ, или ощущения как будто зависания в пустоте. И они описывают вечную занятость как способ избежать этого ощущения. Основной фокус в нашей работе с группой направлен на то, чтобы уменьшить аффект, помочь группе перейти от разработки планов действий (к чему они постоянно склоняются) к оценке своего состояния и наблюдению за импульсами, помощи друг другу в обработке аффекта. В результате работы на сегодняшний день эмоциональное состояние участников заметно выровнялось. Невыносимые отношения перестали быть наполнены драмой и стали более партнерскими. Улучшилось материальное положение участников группы.

Наверное, я отдельно остановлюсь на том, почему способность к одиночеству влияет на материальное благополучие. Дело в том, что неспособность Эго обрабатывать аффект, приводит к импульсивным действиям, в частности к большим неконтролируемым тратам. Когда импульсы начинают лучше контролироваться, клиенты приобретают способность принципиально лучше контролировать свои траты и доходы. Собственно говоря, благополучие — это и есть способность обрабатывать аффекты. Любое благополучие: физическое, материальное, психическое — это способность умерить и обработать аффект.

В заключении еще раз хочу подчеркнуть, что, когда пограничные пациенты приходят в терапию, они предъявляют зачастую совсем не то, что на самом деле причиняет им страдание. Они говорят об отношениях, но страдание им причиняет неспособность самостоятельно контролировать свои импульсы и вследствие этого невозможность позаботиться о себе. Цель терапии пограничных пациентов: помочь им достроить свой объект. Если в терапии становится возможным достичь переживания одиночества, то появляется доступ к настоящей личной жизни.

К счастью по черным ветвям: трипофобия как пример аутистической защиты у пограничных и невротических пациентов

Соколова Ирина

• специалист ЕАРПП

Есть такие люди, которые не верят в возможность счастья. Они приходят и выглядят совершенно здоровыми. И при этом можно заметить абсолютно странное явление: обычно они накручивают волосы на палец. Одна клиентка ложилась, шевелила пальцами, долго-долго, пока не начинала дремать. Некоторые просто молчат и что-то бормочут. Вот он сидит и бормочет, бормочет, бормочет или просто молчит. Одна моя пациентка молчала в течение полугода. Она приходила, ложилась и молчала. А я была в панике, я думала про сопротивление. Оказалось, что у нее ни что иное, как аутистические защиты. Она как будто запутывалась в своем молчании и в моем бормотании. У меня голос такой невнятный, и некоторые пациенты воспринимают его как шум дождя.

Эмоциональная и социальная жизнь людей, страдающих трипофобией, крайне ограничена. Если говорить о моих клиентах, то вот эта дама, которая ложилась и шевелила пальцами, имела сильнейшую трипофобию. Она избегала еды, которую она называла странной. «Я не ем странную еду». В принципе звучит совершенно нормально, все мы не едим странную

Трипофобия влияет на разные аспекты жизни, страдающие от нее люди живут в постоянном страхе непреднамеренно наткнуться на триггер.

еду. Но она называла странной практически всю еду. Порезанные овощи, политые соусом, могли ее напугать. Она избегала кофе, разных напитков. Я долго пыталась понять, в чем дело, пока вторая моя пациентка не подсказала мне, что есть такое заболевание, как трипофобия.

Описанная проблематика может проявиться у любого анализанда: и у пограничного, и у невротика. Я хочу рассмотреть трипофобию, как одну из аутистических защит.

Трипофобия — это боязнь кластерных отверстий или бугров. Сам по себе этот страх отверстий сильно ограничивает жизнь. Моя клиентка с высокой интенсивностью этого страха не ходила по ресторанам. Она работала на заводе, но даже в столовую ходила питаться крайне редко.

Трипофобия влияет на разные аспекты жизни, страдающие от нее люди живут в постоянном страхе непреднамеренно наткнуться на триггер. А триггером может быть что угодно. Например, лотос. Этот цветок похож на головку душа с черными точками, он правда пугающий. У нормального человека, будем называть нас нормальными, он вызывает что-то такое странное, непонятное. А у трипофобов вызывает совершенно разные симптомы: потливость, учащение дыхания, сердцебиение.

Официальное описание трипофобии было сформулировано только в 2013 году. Но несмотря на это, медицинское сообщество до сих пор не определилось — это фобия или нет. Каждый шестой человек в той или иной степени страдает этим заболеванием (по данным ВОЗ, 17% населения) — цифра огромная. Сегодня трипофобия еще никак не классифицирована, но есть разные типы: легкий, средний и тяжелый.

Существуют две предполагаемые причины трипофобии: защитный механизм против хищников или защитный механизм против инфекций. Считается, что хищники пятнистые. Древний человек, когда видел что-то пятнистое, старался этого избегать. Эти две теории уже проверили и опровергли китайские исследователи. Изучение данного психического состояния проводится научными исследователями из разных стран до сих пор.

Я нашла целый список симптомов трипофобии. Они меняются от человека к человеку и у разных людей по-разному проявляются. Они отсортированы на поведенческие и эмоциональные, на физические и когнитивные. Если говорить о страхах и связывать их с триггерами, то получается, что пугают дырочки или бугры на камешках, на каких-то поверхностях, больше пугают на поверхности кожи. Пугают и макароны, я видела таких людей. Или круассан, там просто слои, но они тоже людей пугают.

Медикам очень сложно классифицировать эту фобию. Ее окружают много мифов и заблуждений. Например, есть люди, которые считают, что это не фобия даже, нужно просто взять под контроль свои эмоции и не нервничать, что люди все это придумывают.

У меня маленькая статистика трипофобии: две клиентки, которые демонстрировали эту фобию, эти симптомы и обе они вылечились полностью.

Если говорить о психоаналитическом обосновании, то начать необходимо с Фрейда, который говорил о телесном Я в своем трактате «Я и Оно».

Ощущения на поверхности кожи крайне важны в младенческом возрасте поскольку они становятся ареной для сближения уникального сенсорного мира: мира младенца и межличностного мира объекта, существующих отдельно для ребенка и его всемогущего контроля.

Франсис Тастин, говорила о важной роли вещей, которые являлись одновременно и внутренними, и внешними для ребенка. Есть аутистические объекты — это какие-то жесткие небольшие предметы, это может быть маленькая машинка, железная, жесткая, пластиковая, которую ребенок всегда с собой таскает. Это не про машинку, это не про переходный объект, это не игрушка для ребенка. Это некое сенсорное ощущение жесткой поверхности, соприкасающихся поверхностей. И есть аутистические формы — это мягкое, то, что можно стелить, закутываться, например, одеяло. Если говорить о младенческом мире — слюна, моча, фекалии — это всё аутистические формы. Франсис Тастин первая описала сенсорный доминирующий младенческий мир. После Франсис Тастин ее исследования продолжила доктор Эстер Бик. Она говорила о том, что ребенок воспринимает внешние объекты на ранних стадиях как функцию психической кожи. Термин «психическая кожа» (вторая кожа), введенный Эстер Бик, описывает пограничный психический феномен, связанный с ранними телесными ощущениями, которые формируют связь между психикой и телом ребенка; это защитный слой, позволяющий ребенку чувствовать себя целым, а его нарушение может привести к проблемам с самоидентификацией. И мы часто это видим у пациентов. Очень интересный случай был описан об анализе молодой женщины. Она брала салфетки, которые есть в каждом кабинете, разрывала их на мелкие кусочки каждый раз во время сессии. Это пример того, как она создавала себе вторую кожу, в которую она пыталась закутаться.

> Существуют две предполагаемые причины трипофобии: защитный механизм против хищников или защитный механизм против инфекций.

Франсис Тастин, в контексте аутизма говорила об «аутистических объектах» как о специфических предметах или явлениях, которые дети с РАС используют для саморегуляции и создания «инкапсуляции» (защитного барьера от травмирующей реальности), что помогает справляться с невыносимыми ранними переживаниями и формирует уникальный мир. Это не просто игрушки, а ключ к пониманию их внутреннего опыта. позволяющий «смотреть на мир их глазами», поскольку они представляют собой нечто вроде портала в защищенный внутренний мир от внешнего хаоса.

О прилипании к объекту, к поверхности кожи в попытке избавиться от дезинтеграции говорили Эстер Бик, Дональд Мельтцер, Огден Фейрбёрн и другие. И из этого я сделала вывод, что трипофобия — это индивидуальное восприятие нарушения контакта с соприкасающейся поверхностью. Очень-очень раннее нарушение: первых дней жизни.

Две пациентки были у меня в терапии в 2019 году. Одна лежала — это уже некое создание аутистической формы, в которую она закутывалась. Вторая моя пациентка использовала как аутистическую форму одеяла, она укрывалась бесконечным количеством одеял: сначала два одеяла, потом три, потом четыре. Но это было на ранних стадиях анализа, а позже она чувствовала себя лучше и постепенно слоями эти одеяла с себя снимала. Анализ такого человека сильно отличается от обычного анализа, тем, что речь идет о трансформационном анализе. Наша задача сводится к тому, чтобы выдерживать этот бесконечный, чудовищный ужас. Трипофобия связана с очень-очень ранними переживаниями.

Рассмотрим клинический материал. Наталья, 25 лет, менеджер. Это та девушка, которая лежа шевелила пальцами. Она в анализе была с 2015 года и только в 2019 я поняла, что у нее трипофобия. Её запрос был такой: она сказала «мне хочется улучшить отношения с семьей, с окружающим миром». Внешне она такая худенькая, красивая, голубоглазая, прямо Дюймовочка. При этом она страдала приступами чудовищной агрессии. Она могла пнуть резко, внезапно своего старшего брата без причины. Она такая спокойная, тихим голосом говорила, плакала поначалу. И когда она стала говорить о том, что она не ест странную еду, меня это ставило в тупик. Я пыталась найти хоть какую-то логику в этом. Потом я, конечно, поняла, что логики не было. Ей было одиноко.

Я долго не могла понять, что она боится не есть эту странную еду, она боится видеть эту странную еду. Мне кажется, когда я для себя поняла, с чем связана трипофобия и нашла способы объяснить это обеим пациенткам, все изменилось.

У Натальи были серьезнейшие психосоматические симптомы, с которыми мы так долго работали, и мне было просто не до трипофобии, не до этого ее страха есть странную еду, который вызывал серьезные ограничения в ее жизни. Я долго не могла понять, что она боится не есть эту странную еду, она боится видеть эту странную еду. И, на самом деле, это не моя гениальная мысль, это то, что озвучила моя вторая пациентка.

Ее зовут Жанна, 22 года, педиатр. В анализе она с ноября 2019 года. Она пришла ко мне и рассказала почти сразу, что у нее, кажется, трипофобия. Она описывала как некое невыносимое переживание разглядывание какой-то картинки, которую она видела в интернете или по телевизору. Это была собака, сплошь покрытая клещами. У нее был страх не дырочек даже, у нее был страх бугров.

Обе эти пациентки проходили тест на трипофобию. Обе сказали, что это было невыносимо смотреть на эти картинки. Хотя, должна сказать, что тест очень бережный, и этот бережный тест у них вызывал невыносимый ужас. И Жанна, когда мне рассказывала об этой своей боязни той собаки, у нее был не то, что тремор, а какая-то странная дрожь. Именно Жанна, на самом деле, сказала мне, что «меня пугает именно вид бугров. Но мне, кажется, что я могу это съесть или потрогать, если я это не вижу. Что угодно, это не будет меня сильно заботить». Но вид этого для нее был совершенно невыносимый.

Я стала размышлять об этих двух пациентках, что у них есть общего, кроме трипофобии. Общим также было то, что они пережили операцию сразу после рождения. Наталья (пограничная организация личности) родилась с врожденной травмой кожи, что-то вроде родинок, по ее словам, были какие-то пятна по всей правой руке и на лице. И по словам Натальи, ей был где-то месяц, когда была сделана операция, потому что «она должна быть красивой девочкой». И ее родинки, родимые пятна вызывали очень сильный страх у мамы, такой, что мама даже не пришла перед операцией.

У Жанны тоже была травма. Жанна родилась с дефектом ушей, чем очень расстроила свою маму. У Жанны невротически организованная личность и ее симптомы трипофобии проявлялись очень ярко. Поначалу мне казалось, что они сильнее, мощнее, чем у Натальи. Хотя на самом деле у Жанны была невысокая степень фобии.

Мне кажется, когда я для себя поняла, с чем связана трипофобия и нашла способы объяснить это обеим пациенткам, все изменилось. Операции у этих двух девочек, скорее всего, вызвали сильную эмоцию у их мам. Возможно, на поверхности кожи были бинты, не было плотного соприкосновения кожи матери и кожи младенца. Я думаю, сюда можно отнести и контрпереносные ощущения. Жанне было очень важно, если говорить о закутывании, ощущение вот этой второй кожи. И было важно, когда она заходит куда-то, чтобы ее видели все. У нее тоже было ощущение вот этого закутывания. Когда мы с ней работали в кабинете, она укутывалась этими одеялами, она была уверена, что я на нее смотрю, она периодически еще выглядывала, вижу я ее или нет. Потом, когда я переехала в другую страну, каждый раз она включала камеру и проверяла, вижу я ее или нет. И, мне кажется, даже на последних этапах анализа, когда она совсем избавилась от симптомов трипофобии, для нее это оставалось важным. Я подозреваю, что, если говорить о Жанне, в ее случае был контрперенос нарциссичной матери. Она такая Снежная Королева, сама дочь очень властной «правильной» бабушки, которая может встать в 6 утра, перемыть квартиру, всегда одета красиво. И мама Жанны была сильно расстроена, что Жанна родилась не красивой девочкой, а с каким-то дефектом. Жанна это ощущала всю свою жизнь и ей важно было понимать, что она красивая, что её видят.

Обе эти пациентки прошли тест на трипофобию повторно примерно через год. Я не отслеживала, сколько времени ушло на избавление от симптомов, но по моим ощущениям, буквально несколько месяцев. Мне кажется, они вообще не поняли, что с ними произошло. Одна пациентка мне потом сказала, что к ней подошла какая-то ее подруга: «ты капучино пить не могла, пиво ты не пила, есть толком не могла, а сейчас все нормально. Как ты от этого избавилась?». После этого она пришла на сессию и говорит: «вот у меня было… а как Вы меня от этого вылечили?». Я не то, чтобы ее вылечила, я, собственно, поняла, как это в ее случае работало и это мое понимание как будто позволило ей измениться. Мои попытки ей объяснить, «что у тебя трипофобия, потому что мама напугалась, и папа тебя держал очень плотно», вряд ли помогли бы. Но в какой-то форме, видимо, я ей позволила понять некий символ, репрезентацию. И это самое важное.

МОСКВА

«Неудачный анализ: ограничения метода или ограничения аналитика?»

XIII МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПСИХОАНАЛИЗУ

Пространство психоанализа и психотерапии

Один из этапов аналитической работы — момент выбора: завершать аналитическую работу или продолжать

Решетникова Ольга

- специалист, тренинговый аналитик и супервизор ЕАРПП
- специалист групп-аналитик и тренинговый групп-аналитик ЕАРПП

Психоаналитическое лечение, как совместная деятельность, которую аналитик предлагает пациенту, требует значительных усилий и достигает своих результатов через регрессию.

В психоанализе регрессия — это защитный механизм, при котором человек обращается к более ранним, менее зрелым и более простым формам поведения, которые, как ему кажется, обеспечивают безопасность и комфорт в стрессовой ситуации. Именно сеттинг в психоанализе позволяет распознать регрессию и контейнировать ее.

Хочу процитировать слова Горацио Этчегоена :

«Возможно самый проблемный аспект теории терапевтической регрессии состоит не в том, что благодаря ей спонтанный терапевтический процесс предстает артефактом, но в том, что она, объясняя, как начинается анализ, ничего не может сказать о том, как он завершается «.

Есть народная мудрость, которая гласит: «Многое можно понять о человеке по тому, как он прощается и уходит».

На протяжении психоаналитической терапии, которая длилась чуть больше 6-ти лет, пациентка уходила и возвращалась несколько раз, пока в январе этого года мы не приняли совместное решение о завершении терапии.

Эта работа проходила сложно. Я делала сообщения о ней на нескольких конференциях.

По моим предположениям, можно было отнести Арину к психосоматическим пациентам. В ее детстве, наполненном трагическими событиями, отсутствовал «контейнирующий объект».

Д.Либерман в своей книге «От тела к символизации» пишет:

«Так как основное внимание уделялось «реалистическому Я», обращенному во внешний мир, требования и потребности телесно-эмоционального игнорировались и презирались, а страдающие и не удовлетворенные аспекты проецировались на внешний объект. Характерные особенности объектных отношений не дали психике измениться и научиться использовать более сложные и разнообразные коды.».

Почему человек заболевает?

Симптом заполняет пустоту, образованную отсутствием первичного опыта общения с объектом, с собственным телом и с собственным эмоциональным Я. Эго отчуждается и тонет в глубине внутреннего мира, а именно в органе, которому суждено заболеть. Сюда сбрасываются отсеченные страдающие аспекты Я в деструктивном взаимодействии с танатическими персекуторными объектами. В результате жестоких и массивных проективных идентификаций орган становится областью непереваренных садистических отношений, означающих риск телесного суицида.

Д.Винникотт, на которого ссылается Д.Либерман, настаивает на диссоциации тела — психики у таким образом организованных пациентов и именно по этой причине называет их «психосоматическими». Соматический симптом представляет собой попытку восстановить психосоматическое единство, которое было нарушено с целью защиты.

Арина начала искать психотерапевтическую помощь в тот момент своей жизни, когда ей поставили под вопросом диагноз онкологического заболевания в области гинекологии. За 2 года до этого у ее старшей дочери обнаружили лимфому, и Арина приложила очень много усилий к излечению дочери. Дочь преодолела тяжкий недуг, вышла замуж и забеременела.

Предыдущий психотерапевт Арины через полгода их совместной работы остановила терапию с заявлением о том, что перестала выдерживать то, о чем говорила Арина. Ко мне она пришла, потерянная и обескураженная, по рекомендации моей бывшей пациентки, которая меня рекомендовала словами: «Эта не бросит».

Соматический симптом представляет собой попытку восстановить психосоматическое единство, которое было нарушено с целью защиты.

Значение этих слов для себя я поняла только спустя время, когда происходили разрывы в терапии. Иногда я это чувствовала, как аванс, иногда как шантаж, а иногда — как стимул к продолжению работы.

Первый уход Арины был через 1.5 года работы. В течение этого времени умерла ее мать от рака груди, Арине сделали гинекологическую операцию. Она заявила, что я требую ее развода с ее мужем, оказываю на нее давление, фокусируя внимание на их внутрисемейных отношениях. Ей это надоело — она приняла решение уйти, и это — последняя сессия. Ее не интересовало, что я по этому поводу думаю.

Вернулась она месяцев через 5-6. Ее младший сын тяжело заболел. Это время в его жизни пришлось на послеразводный период и подготовку к защите диссертации в области медицины.

Ее возвращение должно было показать мне, что я выступаю помогающей фигурой.

Второй раз она ушла после того, как пропустила сессию из-за того, что «просто забыла». После моего напоминания о том, что у нас все-таки назначена сессия, выслала деньги и замолчала. На следующую сессию не пришла.

Я была серьезно фрустрирована. Проще сказать — взбешена.

«Немыслимое знакомое» пронизывает всё бытие человека, выражаясь через предположения о природе бытия и отношений, оставаясь при этом неизвестным.

Это был период, когда, как мне казалось, все в ее жизни стало налаживаться и, наконец, как я думала, мы сможем погрузиться на более глубокий уровень понимания устройства ее психики. Но не случилось. Судя по всему, ей непереносимо было благополучие и уравновешенная жизнь.

Основная моя мысль — я нужна для того, чтобы трансформировать непереваримые ею ужасы, как в ней самой, так и в жизни ее детей. К тому моменту я начинала догадываться, как много она проецирует в них и в своего мужа. Проявлялась такая очень слитая семейная система.

В момент, когда становится легче в плане жизни и намечается тенденция к сближению в терапии, она уходит.

В моей голове проносились тезисы Мелани Кляйн о зависти и отсутствии благодарности и цитаты из Д.Либермана и К.Болласа.

Я была уверена, что это — не конец терапии.

Я помнила, в в книге Д.Либермана написано, что болезнь не бывает вызвана какой-то одной ситуацией. Среди наиболее явных факторов — выстраивание жизни по принципу исполнения требований и подчинение тираническому объекту, находящемуся в паразитических эмоциональных отношениях или в институции, или в системе с жесткими правилами.

В психоанализе есть определенные правила: ходить, говорить, платить.

У Арины были свои представления о процессе. Однажды она сказала: «Зачем я должна о вас заботиться и кормить вас моими словами?».

Арина служила своей семейной системе. Это были не только ее муж, дочь с ее мужем и сыном, еще и сын и жена (уже бывшая) сына. Она очень тяжело переживала события

Есть надежда, что однажды то, что недоступно познанию, станет познанным, и это можно будет забыть или перевести в другую часть психики.

в семьях своих двух сестер и племянниц. Незадолго до ухода мы начали обсуждать горевание смерти матери и, как оказалось, запоздалое горе по смерти отца, которая была 15 лет назад.

Обдумав все это хорошенько, я написала СМС, в котором предложила сделать каникулы на 1.5 месяца вокруг Нового года и назначила дату для очередной встречи.

Арина пришла в назначенный срок. Официально она заявила мне, что вернулась накануне того, как приняла решение сделать пластическую операцию лица со словами: «Мне надо с кем-то об этом поговорить.».

Она нравилась себе внешне в определенном возрасте. Именно на тот ее возраст пришлась смерть отца. И перед смертью он просил ее приехать к нему, а она не смогла.

Арина уже могла принимать мои интерпретации. Мы смогли найти связки между этими событиями — горевание по отцу и решение сделать пластическую операцию лица именно в данный момент. Операция прошла успешно, но выздоровление было длительным.

Жизнь продолжалась день за днем. Наша работа тоже. Все это время мы встречались 1 раз в неделю, только перед операциями Арины я настаивала на второй встрече в неделю, чтобы хоть как-то успеть найти смыслы и связи. Как только Арина восстанавливалась, она переходила на 1 встречу в неделю.

Третий этап работы был посвящен тому, чтобы помочь Арине справиться с ее переживаниями по поводу второй беременности дочери. Дочь вынашивала второго сына. После того, как он родился, Арина сообщила о том, что хочет завершить анализ, причем она сделала акцент на том, что в этот раз хочет уйти «по-человечески», не убегая и «не убивая» того, с кем прощается.

Описание последней встречи с Ариной я хотела бы сделать, сменив покаянный тон с коннотациями неуспеха и фрустрации на тон «печаль моя светла». В переформатировании стиля мне помог чат GPT.

Итак, завершение психоаналитической работы — это не просто прекращение встреч, а глубокий и многомерный процесс, который может быть наполнен потенциальными кризисными ситуациями. Мой опыт работы с Ариной, длившийся шесть лет и завершившийся в начале февраля 2025 года, ярко иллюстрирует сложность и глубину момента выбора: завершать аналитическую работу или продолжать. Этот случай стал для меня пространством столкновения с терапевтическим тупиком, проблемами переноса и контрпереноса, а также с тем, что К. Боллас называет «немыслимым знакомым».

Одной из самых ярких иллюстраций терапевтического тупика в случае Арины стало её молчание на завершающей сессии. Она сидела, тонко улыбаясь «блаженной улыбкой Моны-Лизы», и её молчание было настолько плотным, что его невозможно было преодолеть. В этот момент я ощутила полное отчаяние, понимание того, что «все пропало»,

«ни меня нет, ни пациентки нет, ни общего поля нет». Это состояние сопровождалось внутренней «песней»: «Ну вот и все», которая для меня символизировала полный коллапс нашего взаимодействия. Ранее Арина активно выражала себя через вокал, пела песни на английском языке, присылала мне видеозаписи, и перевод текстов давал мне хоть какую-то возможность осознавать её психическое состояние, лейтмотивом которого были безысходность, тоска, горе по потерянному любимому. Теперь же она была недоступна для контакта.

Именно в этом молчании и моём внутреннем отчаянии я увидела проявление проективного отождествления, о котором пишет Т.Огден. Он определяет его как процесс, при котором «чувственные состояния, соответствующие бессознательным фантазиям одного лица (проектора), зарождаются в другом лице (реципиенте) и им же обрабатываются». Арина, как мне кажется, поместила в меня фрагменты своего «Я». Она эвакуировала фрагмент своего «Я» в меня при помощи сильного волнения, и, возможно, это были те аспекты её самой, которые она хотела сохранить в безопасном месте. Я осознала, что Арина «как будто стала своей уснувшей после родов матерью», передав мне «все чувства отчаяния и потерянности, почти омертвелости себя самой в тот младенческий период». Мне понадобилось время, чтобы осознать эту динамику.

Ключевым для понимания этой динамики стало обращение к концепции К.Болласа о «немыслимом знакомом». Это вид знания, который не осознан психически и не является в сновидениях или воображении. Это «опыт встречи унаследованной предрасположенности... с материнским процессом, в ходе которого чувства, а также предрасположенности и структура Эго обсуждаются матерью и ребенком». «Немыслимое знакомое» пронизывает всё бытие человека, выражаясь через предположения о природе бытия и отношений, оставаясь при этом неизвестным. У Арины, несомненно, был такой опыт, который она не могла понять и сохранила как форму состояния «Я в отношении объекта». Этот опыт был обусловлен её ранней травмой: её мать родила её в 17 лет, пережила послеродовой психоз и спала круглые сутки в первые три месяца жизни Арины. Девочкой занимался отец, поднося её к груди спящей матери, и Арина не плакала. В полгода Арину отдали бабушке, а мать поместили в психиатрическую клинику. Надо отметить, что мать восстановилась. Родила в этом браке через 10 лет еще двоих дочерей. На долю Арины выпало воспитывать сестер.

> Маниакальные защиты являются попыткой избежать работы горя и репарации. Вместо того, чтобы переработать вину и печаль, связанные с осознанием своей агрессии по отношению к любимым объектам, индивид пытается «перепрыгнуть» или «отменить» эту боль, создавая иллюзию контроля и всемогущества.

Эти события, недоступные пониманию младенца, одновременно вызвали тревогу и стали определяющими в её жизни. К.Боллас назвал этот процесс консервативным, а событие — внутренним объектом, цель которого — «сохранение (консервирование)

опыта в неизменном состоянии». Я осознала, что Арина, неся в себе эти «отколотые фрагменты личности матери», была вынуждена поддерживать некий элемент этой личности в своём взаимодействии со мной. Её психика, оставшаяся «в лохмотьях» из-за того, что родители «украли некоторую часть её сознания», проявляла это через настроение, порождённое ранней утратой и чувством серьёзного ущерба. То, что невозможно было помыслить, нашло свой отклик в её теле — на последней сессии Арина сообщила о начавшейся бессоннице, которую я интерпретировала как альтернативу непрерывному сну её матери после рождения и её вечному сну после смерти. Есть надежда, что однажды то, что недоступно познанию, станет познанным, и это можно будет забыть или перевести в другую часть психики. В нашем же взаимодействии это только разыгралось, как первый этап к осознанию, но без дальнейшей вербализации и осознания в силу отсутствия времени (с предполагаемым эффектом, что все равно все бесполезно, как повторение жизненного опыта).

В контексте этого случая также актуально рассмотрение маниакальных защит Д. Винникотта, тесно связанных с кляйнианской депрессивной позицией. Д.Винникотт

Психоанализ — это времязатратное предприятие, поскольку и от аналитика, и от анализанта требуется начать мыслить немыслимое знакомое.

видит маниакальные защиты как способ избегания боли и тревоги, присущих депрессивной позиции. Арина, вероятно, использовала эти защиты для отрицания зависимости, вины, печали и ответственности, возникающих при осознании амбивалентности. Её молчание и «блаженная улыбка» могли быть проявлением отрицания внутренней реальности, попыткой не признавать болезненные аспекты своего внутреннего мира, связанные с агрессией и её последствиями. Чувство «всемогущего контроля» и «презрения» могли служить обесцениванию объекта (в данном случае, меня, аналитика), чтобы «потеря» не была столь болезненной. Её активность и насыщенная событиями жизнь, о которой она сообщила на последней сессии, также может быть расценена как «побег во внешнюю реальность» — избегание внутренних конфликтов путём чрезмерной активности, чтобы не сталкиваться с внутренней болью. Бессонница, хоть и болезненная, могла служить отрицанием ощущений депрессии, замещая тяжесть и грусть на противоположные ощущения, позволяя избежать переживания горя и потери теперь уже завершения терапии.

Д.Винникотт подчеркивает, что маниакальные защиты являются попыткой избежать работы горя и репарации. Вместо того чтобы переработать вину и печаль, связанные с осознанием своей агрессии по отношению к любимым объектам, индивид пытается «перепрыгнуть» или «отменить» эту боль, создавая иллюзию контроля и всемогущества. Трудности Арины в переходе к депрессивной позиции могли быть вызваны чрезмерно сильными параноидными страхами, усугубленными ранней травмой

и недостаточно «хорошей» материнской заботой, а вернее сказать, ее отсутствием, не говоря уже о жестоком обращении матери к Арине до ее подросткового возраста. Отец не был тем, кто мог разделить мать и дочь и дать ей пространство для самостоятельного развития, с его стороны было много соблазнения, хотя, по словам самой Арины, благодаря ему она получила высшее образование, уже будучи замужем и имея двоих детей, и стала заниматься тем, о чем мечтала.

В её случае маниакальные защиты послужили мостом, чтобы избежать полного погружения в депрессивную боль. Однако, как отмечает Д.Винникотт, если эти защиты становятся ригидными, они препятствуют полноценной работе депрессивной позиции, и человек не учится справляться с потерей, виной, горем и не развивает способность к истинной репарации.

Хотя анализ с Ариной завершился по обоюдному согласию, у меня есть понимание, что многое осталось «за кадром». Этот случай подчеркнул для меня важность глубокого понимания переноса и контрпереноса, а также того, как ранние травмы могут проявляться через «немыслимое знакомое» и влиять на способность пациента к интеграции и завершению аналитической работы.

Я сожалела о том, что на той сессии не было пространства для обсуждения чувств, которые испытывали мы обе. Арина как бы разыграла то невыразимое горе в момент недоступности матери, которое она несла через жизнь, а я была обезоружена тем, что на мои вопросы о состоянии Арина не могла отвечать из того состояния, в котором пребывала.

Я вспомнила еще один эпизод из жизни Арины. Ее мать умирала в другом городе. За ней ухаживали по очереди 2 младшие дочери. Арина звонила часто и разговаривала с матерью последний месяц ее жизни. По словам сестер мать была более доступна после этих бесед.

Однажды мать начала просить у нее прощение за то, что была недостаточно внимательна к ней: «Я виновата перед вами, девочки мои». Арина ждала от матери слов, адресованных только ей. Но этого так и не произошло. Может быть, Арина и от меня ждала каких-то особых слов. Я уже ничего об этом не узнаю.

Наверное, это была единственная сессия за время нашей работы, на которой я почувствовала себя отдельным человеком, а не контейнером для проективных идентификаций и отщепленных частей Арины. Это был трансфер, ранний психотический трансфер, который развернулся в такой немой сцене, без шанса быть названным.

Мы обе оказались в эмоциональном оцепенении, что является индикатором диссоциации. Как ее выдержать? Что и как разъединилось, расщепилось, стало совершенно отдельным? В тот момент было переживание, что жизнь и смерть; тело и мышление. Это состояние закончилось, когда за 2 минуты до завершения сессии Арина очнулась и стала вполне себе бодрым голосом говорить слова благодарности. Это обескураживало еще больше. Слова были правильными, но без эмоций, и поэтому не трогали. Формальности были соблюдены.

Через некоторое время я подумала о том, что в длительных терапевтических процессах есть шанс добраться до травмы и бессознательных фантазий о всемогуществе.

Это является сигналом того, что процесс позволяет пациенту почувствовать себя безопасно и показать свою боль другому, быть принятым в этом состоянии. И как у всего

на этом свете есть завершение и конец, то и у переносимости того или иного события тоже есть предел. Наверное, мы обе его достигли в рамках этой работы.

Хочу закончить это сообщение словами К.Болласа :

«Психоанализ — это времязатратное предприятие, поскольку и от аналитика, и от анализанта требуется начать мыслить немыслимое знакомое». Таким образом, анализ отчасти повторяет онтогенез. Диалог матери и младенца в большей степени операциональный (много манипуляций, жестов, прикосновений, запахов, перепадов температур), нежели представленная в языке форма знания. Аналитик, как и дитя, выходящее из младенческого возраста, старается сделать немыслимое знакомое мыслимым знакомым.

ЛИТЕРАТУРА

1) Кристофер Боллас. Тень объекта.Психоанализ немыслимого. Изд. Евро-латиноамериканская психосоматическая школа (EULAPS) Когито-центр. Москва 2022
2) Этчегоен Горацио Р. Основы психоаналитической техники. Москва.Когито -центр 2020
3) Дэвид Либерман От тела к символу. Сверхадаптация и психосоматическое заболевание. Изд. Евро-латиноамериканская психосоматическая школа (EULAPS) Когито-центр 2024
4) Томас Огден . Матрица психики. объектные отношения и психоаналитический диалог. Изд.Beta2Alpha 2024
5) Дональд В. Винникотт статья « Маниакальная защита» интернет ресурс https://psychic.ru/articles/somatic/modern56.htm

Материнство. Элегия

Волчек Ирина

- психоаналитический психотерапевт, тренинговый аналитик ЕАРПП

Действительно существуют национальные особенности личности, соответственно, можно попытаться увидеть и национальные особенности материнства.

Задумавшись над темой «Национальные особенности материнства», я попыталась поискать ответ на свой вопрос: что откликается и почему мне интересно об этом поразмышлять?

Начались мои размышления с групповой супервизии. Молодая коллега — многодетная мать, красивая русская женщина — принесла случай в группу: 2,5 года она пытается вытянуть 35-летнюю наркоманку. Я погружалась в историю коллеги и думала: как у этой хрупкой женщины хватает сил принимать, выносить, переваривать столько ужаса, боли, катастроф своей пациентки? Откуда ресурсы берутся у этих молодых, прекрасных русских женщин?

Говорю о «русских» и возникает внутреннее напряжение. Меньше всего я хотела бы показаться пафосно-националистичной. Я не считаю, что есть лучшее материнство или худшее материнство, зависимое от национальности. Но! Ведь никто не будет спорить, что, например, существует понятие «западная ментальность», как и то, что существует понятие «русская душа». Ментальность русского и европейца имеет существенные различия.

То есть действительно существуют национальные особенности личности, соответственно, можно попытаться увидеть и национальные особенности материнства.

А может быть, мне просто хочется осознать свою русскую материнскую идентичность.

Думаю, что специалистам, работающим с психикой, нельзя не обращать внимание на то, что происходит во внешнем мире. А говорят ли в мире о специфике какой-либо нации? Да, говорят, и в последнее время очень много говорят о русских. Русскими стали пугать. К сожалению, в Европе слово «русский» стало устрашающим. Если послушать европейских лидеров, то воинственнее и кровожаднее русских просто нет в мире.

Мое субъективное мнение основывается на том, что массовое общественное сознание всегда формируется с какой-то целью. А еще я знаю, что большинство войн на земле ведется за богатства недр, за ресурсы. Россия — богатейшая и самая большая страна в мире. Возможно, это звучит упрощенно, но атака на «русское» мне объясняется именно этим фактом.

А еще Россия — страна с действительно уникальным недавним прошлым. Русским вместе с братскими народами удалось построить первую в мире страну, где действительно попытались реализовать жизнь людей на основе справедливости, равенства и братства.

Возможно, мой личный интерес — поговорить о русском материнстве — возник как желание справиться с настоящей ситуацией, попытаться сказать о том «хорошем», что есть в наших людях, в русских матерях.

Так вот, возможно, мой личный интерес — поговорить о русском материнстве — возник как желание справиться с настоящей ситуацией, попытаться сказать о том «хорошем», что есть в наших людях, в русских матерях. Ведь всегда пытались понять «русскую душу». Вот и я попробую.

Вначале поговорим о матерях и материнстве.

Французские аналитики Натали Эйниш и Кэролин Эльячефф проделали серьезную работу и выделили два вида материнства: женщины — больше женщины и женщины — больше матери.

Мне такой подход видится универсальным, подходящим для любой женщины, независимо от национальности. Но не могу не согласиться, что существуют более тонкие национальные особенности. И здесь, я думаю, основную роль играют как исторические, так и социально-культурные факторы. Однозначно существуют национальные особенности материнства, которые, конечно же, связаны с женской идентичностью.

Попробую это описать. Русская душа. Русская женщина-мать. Русская женщина-психоаналитик. В чем же ее особенность?

Пишу о себе (немного самораскрытия). Я была советским ребенком, пионеркой и даже комсомолкой. И вот с перестройкой к нам пришла рыночная экономика, другой

уклад жизни. В начале 90-х я стала матерью, вскоре познакомилась с трудами Зигмунда Фрейда и психоанализом. Тогда, в 90-е в нашу советскую специфическую многонациональную самобытную культуру принесли средиземноморский миф. О царе Эдипе. Мы, конечно же, его взяли. И, конечно, с восхищением и благодарностью. Мы вообще всегда все с Запада принимали с восхищением и благодарностью. И сейчас продолжаем это делать. Это наша национальная особенность.

> Существуют национальные особенности материнства, которые, конечно же, связаны с женской идентичностью.

Так вот, помню свое удивление, восхищение, оттого что внутри многое отзывалось. Фрейд писал то, что как-то угадывалось, чувствовалось, но никогда ни с кем не обсуждалось. Помню свою реакцию на миф — ничего себе, неужели так бывает? Напомню: Иокаста родила Эдипа, он был ее сыном. Но ее мужу, царю Лаю, предрекли смерть от руки сына. Он серьезно испугался. Так, что предложил жене Иокасте избавиться от ребенка. И мать, носившая ребенка внутри своего тела, согласилась избавиться от него: перевязав ноги сыну, вероятно, чтоб меньше шансов выжить, опустили его в люльку и отправили по реке, отдали воле волн. Он выжил, его спасла другая родительская пара. А Иокаста впоследствии предстала перед ним прекрасной женщиной, соблазнившей молодого мужчину и даже родившей потом ему детей, не зная, что это ее сын. Помню, у меня как-то не укладывалось в голове, что так можно.

Я не представляла себе и не знала, что так делают.

О русской женщине у меня было представление из школьного курса литературы. Помните, мы все изучали стихи Николая Алексеевича Некрасова «Русские женщины».

Некрасов был поэтом, а у поэтов чувственные души. Он восхищался русскими женщинами.

Вот, пожалуйста, русский миф (вернее не миф, а реальная история) в противовес средиземноморскому.

Некрасов написал поэму о женах декабристов. Дворяне-мужчины осмелились выступить против Царя-батюшки, за что были наказаны лишением всех своих титулов и ссылкой в Сибирь пожизненно. 28 светских львиц, дворянок, решили отказаться от титулов и последовать в Сибирь за своими мужьями. 11 из них сделали это сразу, не раздумывая, — пошли на лишения, уехали к мужьям в жуткие условия жизни. Нет, они не избавлялись от своих детей ради продолжения счастливой жизни с мужьями, а оставляли своих детей своим родным, не решившись их лишить хорошей жизни в привычных им условиях. Такая она — преданность мужу по-русски. Именно этим и восхищался Некрасов.

> Откуда у нас, как ни у какого другого народа, возник «институт бабушек» — это ведь типично русская история?

Русской и советской женщине на протяжении 20-го века приходилось выживать, спасать, сохранять и растить.

Пусть смерть мне суждена, мне нечего жалеть.
Я еду, еду, я должна близ мужа умереть!

Мой долг — я слез не принесу в проклятую тюрьму,
Я гордость, гордость в нем спасу, я силы дам ему!

Спасти мужа, мужчину. Дать ему гордости, силы.
Похоже, Некрасов считал, что это свойственно русской женщине, дворянке, княгине Екатерине Трубецкой.

А это уже не про дворянок, а о простой русской женщине-крестьянке. Поэма «Мороз — красный нос».

Доля ты, русская долюшка женская,
Вряд ли труднее сыскать…
Слышится крик у соседней полосоньки,
Баба туда, растрепалися косоньки,
Надо ребенка качать.

Похоронила крестьянка своего Прохора, пришла домой, а там печь остыла. Взяла она топор, лошадку с санями и пошла в лес за дровами. Детей ведь поднимать надо и за стариками ухаживать, оставшимися без помощника. Теперь она их всех кормить будет.

Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивою силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц…
Идет она той же дорогой,
Какой весь народ наш идет…

Писал это Некрасов в 19-м веке и не знал, какой дорогой пойдет наш народ в 20-м веке. Дорога эта оказалась очень трудной и неповторимой.

20-й век — век уникальный и катастрофический для России. Наша огромная страна вошла в 20-й век империей. Ее

Что передает со своим грудным молоком русская-советская женщина своему ребенку, «чем она его кормит»? Здесь можно говорить о нашей национальной травме — о трансгенерационной передаче горя.

> Я думаю, особенность русского материнства, помимо трагизма истории, еще стоит на тысячелетней православной вере

пытались втолкнуть и втолкнули в мировую войну. Влияние внешних и внутренних сил привело к первой в мире социалистической революции. Нашу страну раздирала потом гражданская братоубийственная война.

Новое советское государство, которому не было образца, не за кем было идти и не на кого было ориентироваться, самостоятельно выживало и пробивало себе путь через вынужденную жестокость, репрессии, страх, но и не без веры в светлые идеалы справедливости и не без энтузиазма. Еще не успели мы встать на ноги, как на нас, как на выродков, позволивших себе пойти своим путем, натравили гитлеровский национализм и фашизм. И четыре долгих года наша многострадальная Родина отдавала своих сынов в жернова войны за освобождение мира от безумия, национализма, фашизма и милитаризма. За полвека наша страна потеряла столько мужского населения, сколько ни одна страна не теряла, разве что в средневековых эпидемиях (но там умирали не только мужчины).

Так вот: весь этот путь со страной прошла и русская женщина, какой вышла она из этой мясорубки, какой стала русская советская женщина-мать?

Не люблю обобщать, но придется. После революции в Советском государстве реализовался феминизм — женщины стали иметь равные права с мужчинами. Советские женщины смогли реализовываться в мужских профессиях и добиваться больших результатов. А в годы Отечественной войны их маскулинность только укреплялась в отсутствие мужчин, вынужденных воевать. Женщины не только выполняли свои женские функции — рожали и растили детей, но и становились за станки, на сложные и тяжелые мужские работы — пахали, ковали, таскали, управляли и Моя прабабушка осталась с четырьмя детьми, отправив воевать мужа, и спасала — кормила, лечила от ран и выхаживала — раненого немца у себя в сарае в деревне.

Безумное горе заставило женщин отдавать своих отцов, мужей и детей на смерть. Не было ни одной семьи, которой не коснулось бы горе потери, смерть близкого.

Русская женщина, растившая детей, отдавала их войне. Прошла война. СССР стал страной победившего феминизма. Даже в космос русская женщина полетела вскоре за мужчинами. Не это ли доказательство равенства возможностей.

Где-то я читала, что советская женщина подавила в себе горе, закрылась от всех эмоций и стала безмолвной, холодной. Даже помню прочитанную метафору: «женщина-мать с пустой высохшей от боли и потерь грудью».

Так ли это? А может, мне просто хотелось бы думать по-другому. Откуда у нас, как ни у какого другого народа, возник «институт бабушек» — это ведь типично русская история? Русские женщины, терявшие мужчин на протяжении всего 20-го века, превратились в матерей тревожных и переживательных за своих чад. Они пристраивали их своим мамам, а мамы брали на себя материнские функции очень ответственно. Бабушки возникали, даже несмотря на то, что в СССР — единственной стране мира, государство давало женщинам длительный оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком. Но тревожные

Что ж тогда получается: у потомков советских людей «записаны» страдания и трагедии наших прошлых поколений? И именно переживание страданий, принятие своего жизненного опыта вынуждают или формируют принятие реальности жизни?

матери, выходившие из декрета раньше, считали, что у «бабушек» лучшие условия по сравнению с яслями и детсадами.

«Бабушка» — слово, умиляющее иностранцев. Их удивляет такое заботливое участие бабушек в жизни внуков. Там же другие ценности: комфорт и свобода личности, а потому в 14 лет детей отправляют из дома в жизнь, а пенсионеры путешествуют по миру, не зная ухода за внуками, как у нас. А еще западным мужчинам, ищущим русских жен, очень нравится, что русская мать не сваливает заботу о детях на мужа, она сама с удовольствием занимается детьми, да еще и очень активно и ответственно. Развивает ребенка всесторонне: лучшие учителя, спорт, культурное развитие — русский ребенок настойчиво развивается русской матерью.

Не от трагизма ли и потерь такой гипервклад в развитие детей?

Русской и советской женщине на протяжении 20-го века приходилось выживать, спасать, сохранять и растить.

Что же стало с русской, уже не советской женщиной? Она прошла страшные 90-е. Когда нечем было кормить детей, когда приходилось за талоны и за копейки работать на нескольких работах, когда учительницы, врачи, научные работницы мыли полы в подъездах, тогда, когда убивали на улицах. Русская мать снова пыталась сохранить свое чадо. Мать кормила его, а не себя, она вкладывалась в его будущее, пытаясь сохранить ценность учебы, знаний, развития.

Русская мать известна в западном мире тем, что она до сих пор кормит своего младенца грудью. Когда во всем цивилизованном мире женщины сохраняют свою красоту, форму груди, здоровье, сон. Нас же учил американец Бенджамин Спок — пусть младенец покричит, помните: главное, чтобы маме было удобно. Ан нет, русская женщина кормит грудью, да еще и по требованию своего грудного младенца. Не прижился у нас Бенджамин Спок. У нас возникли специалисты по грудному вскармливанию в огромном количестве.

Что передает со своим грудным молоком русская-советская женщина своему ребенку, «чем она его кормит»? Здесь можно говорить о нашей национальной травме — о трансгенерационной передаче горя.

Большая Медведица плачет над павшим бойцом.
Ну что ты рыдаешь, Медведица, всем напоказ?
Ведь плач этот мама солдата увидит сейчас!
Увидит и скрюченной жизнью уткнется в проем.
Медведицей будет живой притворяться потом.
Мычать и смотреть сквозь кресты далеко-далеко,
Не зная, куда ей любви отдавать молоко.

Это стихи современного поэта Влада Маленко.

Мать, потерявшая сына-солдата, будет отдавать другим свое молоко любви.

Разве не так это было?

Хочу рассказать историю Марии Матвеевны Фроловой, простой русской женщины, рожденной в конце 19-го века. Она родила 12 детей — 10 сыновей и 2 дочерей. Так случилось, что рожала она детей в предвоенные годы и, подрастая, шли ее сыновья друг за другом воевать. Она не прятала их, не отмазывала от армии. Старших призвали, а средние и младшие сами просились за братьями идти Родину защищать от захватчиков. Получала мать письма и весточки с фронта и принимала безвременные смерти своих сыновей. А от денег отказывалась, пусть, говорила, их жены и дети получают, им важнее. И так отдала она войне 8 сыновей, и только через 25 лет после ее смерти узнали люди о ее судьбе. И поставили в 2004 году в маленьком городке Задонске памятник матерям Великой Отечественной, отдавшим войне своих сыновей.

Соседи вспоминали ее — сидит старушка у дома своего и всегда для проходящего пацаненка в руке у нее гостинчик оказывался. Сама не ела — детям проходящим давала. Набожная была, в Бога верила. Может быть, верила, что свидится в Царствии Небесном с мальчиками своими, которых война забрала.

Так было в ВОВ, так происходит и сейчас. Сейчас у нас СВО. И наши матери снова теряют своих сыновей, а жены — мужей. Айдысмаа Монгуш, женщина, мать, ветеран СВО, военный медик: «Я — медик, он штурмовик – так и встали на защиту Родины. И мне как сопровождающей эвакуационного взвода, к большому сожалению, пришлось эвакуировать тело своего погибшего мужа. Так мы встретились, так мы увиделись, так мы вернулись оба домой».

Какие силы нужны женщине-матери, какие нечеловеческие способности! Или, наоборот, человеческие? Неужели женские? Откуда у женщины такая внутренняя сила?

Я в детстве обожала мультфильм про Василису Микулишну, которая пошла своего мужа-богатыря из плена татарского спасать. Я восхищалась этой тонкой, красивой, хрупкой с виду женщиной, как она не побоялась, решилась пойти на такое.

И Айдысмаа пошла за мужем. Пошла спасать, лечить, помогать нашим мужчинам, для которых слова «Родина» и «надо» — не просто слова. И таких женщин немало. Простые, обычные женщины, женщины-матери.

Помню, я смотрела на фотографию Марии Матвеевны Фроловой — спокойное светлое лицо обычной женщины. Ни злости, ни обиды, ни укора.

Как лицо Божьей Матери на православных иконах.

Для меня психоаналитик — это мать принимающая, терпеливая, мечтающая и способная мыслить. Мыслить — это тяжело, часто это невыносимо. Потому что мыслить — это не вытеснять, не диссоциировать, а принимать и выдерживать боль мощнейших, невыносимых, непонятных, охватывающих нас эмоций от собственной беспомощности.

Но я верю, что способность матери-аналитика выдерживать, справляться и осмыслять боль пациента, трансформируя ее в переносимые страдания, дает возможность пациенту присвоить себе свою жизнь, стать в ней субъектом или агентом действия.

Для меня символ русского материнского контейнера — православная икона Божией Матери.

Я думаю, особенность русского материнства, помимо трагизма истории, еще стоит на тысячелетней православной вере. Она оказалась настолько сильной, что не истребилась несколькими десятилетиями официального времени безбожья.

Мария держит сына своего Иисуса на руках — лицо ее спокойно, но как будто глаза наполнены грустью. Нет, не слезами. Глаза удивительные. Взгляд несет какое-то глубокое вселенское знание. Знание о трагической судьбе своего сына — он примет на себя страдания за все грехи человеческие. И пойдет на Голгофу. Она знает, что он будет страдать, знает, какие невыносимые мучения он понесет, но она принимает его судьбу. Она может только нести эту боль и горевать о том, что у ее ребенка такая судьба.

Стихотворение Некрасова Н.А. «Мать»

Она была исполнена печали,
И между тем, как шумны и резвы
Три отрока вокруг нее играли,
Ее уста задумчиво шептали:
«Несчастные! Зачем родились вы?
Пойдете вы дорогою прямою,
И вам судьбы своей не избежать!».
Не омрачай веселья их тоскою,
Не плачь над ними, мученица-мать!
Но говори им с молодости ранней:
Есть времена, есть целые века,
В которые нет ничего желанней,
Прекраснее тернового венка...

«Мама, я ухожу на фронт», — говорит сын своей матери. Мать знает, что он может погибнуть. Ее душа переполнена болью. Русские говорят: «Сердце кровью обливается». Больно. Но мать принимает его судьбу, отдельность своего сына. Его право жить свою жизнь. Она несет эту боль в своей душе.

Что ж тогда получается: у потомков советских людей «записаны» страдания и трагедии наших прошлых поколений? И именно переживание страданий, принятие своего жизненного опыта вынуждают или формируют принятие реальности жизни? Не история ли нашей многострадальной земли помогает русским женщинам?

Мы все несем эту травму — потерю мужчин. Может, поэтому русская мать-аналитик так «вынашивает» своих пациентов?

Может быть, поэтому многие уехавшие из России и давно живущие там женщины ищут аналитиков-женщин здесь, чтобы стать матерью. Это уже не единичные случаи.

Может, в этом и есть наша русская материнская идентичность, что мы можем смотреть смерти в лицо и принимать трагическую реальность нашей жизни и жизни наших детей-пациентов.

Может быть, душа нашей женщины, пережившей трагедии и потери, — это ее материнский контейнер, это ее способность чувствовать, принимать инаковость, выдерживать душевную боль и переваривать/трансформировать эту боль в выносимые страдания.

Мы, терапевты, психоаналитики, дети и внуки этих советских русских многонациональных женщин, пытаемся говорить с нашими пациентами об их боли, катастрофах, кошмарах, ужасах и страдании, о которых с ними в большинстве случаев никто не говорил.

Для меня психоаналитик — это мать принимающая, терпеливая, мечтающая и способная мыслить. Мыслить — это тяжело, часто это невыносимо. Потому что мыслить — это не вытеснять, не диссоциировать, а принимать и выдерживать боль мощнейших,

Мы все несем эту травму — потерю мужчин. Может, поэтому русская мать-аналитик так «вынашивает» своих пациентов?

невыносимых, непонятных, охватывающих нас эмоций от собственной беспомощности. Боль не просто каких-то желаний, а часто базовых потребностей, которые не удовлетворяются. Боль ежедневных множественных фрустраций.

Говорить — это легко, а вот сделать непросто. «Доля ты, русская долюшка женская, вряд ли труднее сыскать».

Лет 5 назад ко мне в терапию пришла женщина 50 лет. Она была старшей нелюбимой дочерью, отправленной матерью в 17 лет из родного города в маленький провинциальный городок учиться. Там в общежитии ее изнасиловали, это было в 90-е годы, жуткое время, еще и в далекой провинции. Она не признавалась даже себе в своей беременности до 8-го месяца, потом родила сына и не смогла отказаться от него, как планировала. Так и прожила с ним 30 с лишним лет в колоссальной неосознанной вине, не то, что замуж не сходила, так еще и в отношениях больше 4 месяцев с мужчинами не была. И вот почти в 50 лет захотелось ей осознать свой опыт, присвоить его себе, прожить и пережить. Очень непросто было нам с ней. Но мы дошли туда, в ту непризнаваемую беременность и то насилие, над которым невозможно было плакать 30 с лишним лет.

Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел,
А туда, где молча Мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел.

Наша профессия невозможная по многим причинам, но я думаю, еще и потому, что иногда кажется невозможным вынести то количество боли, которое приносит нам наш пациент.

Но я верю, что способность матери-аналитика выдерживать, справляться и осмыслять боль пациента, трансформируя ее в переносимые страдания, дает возможность пациенту присвоить себе свою жизнь, стать в ней субъектом или агентом действия.

И мы стараемся выполнять свою материнскую функцию с нашими пациентами. Стараемся как можем. Мне хочется верить, что у нас, русских советских многонациональных женщин, это получается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ахматова А. А. «Реквием: стихотворения и поэмы», «Распятие.2», 1940, Москва. Издательство АСТ.
2. Маленко Влад «Медведица», ТГ-канал автора, 28.03.25.
3. Некрасов Н. А. «Стихотворения и поэмы». Пермь. Книжное издательство, 1979.
4. Озерова Е. «Восемь сыновей забрала война...» moe-lipetsk.ru, 2019.
5. Эльячефф К., Эйниш Н. «Дочки — матери. 3-й лишний?» Институт общегуманитарных исследований, Москва, 2006.

История одного пересечения или «живой труп» в кабинете

Овчаров Иван

• психоаналитик, член ЕАРПП

Лу Андреас-Саломе, одна из первых психоаналитиков, однажды написала: «Аналитику тяжело забыть своего бывшего анализанда именно из-за неповторимого спектакля, который тот для него разыграл» [1]. Этот своеобразный иммерсивный театр сложен для понимания «здесь и сейчас», но, благодаря супервизии и вдумчивой работе со случаем, многое становится понятным и осознанным. Случай из практики я попытался связать с пьесой русского классика Л.Н. Толстого, что позволило получить еще один взгляд на психоаналитический процесс.

ЖЕЛАНИЕ БЫТЬ ПЕРВОЙ

Пациентка А., молодая женщина, пришла в анализ несколько лет назад, находясь в отношениях с мужчиной старше почти на 5 лет. В течение первого года анализа она приносила подготовленные темы, словно готовилась к урокам, пытаясь

контролировать ход сессий и аналитика, справляясь со своей сепарационной тревогой, которую проживала в длительном расставании с мужчиной. Только в начале четвертого года анализа пациентка начала проявлять свои чувства, когда из-за невроза переноса и невозможности говорить о своих чувствах предпринимала попытки завершить анализ. И каждый раз оставалась, по ее словам, это помогало ей преодолеть напряжение и получить разрядку, а также приносить на сессии новый материал.

Профессиональная психоаналитическая этика не предусматривает раскрытия в анализе того, что происходит в другом психоаналитическом процессе. Тем самым аналитик может чувствовать себя заложником ситуации, что может ассоциироваться с «мертвым отцом» или живым трупом в кабинете.

Через 2 года с момента начала анализа А. на сцену психоаналитического театра вышла новая пациентка В. В ее городе проживает один из моих первых супервизоров, а также несколько коллег, которые могли бы направить нового пациента ко мне в анализ. О пересечении я узнал не сразу. Спустя год пациентка В. поделилась со своей подругой, пациенткой А. тем, что влюблена в аналитика, что анализ ей помогает и вызывает в ней много чувств и переживаний. И если ее подруга была первым ребенком в семье, то она вторым. И второй или, другими словами, следующей она была и в анализе.

Несмотря на мои интерпретации в ответ на ее темы тайн, секретов, дружбы, она так и не приносила свою подругу в анализ. Первая пациентка много размышляла в анализе, со временем она начала связывать события детства и настоящее, видеть реальных родителей и часто приносить сновидения. А вторая пациентка так и осталась в режиме ожидания, ее нужно было развлекать, убаюкивать и словно приносить новые игрушки. Перебирая записи после супервизий второго случая, я наткнулся на фразу, которая внесла много ясности и понимания: «Не нужно будить «мертвую мать», а труп отца можно отрыть». Это меня натолкнуло на размышления о пьесе Л.Н. Толстого.

Профессиональная психоаналитическая этика не предусматривает раскрытия в анализе того, что происходит в другом психоаналитическом процессе. Тем самым аналитик может чувствовать себя заложником ситуации, что может ассоциироваться с «мертвым отцом» или живым трупом в кабинете. Именно так я периодически себя чувствовал. Оба случая связывает тема болезненного, слабого, временами беспомощного и обесцененного матерью отца, неспособного разделить диаду мать-ребенок.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ПЬЕСА

Возвращаясь к теме «живого трупа» в кабинете, следует упомянуть и связь с одноименной пьесой Л.Н. Толстого. Примечательно, что пьеса русского классика была написана в 1900 году, но была опубликована только после его смерти в 1911 г., так как в основу текста легла реальная история с узнаваемыми персонажами. Можно предположить, что автор был в похожей со мной ситуации. Да и сам сюжет довольно символический. Пьеса, по мнению критиков, мучительная во многих отношениях. Мучительная

для зрителя или читателя, и для персонажей. Кажется, автор тоже был не особенно удовлетворен результатом: Л.Н. Толстой оставил пьесу в черновиках, ее принято называть неоконченной. Как это похоже на анализ второй пациентки.

Образ «мертвого» или мертвецки пьяного отца прочно вошел в психическую реальность.

Пьеса Л.Н. Толстого обнажила суровые реалии последствий нарушения брачных обязательств. Для того, чтобы развестись, нужно умереть или попробовать притвориться мертвым. В семейной истории родителей двух пациенток развод был невозможен, хотя отношения себя уже изжили. И образ «мертвого» или мертвецки пьяного отца прочно вошел в психическую реальность. Выбирая аналитика-мужчину, они сознательно хотели понять, что не так в их реальных отношениях с мужчинами, но на самом деле в их случае все дело не в папе, а в маме. И развитие анализа с первой пациенткой А. развернуло это в виде конфликтных ситуаций и агрессии, направленной на мать, а не на аналитика. Возможно, это будет следующим этапом. Пациентка В. так и не подошла к агрессии близко, заморозив, умертвив аналитика и сам анализ.

В ПОИСКАХ ОТЦА

Темой убийства отца З.Фрейд был озадачен и озабочен всю свою жизнь. Он признавал, что «Толкование сновидений» — это «часть моего собственного самоанализа, моя реакция на смерть моего отца, то есть на самое важное событие, самую горькую потерю в жизни человека» [3, с. 8]. В этой основополагающей работе З.Фрейд посвятил целую главу одному типу снов: «Сновидения о смерти близких людей». Желания, представленные во снах, не всегда относятся к настоящему. Желания прошлого следует рассматривать сквозь призму детских представлений. Для детей смерть мало связана с тем, как её понимают взрослые: «детское представление о том, что значит быть «мертвым», почти не имеет ничего общего с нашим пониманием, кроме самого слова» [3, с. 231]. Он продолжает, говоря, что сны о смерти родителей чаще всего относятся к родителю того же пола, что и сам сновидец. Обращение к греческой мифологии напоминает пример Кроноса и Зевса. Наконец, З.Фрейд даёт первую формулировку комплекса Эдипа, освещая смысл трагедии Софокла. Он добавляет, что, насколько мы можем быть уверены, сны об исполнении желаний выражают наши бессознательные желания: «Мы живём в неведении этих желаний» [3, с. 241].

Феномен «мертвый отец», равно как и «мертвая мать», рассматриваются исключительно через призму психической жизни, когда реальный отец не выполняет свою функцию — создавать границы между матерью и ребенком.

А. Грин в статье «Конструкция потерянного отца» указал, что «Фрейд осознал, что сделал значительное открытие — фактически краеугольный камень своей

теории,— который позже назвал «Vaterkomplex» («комплекс отца»). Он был так убеждён в его значимости, подтверждённой клиническим опытом, что стремился утвердить свою теорию, опираясь не только на желания. Можно вспомнить отца Человека-крысы, уже мёртвого, которого пациент воображал стоящим за дверью, пока он мастурбировал перед зеркалом» [2].

Тема смерти отца, или мертвого отца, является одной из центральных и актуальных тем классического и современного психоанализа. Стоит отметить, что феномен «мертвый отец», равно как и «мертвая мать» рассматриваются исключительно через призму психической жизни, когда реальный отец не выполняет свою функцию — создавать границы между матерью и ребенком.

Я попробовал поисследовать клинический материал через фрейдистский подход к проблематике Эдипа и иллюстрировать посредством нарратива пьесы Л.Н. Толстого. Эта работа позволила поразмышлять о случае по-новому, в нем появилась жизнь, и в этом сила психоанализа. Многое исследовалось и исследуется в личном анализе, и новый материал пациентки А., а также другие клинические случаи видятся уже по-другому. Открываются перспективы, позволяющие работать и с новыми пациентами, для которых феномен потерянного или «мертвого» отца актуален.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреас- Саломе Л. Мой Ницше, мой Фрейд. / Пер. с немец. М.: Алгоритм, 2016. — 334 с.
2. Грин А. Конструкция потерянного отца. / Пер. Бергер Я., Лукашова О., Дударева Е.,ДемчукО. https://psychic.ru/articles/modern/modern49.htm?ysclid=melr7fixrc458028044
3. Фрейд З. Толкование сновидений. СПб.: Питер, 2018. — 576 с.

Неудачная групповая ситуация

Куликова Мария

- клинический психолог,
- групповой аналитик,
- тренинговый аналитик ЕАРПП

Хотелось бы начать со статьи греческого групп-аналитика Анастасио Кукиса о травме и тупиковой ситуации большой греческой группы[1].

Греческая большая группа, несмотря на богатую историю, переживает непростые времена. Греция — место, где зародилась демократия. Место, давшее миру богатство мифов и основу культуры. Место, где, несомненно, большая группа должна накопить огромный бессознательный материал и опыт для преодоления тупиковых и травматических ситуаций. Тем не менее, что мы видим в новейшей греческой истории? Бедная сельскохозяйственная неуважаемая страна на задворках Евросоюза, ее бесконечного донора.

1 Вот небольшая статья греческого аналитика из института группового анализ в Лондоне о греческой травме (https://t.me/TeloVesEda/423)

> Субъект заставляет других на группе пережить опыт нестерпимого, безнадежного, тупикового, абсолютно непереносимого, с которым субъект не справился.

Оккупированная Германией с 1941 года до 1944, после войны Греция остается незначительным пассивным государством на карте того мира, центром которого она являлась давным-давно.

Пассивность, неспособность следовать за другими большими группами. То ли свой идентичный путь, то ли травматизация. Но почему тупик?

Аналогично Сизифу, греческому герою, проделанная когда-то огромная культурная и цивилизационная работа вынужденно возвращается вновь и вновь, заставляя в муках терпеть тупиковую напраслину и повторяемость. Греческое общество поражено пассивностью, безверием, тупиковостью и беспомощностью, как пишет автор.

Беспомощность — верный и точный маячок травмы и травмированности.

Можем ли мы использовать беспомощность, тупиковость и травматичность как синонимы в аналитической ситуации? Думаю, что да. Вспомним работу Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия», где повторяемость и противоречивость с принципом удовольствия была как раз соединена с травма-неврозами.

Французские авторы позднее развили мысль Фрейда, которую я вкратце здесь повторю: травматичность — свойство психики, и повторямость (переработка) останется ее вечной задачей, всплывающей время от времени, пока первичный конфликт (непознаваемое ядро), который взывает к повторяемости, не будет разрешен.

Греческая тупиковая групповая ситуация: подставим вместо «греческий» свое или иное: страна, охваченная Сизифовым трудом.

Возьмем другую группу, поменьше. Это небольшой пример того, как приходит в тупик группа среднего размера.

10 лет назад я купила участок в СНП в тульской области в 100 км от Москвы. Прекрасные виды, чистый воздух, все располагало к покупке. СНП (Сообщество некоммерческих собственников земли) было новым. Как выяснилось, мы повторили судьбу других подобных групп.

На момент покупки в СНП была охрана, хорошие дороги, свет на дорогах и огромный мусорный контейнер. СНП управляли расторопные парни (участвовавшие в приватизации и заинтересованные получить прибыль через продажу земель дачникам (олимпийские боги), которые вели себя довольно строго: они закрывали всем шлагбаум при малейшей задолженности, зато хорошо решали проблемы с местной администрацией (дома регистрировались, газ подключался, почтовые адреса выдавались, прописка становилась возможной и так далее).

Эти авторитетные парни действовали по общей схеме: хорошо упакованное дитя (СНП) передается в руки нерадивых родителей, которые через пару лет решают, что им не нужны «чужаки со стороны». В ближайшие 2-3 года происходит смена власти, демократическая революция, власть захватывают новые парни, которые находятся уже внутри.

Дальше известная история: при новой демократической власти группа начинает быстро и эффективно разваливаться. Харизматичный лидер, захвативший власть, быстро устает воевать с должниками, постепенно отваливаются: охрана, шлагбаум, ремонт дорог и свет на них.

Передавать дитя некому. Беспомощную группу брать на поруки никто не хочет, анархия и многочисленные суды с должниками.

Ситуация тупиковая. Смелые на слова на собраниях, тихие и пассивные на дела члены СНП не хотят ничего, они дожидаются, пока ситуация «разрулится как-нибудь».

Миф том, как должна разрулиться ситуация, вполне универсален и присутствует во всех больших группах: когда-нибудь проезжающий мимо богатырь должен полюбить местные косогоры и березки так, что сам все распашет, перекидает камни, раскидает врагов и установит на этом косогоре золотой век.

Так однажды сделал Василий Поленов, потративший на строительство своей усадьбы, храма, школы, театра миллионы, полученные от царя, а регион до сих пор «едет» под именем Василия Поленова.

Это короткий отрывок из мифа о любой большой-средней или малой группе, ожидающей Спасителя в тупиковой ситуации, в которую она попала.

Групповые сюжеты — повторяемые и тупиковые в силу повторяемости.

Но почему тупики? Почему группа так часто и легко приходит в тупик?

Возьмем групповую аналитическую ситуацию: группу, которую я наблюдаю несколько лет как терапевт.

Я опишу ситуацию, которая настолько общая и узнаваемая, вы, наверняка, с этим согласитесь. Это небольшая терапевтическая группа, численность которой колеблется от 5 до 8 участников.

На группе развязывается ссора, которая развивается, как смерч: моментально, с сильным накалом. Кто-то требует наказания, кто-то возбужденно соучаствует, кто-то в столбняке наблюдает за конфликтом. Конфликт заключается в полном непонимании и невозможности понять и принять другого, находящегося в очередной тупиковой ситуации травмы.

Терапевт не успевает. Это очередной и регулярный тупик ведущего, который наблюдает за группой людей, которые попали в тупиковый конфликт как- то слишком быстро.

Одна из участниц покидает группу без завершающих сессий, практически хлопнув дверью, группа долгое время остается в столбняке. Это настоящая травма и очередной тупик. Группу снова покинули, причем на «позднем сроке».

Группу покидали неоднократно и с разными обвинениями: она не помогает, она занимается кофейными разговорами, на ней скучно, на ней небезопасно, на ней

Любая групповая ситуация будет в итоге нисходить к этой травме, к этому тупику ограниченности и беспомощности, пока субъект не переработает ситуацию.

Группа не просыпается никогда. От недели к неделе, от встречи к встрече, группа будет смотреть и сновидеть новую тупиковую и травматическую ситуацию, чтобы увидеть ее со стороны, чтобы посмотреть, как с ней справится Другой, чтобы потом интроецировать этот опыт и справиться с невыносимостью за пределами группы, в реальной жизни.

не соблюдают правила, она бесконечно занимается пережевыванием правил, терапевт не руководит сильной (мягкой) рукой и так далее, вплоть до утверждения, что группа помогла, поэтому все хорошо, и ее пора покинуть.

Общее состояние группы: кто нас теперь спасет? Что будет с группой? Как жить после такой ссоры? Как жить и помнить этот ужасный разговор, который привел к уходу из группы одного их участников? Как здесь можно жить дальше в такой безысходности? Здесь душно, здесь сквозит, здесь холодно и задувает, здесь нечем дышать — разные метафоры говорят о невыносимости и беспомощности.

Последние сессии этой группы- очередной разговор о ее бесплодности и тупиковости, теперь уже трое из пяти говорят о том, что они хотят уходить. Здесь нечего больше делать. Здесь работа бессмысленная, она не дает результатов и вложенные усилия не окупаются.

Конечно, дело за ведущим: необходимо приоткрыть форточку тупика и дать смыслы происходящего, объяснить тупиковость. Без ведущего группа задыхается.

Итак, оставим ненадолго эту группу в ее невыносимом моменте тупика безысходности и удушения.

Немного теории. Заинтересовавшись французским психоанализом, я наткнулась на необычайную находку: огромный пласт литературы по групповой терапии, начиная с Дидье Анзье, известного нам как автора книги «Я-кожа». У него есть капитальный труд «Бессознательное групп». Продолжу список имен: Рен Каес, Жан-Бернард Шапелье, Бернар Дюэз, авторы нам малоизвестные.

Вот несколько теоретических гипотез по групповой динамике от французов:

- Группа работает как психический аппарат.
- На группе происходят одновременно процессы первичного и вторичного психических процессов с переходами от первичного, который запускается по умолчанию, ко вторичному, который запускается через речь и сеттинг (функция третьего) и культурную работу.
- Группа травматогенна (она вызывает конфликт сама по себе), чем схожа с психическим аппаратом, склонным к переработке травм и их вызыванию, вытаскиванию из первичных ранних конфликтов.
- Группа травмотерапевтична, она врачует травмы, которые она же вызывает сама по себе.
- Группа работает по принципу психического аппарата, который склонен возвращаться к первичным травмам, вызывая их к жизни, реконструируя эти травмы,

разыгрывая их на группе в групповой аналитической ситуации и терапевтируя их.

- Психический аппарат (и у французов есть статьи о феномене апрэ ку) соответствует двухтактности психики и одновременности процессов регредиентности (возратного процесса) и прогредиентности (поступательного процесса).
- Группа, как и психический аппарат индивида, одновременно проделывает два движения: прогрессивное (новая информация, поступающая извне) и регредиентное (возврат старого, когда-то вытесненного в бессознательное и его переработка). Можно сказать, что психика движется поступательными движениями вперед через движение назад.

Группа развивает травматическую ситуацию. Всегда. Для этого она и происходит или существует: вызвать из прошлого духов старины, вызвать из бессознательного травматическую ситуацию и на солнечный свет. Постоянное возвращение назад происходит в русле постоянных сюжетов, соответствующих 5 первофантазмам.

Травматическая ситуация происходит, как тупиковая, поскольку истинная травма — это то, с чем субъект не справился, в которой субъект был пассивен, беспомощен, травма случилась с ним, она пришла внезапно, он к ней не был готов, и так далее по списку описания травмы.

Принципиальными показателями психической травмы являются чувство беспомощности, стыд за эту беспомощность.

Истинная (и конечно же) бессознательная цель присутствия на группе (кроме заявленной и артикулированной) — вернуться к травме и прокрутить ее еще раз, пока она не разрешится. Прокрутить ее именно в состоянии полной беспомощности и воссоздать это состояние беспомощности, которое накрывает и субъекта, и группу, и ведущего.

Французские авторы целью психической жизни ставят субъектность и идентификационные процессы — создание собственной истории субъекта с присваиванием старого материала, не пережитого когда-то, на новом материале, подбрасываемом жизнью.

В ЧЕМ ПОДВОХ НА ГРУППАХ?

Субъект не заинтересован быть в центре травмы, он хочет это увидеть. Как во сне (мы говорим о травматических снах травма-невротиков), где сновидение, как мы помним, вопреки принципу удовольствия, заставляет смотреть и испытывать травму и беспомощность еще и еще.

Кто будет субъектом травмы, на которого будет смотреть заинтересованный участник? Правильно, группа. Терапевт — это тот, которому показывается и рассказывается история, как тот взрослый, который допустил младенческую травму. Но саму травму надлежит пережить группе и участникам группы по отдельности. Переносным экраном может оказаться любой другой участник.

Субъект заставляет других на группе пережить опыт нестерпимого, безнадежного, тупикового, абсолютно непереносимого, с которым субъект не справился.

Когда-то, в том самом детстве, когда произошло нестерпимое, с чем не справился

психический аппарат, появились несколько базовых сценариев или первофантазмов (они же в итоге являются неразрешимыми и поэтому тупиковыми задачами для психики):

- Происхождение меня от пары и невозможность самостоятельно воспроизвести субъекта, идентичного себе.
- Фантазм о первосцене, где меня производят без меня, и субъект не имеет возможности никак на это повлиять, что для него немыслимо, как немыслимо любое событие, происходящее вне воли субъекта.
- Обнаружение разницы полов и наличие второго, необходимого для воспроизведения, но отличающегося от «меня» радикально,- также тупиковая сцена, которая никак не может быть преодолена, только принята и усвоена: нас двое, М и Ж.
- Потеря райского существования и обнаружение мира, не ориентированного на меня и мои потребности.
- Обнаружение сексуальности (своей животной природы) и неспособности справиться с ней, силы своих собственных влечений, которые меня толкают в новые и новые ситуации.
- Неспособность в принципе (ограниченность и так далее) и, в конечном итоге, принятие кастрации — принятие собственной ограниченности и лишенности чего-либо.

Все фантазмы вписываются, как мы помним, в миф об Эдипе:

- Первосцена
- Соблазнение
- Кастрация
- Каннибалистическая трапеза.
- Возвращение в материнское лоно.

Это пять тупиковых и структурообразующих психику задач.

Первофантазм — это групповая внутренняя структура, которая является постоянным динамическим горнилом проработки, которая притягивает к себе ситуации, и которую субъект, если не может обработать, просто воспроизводит в жизни как отыгрывание и как компульсивное повторение в различных жизненных сценариях, или через симптом.

Рене Каес пишет, что субъект организован, как группа (бессознательное организовано, как группа) и есть изначальная вложенная групповость и интроецированные групповые связи, которые постоянно преобразуются, и психический аппарат устроен, как комбинирование внутренних групп и их динамическое взаимодействие, но нас интересует больше вторая мысль: группа сама по себя устроена, как психический аппарат,

Тупики неустранимы, они есть сами узлы психической работы. Сизиф будет продолжать катить свой камень, что бы люди ни выдумывали о ходе человеческой истории.

Беспомощность — верный и точный маячок травмы и травмированности.

но та изначальная внутренняя групповость группы восходит к ситуации «ребенка бьют» с вариациями: наказывают, воспитывают, лишают слова или действия, свободы или желания. С ребенком что-то делают (Бернард Дюез).

Субъект изначально ощущает себя как пассивный и лишенный желания, наблюдающий чужое желание. То есть любая группа восходит к первоначальной пассивности и беспомощности младенца, которую ему надлежит преодолеть в своем пути к личности и субъектности, и тогда любая группа в самой своей глубине будет восходить к тупиковости, неразрешимости и беспомощности.

Когда создается ситуация тупика субъекта перед группой, то группа всегда больше, чем субъект и решение (желание) группы всегда отличается от желания субъекта.

Субъект всегда будет унижен, постыжен и в отчаянии, это состояние беспомощности ребенка перед объектом, который он теряет или галлюцинаторное представление о котором он теряет, чтобы найти реальность.

Так мы приходим к мысли, что любая групповая ситуация будет в итоге нисходить к этой травме, к этому тупику ограниченности и беспомощности, пока субъект не переработает ситуацию. Поэтому на группе «ребенка бьют» всегда.

Каждый и любой сталкивается со своей детской беспомощностью, пытаясь ее пережить вновь и вновь, пока не научится с ней хоть как-то обходиться.

Любая тупиковая групповая ситуация восходит к первофантазму, дальше которого ничего нет, это ядро, который, если не обработан, будет повторяться в жизни до окончания его обработки, когда фантазм превратится в фантазию и сможет быть рассказан словами после увиденного сновидения, и начинает происходить обработка (переход к вторичным процессам), где тупиковость будет рассказана словами с соединенными аффектами, оставлена и вложена в группу, как в контейнер, который не треснет и сохранится до следующей встречи.

Тупиковые травма-сны:

- Я теряюсь. Это большое пространство, магазин, множество бутиков, коридоры. Я теряюсь то у отца, то у матери.
- Я уезжаю в поезде, который едет не туда, я не могу сойти, он слишком быстро набирает ход. У меня нет ни денег, ни телефона, ни вещей. Старый чемодан, не моя одежда, все потеряно мною.
- Я в домике, вода затапливает его, мне надо выйти, но вода везде, она прибывает быстрее, чем я могу двигаться.
- Я пытаюсь вернуться домой. Множество вещей не дают мне это сделать. Надо взять, упаковать. Вещи вываливаются из рук, их становится больше и больше. Книги, матрасы, чемоданы — я знаю, что опаздываю на свой самолет.
- Я теряю своих детей. Вот я иду по кромке моря, и они со мной, набегает волна, смывает все и остается море, в котором нет моих детей.
- Я наблюдаю ураган, который подхватывает мой дом. Этого не может быть, но вот я уже в урагане в самом его центре, мой дом падает и переворачивается, моя

собака, которая со мной, травмирована, а в ужасе смотрю на ее лапу. Мы в перевернутом ураганом доме.

Конец всегда один: в ужасе я просыпаюсь. И вот дальше наступает самое интересное.

Группа происходит для того, чтобы досмотреть этот сон до конца: «вы как-то с этим должны справиться, и я хочу это увидеть. Я хочу увидеть, как вы с этим не справитесь. Я вам предъявил эту беспомощность и, возможно, подразумеваю, что вы с этим не справитесь».

Так или иначе, субъектность передается группе, а участник, вызвавший травму, становится сновидцем.

Совсем недавно произошел такой эпизод: сновидец в самом начале рассказывает на группе сон:

«Я на корабле, мать и ребенок выпадают за борт, я кричу: «человек за бортом», но никто не отзывается, никого нет, я бросаюсь в воду и нахожу себя в сотне метров за упавшими, мимо меня проплывает лайнер, я просыпаюсь».

Сон рассказан, и рассказчика «выбрасывает из группы» (это группа онлайн). Сновидец «тонет», а группа обрабатывает сновидение, обсуждая беспомощность и тупиковость ситуации. Эта группа не развалилась и не утонула, и сновидец вернется в следующий раз, травма и тупик были проиграны на малой сцене одноразовой групповой ситуации.

Субъект не смог, но смогла группа. Группа досновидела эту ситуацию и завершила ее.

Как происходит проработка, как группа досматривает ужасающее сновидение? Своим существованием. Группа не просыпается никогда. От недели к неделе, от встречи к встрече, группа будет смотреть и сновидеть новую тупиковую и травматическую ситуацию, чтобы увидеть ее со стороны, чтобы посмотреть, как с ней справится Другой, чтобы потом интроецировать этот опыт и справиться с невыносимостью за пределами группы, в реальной жизни.

Закончу словами Андре Грина (выдержка из статьи, посвященной случаю Человека с Волками): «Очень важно прочитать «Человека-волка… где Фрейд доходит до ситуации неразрешимости первосцены: вот здесь опять все повторится, вот здесь человек падет…Создается впечатление, что мы имеем дело с настоящей фабрикой, работающей вовсю по созданию постфактумов, чтобы эти постфактумы могли ответить на вопросы, на которые ребенок не может ответить иным образом.».

Я думаю эту фразу А.Грина мы можем взять себе для понимания, почему тупики и почему снова и опять.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ТУПИКА

Первичный тупик должен стать открытием двери и связанностью, коридором в конструирование своей истории. «Так вот почему это со мной случилось. Так вот как я сюда попал».

Человек постоянно подходит к черте, которую он сам не может перешагнуть, заглядывает за нее, то ли это порог дома, то ли это горизонт, но это всегда черта недостижимого и невозможного. Это граница его личных возможностей.

В истинной проработке и в истинном присутствии на группе субъект будет обращаться в эту сторону постоянно, доходить до точки неразрешимости, высматривая с помощью глаз другого, что там и как оттуда можно выбраться.

Теперь помножим эту ситуацию на Х (количество участников) и представим себе, что в группе никто не ждет своей очереди или удобного момента, когда проиграть свою организующую тупиковую ситуацию. Это происходит одномоментно со всеми участниками сразу. Параллельная игра на нескольких шахматных досках, на каждой из которых играют цугцванг. Безнадежная ситуация, в том смысле, что она вынужденно повторится. Через неделю и потом с новой встречей группы.

РЕЗЮМЕ:

- Группа обладает колоссальным потенциалом психического аппарата, где можно проработать и встретиться с очередной тупиковой ситуацией.
- На уровне больших и средних и малых групп тупики будут повторяться.
- Мы будем безнадежно возвращаться к началу, к детству, повторяя и переучивая, перепроживая исторические моменты далеко забытого прошлого.
- Это и есть цель и работа группы (группы психической и психического аппарата как группы и терапевтической группы, моделирующей, по сути, психический аппарат, нисходящий к тупиковым ситуациям)

Тупики неустранимы, они есть сами узлы психической работы. Сизиф будет продолжать катить свой камень, чтобы люди ни выдумывали о ходе человеческой истории.

Тупиковые ситуации по сценариям будут обновленными и с новыми декорациями, с новыми деталями и новыми персонажами, но камень Сизифа—это бессознательное, которое нас постоянно возвращает к детству — к первым тупиковым захватывающим ситуациям полной безнадежности. Если мы с вами будем это понимать, наша терапевтическая тупиковость превратится в необходимость очередной интерпретации, тупик станет ступенькой и переходом.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Рене Каес «Группа как психический аппарат».
2. Рене Каес «Сюжет на группе и групповая ситуация».
3. Бернар Дюэз «Травматогенность и травматофорность группы».

Ошибка аналитика — побочный эффект творчества

Тишкова Татьяна

- клинический психолог, психоаналитический психотерапевт,
- член Правления ЕАРПП ,
- руководитель секции детского психоанализа РО Москва ЕАРПП,
- главный редактор журнала «Пространство психоанализа и психотерапии»,
- Вице-президент Русского балинтовского общества,
- преподаватель Международной Школы Группового Психоанализа,
- супервизор ЕАРПП, ECPP,
- тренинговый групп-аналитик ЕАРПП.

Девчушка весила 35 кг в 13 лет. Она по воздуху просочилась в кабинет, и сама была как будто из воздуха, застенчиво улыбалась бесцветными губами, да их там и не было — полосочки. Анорексия. Мама отвела ее сначала к психиатру. Врач сразу хотел госпитализировать, но мама решила все-таки еще проконсультироваться. И вот они в моем кабинете. Я посмотрела на девочку и представила, что она утром проснется в психиатрической клинике, ее будут лечить и насильно кормить. Красавица, отличница, речь нормальная, юмор понимает. Испугана.

Спрашиваю, что случилось с тобой? Она мнется, не знает, что можно говорить, что нет.

Я попросила маму подождать в коридоре, она охотно удалилась, было видно, что не хочет все это слушать.

Рита рассказала, что не может смотреть на себя в зеркало, что она толстая, что щеки висят (где она увидела щеки? Я не обнаружила. Только скулы). Что живот выпирает, хотя он явно прилип

к позвоночнику. Она еще не была обезображена, просто почти без мышц, напоминала подтаявшую Снегурочку. Я слушала стандартный рассказ анорексичной девочки и думала: где же была твоя мама раньше?

Я спросила Риту: «Так что же случилось, почему ты не ешь?» — «Я боюсь еще больше растолстеть. Я же толстая и без того. Я вижу себя в зеркале».

Спрашиваю: «А какой ты хочешь быть? Какую надеешься увидеть себя в зеркале?». Отвечает: «Вот до еды нормально, а потом живот выпирает. Никуда не годится».

Я вспомнила свой опыт в берлинской клинике Шарите в отделении анорексии. Там таких девочек просили мелом на полу нарисовать идеальные параметры тела. Потом пациентка ложилась на пол и ее силуэт обводили мелком другого цвета. Чаще всего, реальный силуэт был меньше идеального. Я рассказала Рите об этом. Говорю: «Хочешь, попробуем. Сверим параметры. Мы сделали два силуэта на стене. Естественно, в реальности она была меньше, чем в своей фантазии. «Можешь еще пуховик надеть, тогда попадешь в нужный размер» — пошутила я.

«Но я же вижу в зеркале», — упорствовала Рита. «Может быть, зеркало у тебя кривое, но нам надо с тобой выработать план действий по спасению тебя от тебя самой, или завтра поедешь в больницу, подлечишься…» — мне не хотелось ее пугать, но реальность требовала принять решение.

«Мама уже сумку собрала. А я не хочу, боюсь» — глаза Риты наполнились слезами.

«Так позаботься о себе, сама, иначе за тебя решать будут. Еще на килограмм похудеешь — принудительная госпитализация» — искренне сказала я.

Мы договорились вместе выбираться из этой ситуации, я рассказала, что нужно делать. Позвали маму. Я предложила подождать 2 недели с больницей, попробуем справиться при помощи терапии. Если не получится, тогда уж делать нечего.

Рита составляла себе рацион, считала неистово калории, несколько раз в день вставала на весы. Стрелка пошла в плюс. Она прибавила 1 кг. В ужасе рассказывала мне об этом. Я торговалась с ней за каждые 200 грамм прибавки и лишние 10 калорий, и мы беседовали обо всем, что происходило в ее жизни.

Все было обыденно. Мама или бабушка приводили ее после школы обедать в Макдональдс и говорили при этом — не ешь булки, растолстеешь. А что там еще есть? Бабушка была «пышная», мама тоже вечно была недовольно своим весом, и Рита решила, что такой она точно не хочет быть. Надо худеть. Дома мама, конечно, готовила: наваристый супчик, мясо с корочкой, салат с майонезом. Это все Рита не ела. В школе еда была невкусная. Поэтому жила на шоколадках и протеиновых батончиках.

> Я была готова признать свое поражение, как аналитик. Мама и папа хотят, чтобы их оставили в покое. Они готовы оплачивать терапию, мама уже не спрашивает о достижениях в нашей работе. Ее устраивает просто стабильность. Меня не устраивает.

В школе обратили внимание на то, что она сильно похудела. Мама начала усиленно кормить. Рита начала пить слабительные втихаря.

Мама приходила ко мне на родительские встречи, плакала, рассказывала,

как она устала, за что ей такая непослушная дочь, как много она работает и вот благодарность.

Рита рассказывала, как она боится мать, потому что она истерично кричит и ругает за все — за четверки, за несъеденный суп, за новую одежду, которую они с папой купили. Рита надеялась на поддержку, хотела услышать, какая она молодец, написала тест на 5. Она хотела принятия. Но все было не так. У мамы мигрень, раздражение, пмс или просто плохой день.

Папа старался радовать дочь. Возил в торговый центр по субботам, покупал обновки себе и ей, мама их отчитывала за потраченные деньги, но он снова покупал. И заказывал булочки сладкие в доставке. Он и сейчас их заказывает вместе с мороженным.

Рита постепенно набрала 10 кг, появился румянец на щеках, она расцвела, стала встречаться с парнем. Выросла красивая грудь. Ремиссия.

Я просила маму позволить Рите покупать в магазине то, что она хочет, Рита стала сама себе готовить. Но мама каждый раз спрашивала: «А ты уверена, что ты это съешь? А зачем тебе спаржа, вот картошечки возьми. И йогурт термостатный зачем тебе?».

«Папа же дает денег, сколько надо, -возмущается Рита, — но мама экономит». «Пельмешки чем плохи со сметаной?»- говорит мама.

Постепенно вес стабилизировался, Рита успокоилась, ее вполне устраивала ее внешность, она уже не считала себя девочкой с шоколадки Аленка, строила планы на будущее. Она еще паниковала перед каждой контрольной, но училась справляться с этим. Мама опять устала, решила отдохнуть в Турции и взять с собой Риту. Возражения не принимались. «Мы едем отдыхать, с папой ты не останешься, он все время работает, кто за тобой следить будет?»- решительно сказала мама.

Турция. Все включено, оплачено, надо есть. Рите приходилось 3 раза в день под надзором мамы поглощать разносолы шведского стола. Вернулась Рита в отчаянии: плюс 6 кг. Старые трюки со слабительными не срабатывали, да и закончились таблетки довольно быстро. Она освоила новы способ избавляться от съеденного — вызывать рвоту. Бесплатно и эффективно. Следом начались срывы — худеет, потом объедается. Здравствуй, булимия. Мама возила Риту оздоравливаться несколько раз в течение года — 9 класс. Надо силы набирать. Набирала Рита вес. Мама радовалась, дочь была в отчаянии. Булимические качели продолжаются. Рита всю неделю себя ограничивает в еде, а потом в выходные срывается, ест все подряд и по заведенному ритуалу — рвота, голодовка несколько дней. Она сражается за каждые 200 грамм, она их изгоняет из себя беспощадно. Сил мало, голова кружится. Рита перешла на смешанное обучение — часть времени дома онлайн, часть в школе. По двум причинам: первая — она не могла уже встать утром и пойти в школу — сил не было. Вторая причина — днем дома родителей нет, и можно делать все, что захочешь — не есть, или много есть, вызывать рвоту после еды,

Безусловно, сопротивление родителей вредит терапии, оно принимает разные причудливые формы, надо вовремя распознать это все и адекватно оценить свои силы.

звать гостей и угощать всем, что ей сказали съесть. Там на троих-четверых оставлено, считает Рита. Мама снова забеспокоилась и пришла спросить — не пора ли Риту положить в больницу. Бледная она.

Это точно — бледная, как будто иней на щеках. Рита периодически пытается рассказать маме о своих подростковых переживаниях, но мама не желает это все слушать. У нее работа, сериалы и кормление всех в семье. После очередной попытки поговорить, мама кричит, Рита плачет и идет есть сладкие булки, заботливо загруженные папой в холодильник. Циклы регулярно повторяются. Я уже могу составлять графики циклов срывов.

«Чего ты хочешь от мамы?», — спрашиваю. «Хочу, чтобы она сказала, что любит меня. Я же стараюсь, я отличница, я делаю многое по дому, я же заслужила любовь или еще нет?».

Любовь не заслужишь, она есть или нет, но Рита не готова признать это. Можно заслужить доверие, уважение и еще что-то. Но безусловную любовь, о которой мечтает Рита, она не получит.

Путь к выходу из «колеса сансары» — долгий и трудный, требующий терпения и настойчивости. Именно так происходит в психоанализе.

Я была готова признать свое поражение, как аналитик. Мама и папа хотят, чтобы их оставили в покое. Они готовы оплачивать терапию, мама уже не спрашивает о достижениях в нашей работе. Ее устраивает просто стабильность. Меня не устраивает. Я поддерживаю Риту, но не помогаю ей выбраться из круга булимии — нет опорного объекта в семье. Понемногу Рита понимает, что только от нее самой зависит, сможет ли она побороть болезнь. Но это все очень медленно, с бесконечными откатами в регресс. Я уже свои циклы могу считать — когда мне начинать сначала. Пока не сдалась окончательно. В выпускном классе, вероятнее всего, Риту не заберут из терапии, но кто знает, если мама опять устанет, снова будет кричать и поедет откармливать дочь возле моря и Рита снова окажется у нее в заложниках, кто знает, удержимся ли мы с пациенткой на нашем маленьком плоту? Семья не только не хочет помогать своей дочери, они регулярно уничтожают сделанное и только взросление и более осмысленное отношение к себе помогут Рите в терапии добиться результата.

Я переоценила внешнюю доброжелательность ее родителей, их заверения о том, что будут помогать ей. Я недооценила их нарциссизм и периодически чувствую свое бессилие. Рита верит мне, родители рассчитывают на меня, а я чувствую себя бурлаком, который по песку тянет их лодку к живительной воде. Дотащу ли? Безусловно, сопротивление родителей вредит терапии, оно принимает разные причудливые формы, надо вовремя распознать это все и адекватно оценить свои силы.

Я знаю, что анорексия – это психическое расстройство, оно относится к группе нарушений пищевого поведения и обычно характеризуется непринятием телесного образа,

отказом от пищи, созданием препятствий к ее усвоению и стимуляцией метаболизма для снижения веса. Основные симптомы — избегание приема пищи, ограничение порций, изнуряющие физические упражнения, прием препаратов, снижающих аппетит и ускоряющих обмен веществ, слабость, апатия, физические недомогания, раздражительность. Весь набор признаков присутствует у Риты, и лечение проводится методами психотерапии, диетотерапии и медикаментозной коррекции. По алгоритму все верно. Но мы буксуем.

Как правило, такое заболевание развивается при сочетании нескольких факторов: биологических, психологических, микро- и макросоциальных. Девушка из социально благополучной семьи, отличается стремлением к совершенству и поэтому она в группе высокого риска. Существуют, конечно, генетические предпосылки к заболеванию, как и дисфункция нейромедиаторов (серотонина, дофамина, норадреналина). С моей точки зрения, в данном клиническом случае важно рассмотреть причины микросоциальные: отношение родителей и других родственников к питанию, лишнему весу и худобе. Именно бабушка и мама заостряли внимание Риты на ее весе. Причиняли добро.

Перфекционизм, низкая самооценка, неуверенность, тревожность и мнительность Риты подтверждают влияние личностного фактора в поддержке развития ее заболевания, как и обсессивно-компульсивный тип личности.

Нельзя не учитывать культурные причины. Худоба объявлена в социуме одним из главных критериев красоты женщины. Пропаганда идеалов стройного тела формирует стремление похудеть любым способом.

И одна из самых важных причин — стресс. Пусковым фактором анорексии может стать неуверенность в будущем, невозможность достижения желаемых целей. Как и многие девушки, Рита мечтала стать моделью. Внешние данные позволяют: рост, телосложение, красота. Она изучила все необходимые параметры для приема в школу моделей и готовила себя к поступлению в нее. Лишние сантиметры на талии и килограммы воспринимались как катастрофа. Но родители были категорически против. Девочка из приличной семьи не может быть моделью. Просто не разрешили. Дипакадемия подойдет, или финансовая. И школа у нее соответствующая. Высокие требования, высокие амбиции и, соответственно, нагрузки. Школа, репетиторы, домашка до полуночи — это ее жизнь. И процесс похудения замещает сферы жизни, в которых не удается реализовать себя.

Ключевой механизм развития анорексии — болезненное искажение восприятия собственного тела, чрезмерная обеспокоенность мнимым или реальным дефектом — дисморфофобия. Под действием этиологических факторов формируются навязчивые мысли о лишнем весе, собственной непривлекательности, уродстве. Образ телесного «Я» искажен. Под влиянием навязчивых мыслей изменяются эмоции и поведение. Действия и мысли направлены в основном на снижение веса, достижение худобы. Наши сессии начинаются

> Травма детей, которых разрывает пополам развод родителей, ранит и каждый раз, когда с ней сталкиваешься, больно. И я знаю, как больно самому ребенку.

Семья не только не хочет помогать своей дочери, они регулярно уничтожают сделанное и только взросление и более осмысленное отношение к себе помогут ребенку в терапии добиться результата.

одинаково — с рассказа Риты о съеденном, выделенном, о злосчастных 500 граммах привеса или отвоеванных 200 граммах снижения веса, перечисляется съеденное и отдельно обсуждается чувство вины после каждого лишнего съеденного кусочка. После таких ритуальных отчетов можно разговаривать об эмоциях.

Жесткие ограничения питания тормозят пищевой инстинкт и инстинкт самосохранения. Недостаток питательных веществ активизирует физиологические защитные механизмы, происходит замедление метаболизма, сокращается секреция пищеварительных ферментов, желчных кислот и инсулина. Процесс переваривания пищи вызывает дискомфорт. Я знаю, что на поздних стадиях анорексии усвоение пищи становится невозможным. Возникает с риск смерти. Я помню об этом, Рита — не думает об этом. И мы снова возвращаемся к контрольным точкам веса.

Первая стадия развития болезни была пройдена ранее -постепенно изменились интересы Риты, представления о красоте тела, его привлекательности. Этот период продолжался несколько лет до ее прихода в терапию. Затем наступила стадия активной анорексии, с выраженным стремлением снизить вес и формированием соответствующего поведения. В этой стадии мы находимся, держимся, сражаемся, рассчитывая не перейти к заключительной стадии — кахексии, когда организм истощен, нарушается критичность мышления, возрастает риск смерти. Сейчас Рита уже осознает опасность своей болезни, она не доводит себя до критической точки, мы договорились о параметрах веса, ниже которых нельзя опускаться, о составе продуктов, о регулярности приемов пищи. Теперь она способна сама это все контролировать. Срывается, конечно, но со всей своей обсессивностью следит за жизнеобеспечением.

Но сознательное ограничение объема потребляемой пищи, как обязательный симптом заболевания, по-прежнему присутствует. Рита уже не пытается солгать окружающим о чувстве насыщения до его наступления, долго пережевывая еду, чтобы создать видимость ее длительного и обильного употребления. Она старается избегать встреч с родителями за обеденным столом, находит причины не присутствовать на семейных ужинах и обедах, поездки к бабушкам для нее тяжелое испытание, когда ее пытаются уговорить: съешь пирожок, ты такая худая.

Для уменьшения всасываемости пищи Рита искусственно вызывает рвоту. Сразу после еды, как только появляется возможность попасть в туалетную комнату. Для скорейшего избавления от жидкости и пищи она принимала диуретики и слабительные средства. Сейчас она отказывается от таблеток, понимая, что попала в зависимость от них. Не всегда получается.

Как часть поведенческого расстройства, присутствует пищевой «запой». Это неконтролируемый приступ потребления большого количества еды за короткий промежуток времени. «Запой» чаще всего происходит в одиночестве. Днем, когда Рита дома одна,

она может опустошить холодильник. Эти приступы не всегда связаны с чувством голода, используются как способ успокоиться, снять напряжение. После обжорства развивается чувство вины и ненависти к себе. Особую панику вызывают нарушения менструального цикла. Тут уж мама контролирует процесс. Не спрячешься. Несколько дней задержки вызывают панику, и Рита начинает есть.

Два видимых параметра: вес и цикл для мамы — способ управления ситуацией. Больше она ни во что уже не вмешивается. Душевные страдания дочери ее интересуют меньше, чем ее собственные. Отец много работает и все проблемы решает деньгами. Платит регулярно мне. Покупает, что просят, и не понимает, что еще он должен сделать. Мама уже не приходит ко мне на родительские сессии поплакать, не заглядывает заискивающе в кабинет со словами: «ну как?». Дома глухо, как говорит Рита.

И здесь я проигрываю. Я вижу ее регулярно один раз в неделю на сессии, если мама не увозит дочь на оздоровление к морю и шведскому столу, я наблюдаю ее, побледневшую, без кровинки и слышу очередное: «Это, конечно, трындец, я опять обжиралась». Все чаще я слышу: «Я удержалась, я молодец», в ее лексиконе появилось слово стабильность, и с завидной регулярностью я слышу: «Мама опять кричала, я опять после этого объелась». Это проклятое колесо, в котором мы с Ритой вращаемся, у меня уже тоже вызывает рвоту. Меня укачало.

Часто приходит ассоциация с «колесом сансары». Я — не мистик, но мне нравится эта мысль: «колесо сансары» вращается благодаря деятельности человека. Это результат его собственных действий, мыслей и намерений.

Путь к выходу из «колеса сансары» — долгий и трудный, требующий терпения и настойчивости. Именно так происходит в психоанализе.

Я уже не переживаю, что когнитивно-поведенческие мотивы нашей работы опустошают меня, Рита доросла до психоаналитической терапии, она способна ассоциировать и осмыслять. Мы продвигаемся, я надеюсь.

Я размышляю о том, что в этом случае происходит: ограничение метода или ограничение аналитика? Возможно, и то, и другое. Продолжаю разбираться в этом.

Второй клинический случай, который не дает покоя, — в нем есть такой неявный след ошибки, или некорректного завершения, хотя выглядит все нормально.

Травма детей, которых разрывает пополам развод родителей, ранит и каждый раз, когда с ней сталкиваешься, — больно. И я знаю, как больно самому ребенку.

После развода дети остались с мамой. Мама считает, что с отцом им небезопасно. Общение только у нее дома, в ее присутствии. Есть, конечно, основания. Папа бил маму, поэтому развелись. И она боится за детей.

Я встречалась с папой несколько раз. Крупный мужчина, тестостерон из ушей «дымится», видно, что агрессивный.

> Нельзя не учитывать культурные причины. Худоба объявлена в социуме одним из главных критериев красоты женщины. Пропаганда идеалов стройного тела формирует стремление похудеть любым способом.

Такой мачо-милиционер в прекрасном прошлом перегоняет грузы и машины в тоскливом настоящем. В его понимании слово мужчины главное в семье. Как он решил, так и должно быть, противоречить нельзя, спорить нельзя. Женщины, естественно, не самые умные существа — что они могут понимать? Поэтому он увозил детей на несколько дней, не сообщая матери о том, где они. Он приезжал повидаться с детьми, когда он захотел, и не приезжал, когда договорились. Дети висели на окне несколько часов, ожидая его.

Мама в анализе. Она многое понимает, она хочет уберечь детей от немотивированной агрессии отца и его способов решения жизненных ситуаций. Одна из таких — отец вез сына на занятия в музыкальную школу, ему не понравилось поведение одного из участников дорожного движения, он его обогнал, затормозил, вышел из машины, прихватив монтировку, и пошел разбираться. Все это наблюдал испуганный сын, он боялся, что отца убьют или он убьет. Мальчик позвонил маме, все рассказал и она говорила с сыном все время, пока отец не вернулся в машину. «Чего ревешь, — сказал он сыну, — Запомни — я самый сильный и так будет всегда».

«Вот отличилась, амазонка, - говорила я себе, - бесит тебя этот человек, но найди другой способ остановить, ты же умеешь». Но я поняла, что нет другого способа и не будет. Он снова скажет, что все женщины дуры и твой психолог – тоже.

Мы обсуждали эту ситуацию на совместной встрече. На ней присутствовал и ребенок. «Он должен мной гордиться, — цедил сквозь зубы отец, — я накажу любого». Но мальчик не гордился совсем. Он рассказал, что в таких случаях ему просто страшно, он боится за отца и за себя — чем закончится разборка — неизвестно. Мы встретились вчетвером для того, чтобы Саша мог сказать отцу, что он чувствует. Один он не решался.

Я потратила много сил, убеждая маму, что под юбкой сына не спрятать, ему нужен отец, адекватный, конечно, но он уже старается, Сашу и его сестру стали отпускать на выходные к отцу и им очень нравилось у него к великому огорчению мамы. Там — телевизор, компьютер без ограничений, мужская зажаренная еда. Уроки отец не делает принципиально с сыном. С этим пусть мама разбирается. Они отдыхают. Дети в восторге. А дома есть обязанности всякие — пылесосить, посуду в машину загружать, мусор выносить. «Мы в рабстве у мамы, — говорит мальчик, — и еще она уроки проверяет».

Саша посещает психоаналитическую группу — у него проблемы в классе, ему трудно дается общение, мало друзей. Он не дерется, не произносит нецензурных слов — такой правильный и зажатый. В группе вполне себе агрессивный, в играх пытается доминировать над другими и речь его «с матовым покрытием». В группе можно быть собой.

У меня сложные отношения с его отцом. Сначала он смотрел свозь меня — это что за тетка, потом злился — почему лезут в его семью, которой нет уже, но он считает, что есть, потом приутих, когда я помогла ему чаще видеть своих детей. Но ему очень не нравилось привозить сына в субботу в группу. Дочь начала ходить в другую группу, он привозил их вдвоем и сидел в коридоре с каждым из них по очереди, подкармливая

сникерсами и всякими сладостями. Полдня у него отнимали эти занятия: привезти, увезти, посидеть подождать. Злился. Но привозил — таково было условие его бывшей жены — забираешь детей на выходные, но везешь в группу.

Отец постоянно забывал время работы группы. Привозил или раньше или позже, заглядывал в кабинет и спрашивал: нельзя ли начать пораньше. Я объясняла терпеливо, что в группе начинают все одновременно.

В одну из суббот во время сессии ко мне заглядывает Саша и спрашивает: «Когда начинается группа, в какое время?». Я извиняюсь перед пациентом, выхожу из кабинета и спрашиваю: «Ты не знаешь время начала группы?». «Знаю. Но папа просил уточнить».

Я закипела, но сдержанно попросила не заходить ко мне в кабинет пока я не позову. Группа в 16.30, как обычно. После группы я вышла к родителям для обратной связи и, когда со всеми поговорила, подошла к отцу Саши и попросила записать время работы группы и не присылать сына уточнять в то время, когда я работаю. Правила и расписание все знают. Я была вежлива, но рядом были другие родители, и он решил, что я его отчитываю при всех. Возможно, так все и выглядело. Но я считала, что вела себя сдержанно.

Больше Саша в группу не пришел. Отец отказался возить его, а больше некому. Оставалось 1,5 месяца до завершения. Жаль, конечно. Терапия внезапно прервалась, Саша даже не попрощался с группой и мои размышления о том, что я натворила, долго не отпускали меня. Конечно, при всех говорить с таким нарциссом не стоило, конечно, надо было сделать как-то по-другому, но он никого не слышал, кроме себя, он мне мешал, и я решила поставить границу. Поставила — непреодолимую. Пострадал пациент. Мне жаль. Но я видела глаза мальчика, когда разговаривала с его отцом — он был удивлен и восхищен, что женщина посмела с ним так разговаривать. Он думал, что это нереально.

«Вот отличилась, амазонка, — говорила я себе, — бесит тебя этот человек, но найди другой способ остановить, ты же умеешь». Но я поняла, что нет другого способа и не будет. Он снова скажет, что все женщины дуры и твой психолог — тоже.

Вероятно, этот аккорд в терапии Саши был нужен ему. Я узнала об этом через несколько месяцев, когда его мама попросила сессию и рассказала, что Саша стал смелее разговаривать с отцом, понемногу отстаивает свои интересы. Процесс имеет оборотную сторону: он начал грубить матери. С этой проблемой она и обратилась. Но тут все нормально: пубертат. Он будет грубить и отстаивать свои границы, поскольку другого способа не знает, и он хочет быть самым сильным, как отец, а возможно, и сильнее. И он знает, что отца тоже можно остановить. Это его секретное оружие. Надеюсь, мой промах впоследствии поможет Саше не бояться отца.

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ПСИХОАНАЛИЗА

Бенджамин Килборн — психоаналитик, антрополог. Его интересует пересечение психоанализа и антропологии, изучение стыда, сновидений, травмы, а также культурных особенностей в разных обществах.

Идеи Бенджамина Килборна внесли вклад в исследование динамики стыда как интерфейса между клинической работой (внутренние миры, психические конфликты, травмы и страдания) и культурой (история, конфликты, ценности, идеалы, убеждения, восприятие и защита).

Бенджамин Килборн - автор и соавтор книг: «Исчезающие люди: стыд и внешний облик», «Травма, стыд и страдание», «Неправильное понимание трагического: зависть, стыд и страдание». «Размышления о психоанализе: Ференци и границы метода».

В беседе Татьяны Тармогиной и Бенджамина Килборна обсуждается непростой и увлекательный профессиональный путь американского психоаналитика.

Татьяна Тармогина - доктор психотерапии, руководитель проекта «Звезды Мирового Психоанализа» в составе редакционного совета журнала.

Музыка психоанализа

Бенджамин Килборн

- доктор клинического психоанализа, доктор этнопсихологии, магистр литературы, психоаналитик, тренинг-аналитик и супервизор IPA (Международной психоаналитической ассоциации). Международной ассоциации по изучению травматического стресса, Общества Ференци.
- профессор Института Карен Хорни (Нью-Йорк) и института SEFAAP (Форт-Лодердейл, Флорида).
- преподаватель Психоаналитического института Стамбула (обучающая группа Международной психоаналитической ассоциации).

Т.Т.: Д-р Килборн, очень рада Вас приветствовать. Позвольте выразить Вам признательность от лица нашего сообщества и всей нашей аудитории за возможность провести это интервью. У нас много вопросов, которых мы хотели бы коснуться. Ваш профессиональный путь очень разнообразный, но Ваша встреча с психоанализом, как я понимаю, произошла не сразу. Вы занимались изучением нескольких гуманитарных наук, прежде чем пришли в психоанализ. Я хотела бы начать нашу беседу как раз с этого вопроса: каков он Ваш путь психоаналитика?

Б.К.: Это очень интересный вопрос. Мой первый контакт с психоанализом случился, когда я был студентом Нью-Йоркского университета на курсе философии Уильяма Барретта — человека, который ввел экзистенциализм в Соединенных Штатах. Там произошло мое самое первое знакомство с психоанализом.

Затем, будучи аспирантом в Колумбийском университете, я заинтересовался феноменом сновидения. Особенно меня увлекли ритуалы равнинных индейцев, посвященные поиску снов. Юноши-подростки отправлялись в дикую природу, им нужно было побыть в одиночестве и во сне услышать песню. При возвращении они должны были исполнить эту песню. Это был своеобразный обряд посвящения — юношей, которые прошли его, принимали в качестве мужчин. Сны в этом обряде играли ключевую роль, и тогда это поразило мое воображение.

В большинстве случаев сны закреплены в отношениях между сновидцем и интерпретатором.

Позже, когда я оказался в Швейцарии преподавателем в одной, честно сказать, ужасной мужской школе, у меня с собой было две книги: «Толкование сновидений» Фрейда и «Волшебная гора» Томаса Манна. Я прочитал их залпом и пришел к выводу, что не хочу продолжать преподавать в Швейцарии. Однако мне нужно было иметь возможность продолжать учебу, и тогда встал вопрос: «Какой должна быть эта область?». Я решил заняться сравнительным изучением толкования сновидений. Для меня уже тогда казалось очевидным, что «Толкование сновидений» Фрейда было, по сути, концептуальным миром, который он придумал. В нем отсутствовало повествование снов и динамика снов. Поэтому я очень захотел узнать, как толкователи из других культур работают со сновидениями.

Этот исследовательский интерес привел меня в Марокко. Там я обнаружил, что сны действительно используются как часть ритуала. Например, для исцеления, а также в качестве средства борьбы с женским бесплодием. Причем используются широко и фактически во всем Средиземноморье. Это так называемая практика инкубации. Инкубация — это сновидение об излечении от любых болезней. Это традиция и практика, которая восходит к Асклепию — древнегреческому богу врачевания. Я очень заинтересовался тогда этой традицией инкубации.

А затем я преподавал в Париже курсы по истории и философии социальных наук и параллельно готовил докторскую, которую писал на основе материалов, собранных в Марокко. В рамках этой работы я провел исследование фрейдовских снов с привлечением независимых толкователей. Самое поразительное, что все привлеченные к исследованию толкователи предполагали, что обсуждаемые в рамках эксперимента сны — это реальные истории сновидений ассистентов, которые помогали в этом

Я начал психоаналитическую подготовку из-за опасения, что со временем не смогу оставаться в университете в том качестве, в котором это было интересно и полезно мне. Продолжая преподавать одно и то же, вы не учитесь ничему новому. Психоанализ открывал для меня новые перспективы, в первую очередь, для моего собственного развития. Он оказался похожим на музыку, которую я обожаю.

Я чувствовал реальную необходимость поднять вопрос о сопротивлении пониманию того, насколько важен стыд во всем аналитическом лечении и вообще для отношений, и о том, что вина, на самом деле, может быть защитой от стыда.

полевом исследовании. Никто из них даже представить себе не мог, что это были просто письменные тексты. Исходя из этого наблюдения, я пришел к выводу, что в большинстве случаев сны закреплены в отношениях между сновидцем и интерпретатором. И они не являются текстами. Это открытие позволило мне пересмотреть тему сновидений у Фрейда. А затем мне стало интересно, как вообще развивался психоанализ. Мне хотелось найти более широкую структуру знаний, которая дала бы мне представление о том, как в целом формировался подход Фрейда к сновидениям.

Позже я переехал в Соединенные Штаты и оказался в Калифорнийском университете в Сан-Диего, а затем в Лос-Анджелесе. Честно сказать, мне совсем не нравилась Калифорния, там слишком много солнца.

Т.Т.: Во Франции не так?

Б.К.: Не совсем. В Калифорнии солнца много, а неба нет. Отчасти из-за загрязнения, отчасти потому, что вы не чувствуете настроения неба, живя в Лос-Анджелесе. Я скучал по этим ощущениям, особенно по ноябрьскому небу в Париже.

В Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе я преподавал на кафедре антропологии и с удивлением обнаружил, что антропологи не рассматривали ни психоанализ, ни историю так, как мне казалось, их необходимо рассматривать. На то есть свои причины. В то время профессора в Калифорнийском университете могли получить клиническую подготовку, а психологи нет. Были только, знаете ли, психиатры и несколько своенравных ученых. И я решил, что пришло время натянуть вторую тетиву на свой смычок. Я начал психоаналитическую подготовку из-за опасения, что со временем не смогу оставаться в университете в том качестве, в котором это было интересно и полезно мне. Ведь продолжая преподавать одно и то же, вы не учитесь ничему новому. А психоанализ открывал для меня новые перспективы, в первую очередь для моего собственного развития. Он оказался похожим на музыку, которую я обожаю. И ведь на самом деле динамические отметки в музыке, знаете ли, можно применить и к психоанализу, будь то крещендо или диминуэндо, или sotto voce и так далее.

Аналитики могут стыдиться травм и чувств своих пациентов и параллельно переживать свое собственное чувство стыда. В этом заключается межличностная динамика, понимание которой чрезвычайно важно для эффективных аналитических отношений.

Вот так я и начал свое аналитическое обучение, продолжая параллельно преподавать историю и философию социальных наук. Затем я стал руководителем программы сначала в Южнокалифорнийском психоаналитическом институте, а затем в Лос-Анджелесском психоаналитическом институте.

В Лос-Анджелесском институте была своя любопытная специфика: обучающие программы по психоанализу были практически не востребованы. Когда я занялся разработкой своей программы, мне надо было придумать, как привлечь на нее абитуриентов. И я решил поставить эксперимент: попросить трех сертифицированных аналитиков и трех кандидатов привести по десять человек. Мне казалось, что если получится их привести, то с большой долей вероятности они поступят на программу. Так и произошло. Мне удалось собрать 50-60 студентов, раньше такого не было. Правда, в процессе случались и свои казусы. Например, когда я поднял тему, в которой уже присутствовала значительная путаница. Тема касалась гонораров психоаналитиков. О, это выявило тогда массу противоречий! Сертифицированные аналитики говорили: «Я установил гонорар в 100 долларов, и 25 лет спустя он будет таким же», а кандидаты оспаривали: «А мы установили гонорар в 175 долларов, и, если пациент возражает, интерпретируем сопротивление». При этом никто не был склонен действительно рассматривать тему гонораров как неотъемлемую часть отношений.

> В некотором смысле, чем более травмирован человек, тем более мы за него ответственны. Чем больше травма, тем уязвимее человек.

Потом был еще один институт, который являлся частью международной психоаналитической организации под названием LASPS. Это Лос-Анджелесское общество психоаналитических исследований. Так я стал обучающим аналитиком международной ассоциации. И это открывало для меня новые возможности. Например, развитие темы стыда. Меня всегда очень интересовала эта тема, я много писал о стыде и задавался вопросом: «Почему вина столь заметна, а стыд — нет?». Это натолкнуло меня на мысль запустить авторский семинар в Американской Психоаналитической Ассоциации под названием «Динамика стыда». Он продлился двадцать лет. Но спустя двадцать лет люди все еще спрашивали: «Почему не вина?». В итоге я закрыл семинар. На самом деле, эта тема оставалась удивительно устойчивой к непринятию. Это одна из причин, по которой я начал работать над книгой, окончательным названием которой стало «Трагическое непонимание». Я чувствовал реальную необходимость поднять вопрос

> Акцент на сексуальности в психоанализе отвлек внимание от потребности в нежности, в доброте и в осознании того, в чем заключается наша ответственность перед пациентами.

Душа, по Аристотелю, означает «дыхание» или «жизненную силу». Его идея изначально была в том, что все человеческие отношения наполнены тоской, потому что они являются слиянием желаний и страхов. Одно перетекает в другое, и так постоянно.

о сопротивлении пониманию того, насколько важен стыд во всем аналитическом лечении и вообще для отношений, и о том, что вина, на самом деле, может быть защитой от стыда.

В книге «Трагическое непонимание», которая, кстати, была переведена на русский язык, основная идея заключается в том, что современное понимание трагедии серьезно пострадало со времен Софокла и Аристотеля. Когда Фрейд представлял свою версию трагедии Эдипа, он подключился к концепции в ее поздней редакции, к той ее версии, где понятия страдания и трагедии были уже замещены. В стандартном издании Encyclopedia Britannica, кажется, 1910 года, уже нет ни одного упоминания об этих понятиях. Возникает вопрос: что же произошло? И какое влияние оказали эти изменения на создание психоанализа?

В 2000 году меня с группой аналитиков пригласили преподавать в Москву. Меня очень хорошо приняли. После этого я еще много раз возвращался в Москву и преподавал. Занятия шли целый день, а вечером моей наградой были музыкальные концерты. Я был в полном восторге от них, концерты были потрясающими. Но главное, что я осознал в процессе этой работы, это то, насколько травма и стыд важны для всех тех, кто практикует в России. Я чувствовал, насколько здесь все наполнены травмами. Для меня это еще раз подчеркнуло важность привлечения внимания к вопросам стыда и травмы у аналитика. Важно понимать, что этот вопрос касается не только пациента, но и аналитика. Аналитики могут стыдиться травм и чувств своих пациентов и параллельно переживать свое собственное чувство стыда. В этом заключается межличностная динамика, понимание которой чрезвычайно важно для эффективных аналитических отношений.

Потом меня пригласили в Будапешт на конференцию, посвящённую Гезе Рохейм. Я писал о нем статьи. В Будапеште тоже стало ясно, что аналитики глубоко травмированы. И вопрос, знаете ли, встает ребром: что сделали бы вы, будучи практикующим аналитиком, если бы вас мог выдать ваш собственный пациент? Это ситуация, которую мои коллеги в Соединенных Штатах никогда бы даже не рассматривали, у них просто нет такого исторического опыта.

Изучение Ференци и понимание того, что он говорит о том, как легко аналитики могут навредить своим пациентам, насколько они ответственны за них, подвело меня

Мы хотим отношений с другими людьми, но также и боимся этого, и чувствуем это одновременно. Это существенная часть динамики человеческих отношений.

В некотором смысле Фрейд выделил инцест и отцеубийство в качестве единственных эмоций, которых стоит бояться больше всего. Но он недостаточно связал их с желаниями.

к вопросам этики и травмы. В некотором смысле, чем более травмирован человек, тем более мы за него ответственны. Чем больше травма, тем уязвимее человек. А это то, чего абсолютно не было в моем обучении.

Например, когда я обучался в Лос-Анджелесе, нам давали читать статьи Ральфа Гринсона. Его считали великим аналитиком, хотя именно он лечил Мэрилин Монро и был, по сути, ответственен за ее самоубийство. Но никто не связывал эти вещи воедино. Аналитики в США вообще не говорили о травме. А когда говорили, то это была исключительно сексуальная или сексуализированная травма, связанная с нарушением границ. Глен Габбард никогда по-настоящему не рассматривал вопрос этики и травмы в отношениях. Это всегда интеллектуализировалось, поскольку нарушение границ — это плохо, но без реального эмоционального осмысления сути сексуальной травмы. Ференци в своей замечательной работе «Смешение языков» говорит именно об этом. О том, что может быть путаница понятий: между страстью и сексуальным интересом, озабоченностью, с одной стороны, и потребностью в нежности, с другой. Этот конфликт, очевидно, существует не только у детей, но и у всех нас, и акцент на сексуальности в психоанализе отвлек внимание от потребности в нежности, в доброте и в осознании того, в чем заключается наша ответственность перед пациентами.

Я продолжал преподавать в Москве и Будапеште. И узнал огромное количество вещей, которые иначе никогда бы не узнал. Из моей работы стало ясно, как я уже сказал, что очень многие аналитики были глубоко травмированы и не знали, что делать со своим стыдом, в том числе, и за беспомощность в лечении пациентов. Но они не говорили об этом между собой. Это была табуированная тема. Именно тогда я задался вопросом о динамике, своего рода социальной динамике подходов к стыду и травме. Здесь мне очень помог Аристотель. В его «Никомаховой этике» он, по сути, говорит, что стыд — это цвет добродетели — в том смысле, что стыд необходим для добродетели, для осознания наших человеческих обязанностей. И это осознание является частью того, что делает нас людьми. У Аристотеля чувство этики исходит из осознания души. Душа, по Аристотелю, означает «дыхание» или «жизненную силу». Его идея изначально была в том, что все человеческие отношения наполнены тоской, потому что они являются слиянием желаний и страхов. Одно перетекает в другое, и так постоянно. Это не просто одно или другое, это сочетание двух.

Наша ответственность как аналитиков заключается в том, чтобы чувствовать и реагировать на потребность в своевременности, такте и доброте, это часть нашей ответственности перед пациентами.

А ведь доброта и внимание — это также наши потребности. Должны ли наши пациенты быть добрыми к нам?

Эту идею я развил в своем «Подходе к снам». Я провел ряд семинаров по толкованию снов. Мои коллеги приходили со своими снами инкогнито. И затем мы рассматривали сны только с точки зрения колебаний между желаниями и страхами. Вот и все. Результаты оказались абсолютно поразительными. Я не понимаю, почему это не практикуется более широко, особенно с тех пор, как конфиденциальность стала такой важной проблемой.

Вернемся к Аристотелю и душе. Понятие души, как жизненной силы, включает в себя осмысление трагедии и человеческой беспомощности. В этом заключается существенная часть концепции трагедии Аристотеля, которая оставляет большое место для стыда и страдания. Аристотель говорит о катарсисе совсем не так, как Фрейд. У Фрейда катарсис — это высвобождение энергии. У Аристотеля катарсис — это смесь сострадания и страха, где сострадание — это способность сочувствовать страданиям другого человека, а страх мыслится как то, что может случиться и с тобой. Таким образом, катарсис вмещает в себя и сострадание, и страх. Аристотель основывается на этих чувствах в отношениях, они сложны и провоцируют внутреннюю борьбу. А представления об отношениях, которые предлагают, например, возможность найти себя в «срезе истинного я» слишком упрощены. Мне они кажутся, скорее, запутывающими. Акцент Кляйн на зависти и агрессии видится слишком односторонним. Эта односторонность скудна и недостаточно динамична, потому что она фокусируется только на страхе, исключая желание. Идея Аристотеля о трагедии в том, что эти чувства неразрывны: мы хотим отношений с другими людьми, но также и боимся этого, и чувствуем это одновременно. Это существенная часть динамики человеческих отношений. Эта борьба, по сути, отсутствует в большей части психоаналитической литературы. А она должна быть. Я имею в виду, что эта борьба должна быть неразрывной и динамичной, согласно идее Аристотеля, ее нельзя разделить на части. Вы не можете сказать: «Вот это то, чего вам стоит бояться». В некотором смысле Фрейд выделил инцест и отцеубийство в качестве единственных эмоций, которых стоит бояться больше всего. Но он недостаточно связал их с желаниями. Точнее, он предположил, что желания были бессознательными, что человек действительно хотел переспать со своей матерью и убить своего отца. И, к сожалению, когда он остановился на Эдипе, трудно даже понять, как он мог так в нем ошибиться. Потому что Эдип на самом деле не знал, что его отец был его отцом, а его мать его матерью. Как же он мог наполниться сексуальным желанием и желанием отцеубийства к людям, которых он в ипостасях отца и матери не знал? Это просто не имеет смысла. Что же произошло? Как так произошло, что Эдип Софокла и Аристотеля стал Эдипом Фрейда? Я провел массу исследований, чтобы выяснить, как и когда эти критические изменения произошли и как их последствия легли в основу концепции психоанализа. И различные ветви развития психоанализа также не проработали эти моменты, не связав

Молчание и стыд идут рука об руку.

Стыд связан с пустотой.

в необходимой степени идеи Фрейда с понятиями травмы и стыда.

Приведу один пример: я выступал в Лондоне перед Британской психоаналитической ассоциацией, представлял очень сложный случай молодого человека, психотика. Когда я закончил свою презентацию, один из дискуссантов сказал: «Но вы не проанализировали ни зависть, ни агрессию». Дискуссантом был Джон Стайнер. Я ему ответил: «Ну, это вопрос времени и такта». А он сказал: «Мы здесь не верим ни во время, ни в такт». И никто из аудитории не возразил. Это проблема, которая в некотором роде связана с защитой от стыда. Так что наша ответственность как аналитиков заключается в том, чтобы чувствовать и реагировать на потребность в своевременности, такте и доброте, это часть нашей ответственности перед пациентами. После того случая я часто спрашивал себя: как может такой выдающийся специалист, как Джон Стайнер, заявить: «Мы здесь не верим ни в своевременность, ни в такт»? Тут я в тупике, я этого не понимаю.

Т.Т.: Это, действительно, звучит несколько категорично.

Б.К.: Да! А ведь доброта и внимание — это также наши потребности. Должны ли наши пациенты быть добрыми к нам? Ну, они могут и не быть, знаете ли. Однако, если мы не признаем, насколько нам нужно, чтобы они были добры к нам, то мы не сможем справиться с их враждебностью в равной степени. Если мы воспринимаем их враждебность только как доказательство агрессии и зависти и не признаем нашу собственную потребность в добром обращении, то мы неминуемо сводим это к обвинению их во враждебности и гневе, которые мы еще и поощряем. Так это не работает. Кроме того, это просто неуважительно.

Т.Т.: То, что Вы говорите о травме и стыде, мне очень близко, должна признаться. Моя докторская диссертация была посвящена исследованию трансгенерационной передачи травмы в отношении русского народа на основе анализа истории России XX века. Это как раз про глубоко травмированных людей, поколениями травмированных, пациентов и терапевтов, и во многом про защиту от стыда.

Б.К.: Да, Вы очень правы, в трансгенерационной травме многое идет через стыд. Если родители были серьезно травмированы, они часто не хотят говорить о своих переживаниях. И тогда их дети становятся соучастниками, желая защитить родителей от того, что те не хотят чувствовать. Но это отрезает их от знания, кто на самом деле их родители. А затем они стыдятся своих отношений с родителями, связь с которыми через это умалчивание обрывается или просто не образуется. Это часть динамики трансгенерационной травмы.

Дети травмированных родителей не могут «достучаться» до них. И это создает пустое место, которое дети чувствуют, как пустое, даже если это вовсе и не так.

Т.Т.: И так травматичные переживания еще больше наслаиваются друг на друга.

Б.К.: Верно. Молчание и стыд идут рука об руку. Дети чувствуют себя изолированными, брошенными, они страдают. Страдания детей пугают родителей, они не могу их выдержать, и это заставляет детей страдать еще больше. Это трагично очень трагично.

Динамика стыда в случае с секретами будет идти в сторону попытки что-то вообразить на этом месте, заполнить пустоту.

Т.Т.: Почему тема стыда так важна для Вас?

Б.К.: Очень хороший вопрос. Это связано с моей семьей. Моя мать была необычайно одаренной во многих отношениях женщиной, но в итоге стала алкоголиком. Она была очень увлечена светской жизнью и гламуром, и потом стыдилась этой своей зависимости. Когда она переживала провалы, я имею в виду, когда она делала эпатажные жесты, которые, как ей казалось, должны были ей помочь избежать провалов, ей становилось очень стыдно. Она рассчитывала исключительно на свое очарование и харизму, а этого было явно недостаточно. Мама была очень красивой и полностью полагалась на свою красоту. И какое-то время это работало, она была очень заметной в светском обществе. Но потом за этим последовало ужасно много стыда.

Думаю, ее отец был жестоким человеком. Однажды она мне рассказала историю. Будучи совсем юной, мама очень хотела белые перчатки, чтобы ходить в них в церковь, но отец ей не разрешал. Она их все равно как-то заполучила, мать уже тогда была своенравной. В ответ на это отец заставил ее представляться в церкви каждому встречному, пожимая им руку в этих белых перчатках. Для нее это было ужасно унизительным, позорным опытом.

Так что отчасти тема стыда связана с моей матерью, но, в целом, это семейная история. Моя семья когда-то была очень богатой, но не имела представления о ценности своего богатства или вообще о ценности чего-либо еще. Всем было глубоко стыдно за ту пустоту, которую все это богатство должно было скрыть. Я рос, хорошо осознавая все это, хотя моя семья никогда об этом не говорила. Они предпочитали утверждать, что мы — такая замечательная, знаменитая и богатая семья. Ну, и отец... он был пустым человеком. В Йеле, когда он там учился, он был капитаном команды, но после этого ему ничего по-настоящему не удалось. Он переходил из одной профессии в другую, но никогда не был по-настоящему успешным. Для меня это не имело особого значения. Важным было то, что он никогда не был способен ценить что-либо в своей жизни, кроме своего прошлого в команде. Это была своего

Понимание динамики стыда очень важно в историях, связанных с хранением секретов, она помогает понять саму суть травматичности.

рода пустота, от которой мне всегда было очень-очень стыдно. Поэтому я нашел убежище в музыке.

Т.Т.: Стыд был напрямую связан с пустотой, Вы так это переживали?
Б.К.: Да, безусловно. Я думаю, тут есть прямая связь: стыд связан с пустотой.

Т.Т.: И неважно, что это за пустота и как она образуется? В случае с травмами, например?
Б.К.: Верно. Например, когда родители травмированы, они стыдятся своих травм. Этот стыд выражается в молчании, и это тоже своего рода пустота. Секрет, о котором нельзя говорить. И у этого секрета есть своя собственная динамика стыда. Дети травмированных родителей не могут «достучаться» до них. И это создает пустое место, которое дети чувствуют, как пустое, даже если это вовсе и не так. У детей нет представления о его содержании и поэтому для них оно пусто. Динамика стыда в случае с секретами будет идти в сторону попытки что-то вообразить на этом месте, заполнить пустоту.

Т.Т.: А родители будут препятствовать?
Б.К.: Да. Это их защитная функция, потому что они не хотят раскрытия этого знания. Это болезненно для них, и поэтому они не хотят, чтобы дети напоминали им о том, чего они предпочли бы никогда не знать, понимаете? Это, опять же, связано с областью знания и незнания одновременно. Понимание динамики стыда очень важно в историях, связанных с хранением секретов, она помогает понять саму суть травматичности. Ведь дело не только в том, что эти родители прошли через какие-то ужасные обстоятельства. Очень существенная сторона травматичности заключается в том, как родители переживали эти обстоятельства, а именно свои собственные реакции на ограничения, беспомощность, отчаяние. Это очень большая и глубокая тема.

> Наша ответственность перед пациентами не может диктоваться только теорией. Мы несем ответственность перед людьми, а не перед теориями.

Т.Т.: Мне хотелось бы еще порассуждать о динамике профессионального становления психоаналитика. Вы многое рассказали о том, как формировался Ваш личный опыт. Но есть ли здесь какие-то закономерности или специфические особенности, которые свойственны, например, только начинающим специалистам, или, наоборот, проявляются только с опытом?
Б.К.: Это одна из частей большого вопроса. Позвольте мне начать с общего, а потом перейти к частному. В целом это связано с тем, как была концептуализирована история психоанализа. Приведу пример. Один из моих хороших друзей, Пол Розен, написал несколько книг на основе интервью. Он брал интервью у разных людей, создавая, по сути, устную историю. Одна из его очень успешных книг называлась «Братец Зверь» (также

Мы должны уметь понимать динамику ответственности, это одно из следствий психоанализа, но мы этого не делаем.

«Брат Животное: История Фрейда и Тауска»). Но психоаналитический истеблишмент отверг его, потому что он не был аналитиком. Они сказали, что тот, кто не прошел личный анализ, не имеет права вообще что-либо говорить о психоанализе. Это проблема, на мой взгляд. Здесь мне снова хотелось бы обратиться к опыту развития других наук — истории, философии.

В конце XVIII века, например, было общество, которое состояло из географов, лингвистов, философов, ботаников и прочих ученых. Все самые выдающиеся специалисты собирались за столом мадам Альвезиус и разговаривали друг с другом. Это то, что отличает историю психоанализа от других наук: Фрейд, по сути, был отрезан от научного сообщества, от университетов, от коллег. Фрейд сознательно стремился основать свою собственную, автономную дисциплину. Но это имело свои последствия.

Например, в Германии ученым, который занимался психологией, был Вильгельм Вундт. Но Фрейд почти его не упоминает, верно? Во Франции таким человеком был Бергсон, в Соединенных Штатах Уильям Джеймс. Бергсон был заведующим кафедрой греческого и латыни в Коллеж де Франс. У него была репутация выдающегося ученого, занимающегося вопросами памяти и восприятия. Все эти ученые занимались исследованиями памяти и восприятия. Теперь, можете ли вы себе представить, что Фрейд вступает с ними в переписку и включает в свою работу идеи и результаты исследований этих ученых? Нет. Они явно отсутствуют. В психоанализе господствовал изоляционизм, который, к сожалению, как я думаю, обеднил его. Мы недостаточно хорошо осознаем, что существует гораздо более широкий культурный контекст, с помощью которого можно понять, откуда вышел Фрейд. Психоаналитики сами не позволяют себе этого понять. Мы имеем все эти ресурсы, которые являются частью того, что мы называем психоанализом, но не понимаем в полной мере. Это связано со всей нашей интеллектуальной традицией, а не только с Фрейдом, который выскочил, как Афина из головы Зевса во всеоружии, с мечом и фаллосом. Я думаю, это действительно то, что нам необходимо осознать. Потому что это очень важная часть того, что подразумевается под нашей ответственностью перед пациентами. Наша ответственность перед пациентами не может диктоваться только теорией. Мы несем ответственность перед людьми, а не перед теориями.

По моему мнению, психоанализ должен расти, но ему нужно знать, на какой почве он растет, верно? Ему нужно знать, из чего он растет. И ему, очевидно, также нужно знать, к чему он растет, чтобы было ощущение реальных человеческих возможностей.

Я наблюдал такую слепую приверженность теории, когда работал в Лос-Анджелесе. Одним из моих руководителей был Джеймс Гротштейн. Он написал книгу «Осмелюсь ли я побеспокоить Вселенную» (Do I Dare Disturb the Universe? A Memorial to W.R. Bion by James S. Grotstein). Он работал в традиции Кляйн. Смотрел очень широко, гораздо свободнее меня. Я с самого начала видел, что он был очень смелым, почти диким в своих интерпретациях. Он доходил до того, что он называл «бессознательными мотивами». Для меня это было слишком. Глубокие интерпретации того, что предположительно бессознательно, всегда рискованны, знаете ли. Нужно ждать, пока не наступит тот самый момент, а затем почувствовать, что он наступил. Это позволяет работать с пациентами так, как они на то способны, а не просто подчиняться тому, что им говорит аналитик.

В Соединенных Штатах первые поколения, как вы знаете, были аналитиками из Европы, но затем психоанализ стал доступен только психиатрам. Эпоха медикализации. Я проскользнул туда только благодаря тому, что был человеком из университета. Вскоре после того, как я это сделал, был судебный процесс, вы наверняка о нем слышали: психологи подали в суд на американцев за ограничения и выиграли. И с этого момента психологи, социальные работники и другие смогли обучаться психоанализу.

В России гуманистическая традиция гораздо больше и богаче, и ее нужно ценить и развивать как часть психоаналитического видения и как часть всего понятия психоаналитической ответственности.

Т.Т.: Их наконец приняли в этом закрытом сообществе.

Б.К.: Да. Важно попытаться понять эффект медикализации психоанализа. Как это вообще оказалось возможно? В Соединенных Штатах… Наверное это было связано с изоляционизмом психоанализа и его претензиями на научность, на то, чтобы быть более научным, чем психология. Но вернемся к ответственности. Наша ответственность за пациентов и за то, как мы ее понимаем, является одним из важнейших способов, с помощью которых мы можем отличить себя от других психологов, тренеров и так далее. Мы должны уметь понимать динамику ответственности, это одно из следствий психоанализа, но мы этого не делаем.

Т.Т.: Как сформировать эту ответственность? Как можно было бы правильно выстроить этот процесс?

Б.К.: Это хороший вопрос. Он требует обсуждения. Я думаю, один из способов, которым это можно сформировать, —сравнить идеи Фрейда, скажем, в отношении памяти и восприятия с идеями Вундта, Бергсона, Джеймса, другими его современниками. Джеймс и Бергсон вели обширную переписку, Вундт и Джеймс тоже переписывались, Вундт и Бергсон были в контакте. Но Фрейд был вне всего этого, у него никогда не было университетской должности. И с тех пор у психоанализа странные отношения с университетами.

Мне хотелось бы надеяться, что психоанализ снова сможет заявить о себе, о своей истории.

Но вернемся к последовательности развития психоанализа в Соединенных Штатах. Сначала это был классический психоанализ, потом эго-психоанализ, а потом селф-психология. И селф-психологи были на поколение моложе, чем эго-психологи. Им тоже хотелось оставить свой след, и они были очень дерзкими. Например, на одной встрече Южнокалифорнийского психоаналитического общества, в которой участвовал крупный эго-психолог Сэм Эйзенштейн, серьезная фигура, его открыто запугивали селф-психологи, буквально угрожая его избить. Это не тот тип коллегиальных отношений, которые можно было бы ожидать от психоаналитиков. И это было повторено с кляйнианцами, а затем с интерперсоналистами и так далее. Внутри психоанализа постоянно прослеживается такая закономерность — конфликты лояльности — лояльности к теории. Не лояльности к пациентам или коллегам, а к теории. Это привело к расколам по всему миру. И это прискорбно. То, как психоаналитические теории использовались на службе, ну, знаете, по сути, человеческого эго, верно?

Т.Т.: Под эгидой защиты чистоты теории?

Б.К.: Да, а затем использование теории как своего рода агрессивной, нарциссической защиты. Это эго-центрированный подход в смысле защиты персональных интересов конкретных теоретиков. Таким образом, смирение, которое у меня ассоциируется с ответственностью перед пациентами, здесь явно отсутствует. По моему мнению, психоанализ должен расти, но ему нужно знать, на какой почве он растет, верно? Ему нужно знать, из чего он растет. И ему, очевидно, также нужно знать, к чему он растет, чтобы было ощущение реальных человеческих возможностей. Уметь отличать себя от коучинга, чего он не может сделать в настоящее время. По сути, психоаналитики говорят: «Видите ли, у нас наука лучше, чем у вас». Но этого недостаточно. Должно быть видение человекоцентричной, уважительной дисциплины, которая знает, откуда она пришла, и знает, к чему стремится. А у нас этого никогда не было, Фрейд этого не хотел. Во многих источниках есть упоминание, что он этого не хотел.

Т.Т.: А можно ли как-то решить эту проблему сейчас?

Б.К.: Я думаю, если к этой проблеме действительно появится серьёзный интерес, реальный интерес к пониманию, откуда взялся психоанализ, то способы концептуализации преподавания должны быть изменены. Это непросто. Селф-психологи, например, преподают курсы по селф-психологии. При этом преподаватели мотивированы совсем не тем, чем они на самом деле должны быть мотивированы. Они должны знать, кто преподавал до них, и кто будет преподавать после. Учебные планы должны быть доступны. И кто-то должен пересмотреть психоаналитическое образование в целом. По моему мнению, очевидно, что оно должно включать чтение Софокла и Аристотеля, знакомство, скажем, с Бергсоном, Джеймсом и Вундтом и другими. Это должно включать другой тип концепции. Вот, например, в России, Выготский мог быть одним

Психоанализ занял очень сильную нарциссическую, изоляционистскую и оборонительную позицию, которая вредит его развитию.

из тех, кого можно было бы читать в рамках психоаналитического образования. Я знаю, что в России гуманистическая традиция гораздо больше и богаче, и ее нужно ценить и развивать как часть психоаналитического видения и как часть всего понятия психоаналитической ответственности.

Т.Т.: Насколько это реалистично сделать, как Вы считаете?
Б.К.: Это трудно, но возможно. Идея состоит в том, чтобы сначала согласиться с тем, чего не хватает психоанализу, а затем попытаться выяснить, почему и что с этим делать.

Т.Т.: В этой перспективе, куда движется психоанализ? Каково его будущее? Или он будет сваливаться в коучинг, как Вы уже упомянули?
Б.К.: Психоанализ будет продолжать утверждать, что он лучше, чем коучинг, но он рискует потерять убедительность. Так что у него будет все меньше последователей, по крайней мере, мы наблюдаем эту тенденцию уже сейчас. Все меньше людей, которые захотят и смогут в этом разобраться и все больше тех, кто нет. Так что, честно, я не знаю. Мне хотелось бы надеяться, что психоанализ снова сможет заявить о себе, о своей истории. Если ему удастся это сделать, тогда появится большое будущее. Но сейчас ситуация такова, по крайней мере, в Англии и Соединенных Штатах, что если всю концепцию психоанализа ограничивать Фрейдом, настаивая на том, что ничего не было до него и на нем все сходится, то будущего у такого психоанализа нет. Конечно, он продолжает продвигаться, формировать свои течения, школы, но школы будут бороться друг с другом и только в этой борьбе находить смысл. Я думаю, что общая картина довольно мрачная. И она мрачная для гуманитарных наук в целом. Мне хотелось бы надеяться, что психоанализ сможет возглавить своего рода возрождение гуманитарных наук. Но, знаете ли, это благочестивая надежда. Потому что психоанализ себя таковым пока не видит. Психоанализ занял очень сильную нарциссическую, изоляционистскую и оборонительную позицию, которая, я думаю, вредит его развитию.

Т.Т.: А что Вы думаете о нейропсихоанализе?
Б.К.: Проблема в том, что со времен Фрейда все новые психоаналитические теории используют тот же фундамент, они не адаптируются. Я имею в виду, что все они исходят из того, что есть бессознательное. А это предположение можно было бы подвергнуть

Мне хотелось бы надеяться, что психоанализ сможет возглавить своего рода возрождение гуманитарных наук.

Все известные психоаналитические теории являются попытками безусловно принять структуру, которая больше не работает, а, возможно, и никогда не работала

сомнению или переосмыслить. Например, тот же Жане считал, что существует нечто, называемое «двойной совестью». И это было не просто то, что мы думаем и осознаем и не то, о чем мы не знаем и не осознаем. Это было гораздо более сложное понятие. Потому что люди могут знать вещи, не подразумевая, что они их знают, а также, могут не знать, думая, что знают. Всю концепцию бессознательного можно было бы переосмыслить. И это совершенно не означает, что она должна быть отвергнута, нет, но пересмотрена, дополнена, особенно с точки зрения того, что мы знаем о динамике памяти и восприятии. А все известные мне психоаналитические теории являются попытками безусловно принять структуру, которая больше не работает, а, возможно, и никогда не работала.

Т.Т.: Сейчас много современных биологических исследований по памяти и восприятию. Как Вы думаете, могли ли они быть полезными в переосмыслении психоанализа?

Б.К.: Это хороший вопрос. Такие исследования, безусловно, могут дать много новых наводок. Но в конечном итоге все сводится к ответственности перед нашими пациентами, понимаете? Я думаю, что, если бы мы взяли ответственность в качестве центрального компонента, мы бы двигались гораздо проще. Но это возвращает нас к идее стыда. Аристотель сказал, что стыд есть цвет добродетели. Это означает, что мы должны быть скромными в отношении тех способов, которыми мы, например, реагируем на биологическую информацию. В моей книге есть глава, посвященная Джамбаттиста Вико. Вико считал, что между il vero и il certo был необходимый разрыв. Это эпистемологический разрыв. И я думаю, что это как раз то, что было частью русской традиции в литературе и истории. В английской философии был такое выдающийся человек — Исайя Берлин. Он был русским. Он много писал о Вико и его важности. Но я не уверен, что он смог бы это сделать, не будь он русским. Он был очень умным человеком и знал свое окружение, поэтому он управлял миром английских наклонностей с большим мастерством. Он был чрезвычайно энергичным человеком, и его энергия распространялась во всех направлениях. Знаете, он был любопытен ко всему. Такого рода любопытство необходимо психоанализу. Не только и не обязательно к биологии или физике, а любопытство вообще. Но стоит помнить, любая идея должна быть оценена, в первую очередь, с точки зрения ответственности перед пациентом.

Любопытство необходимо психоанализу. Не только и не обязательно к биологии или физике, а любопытство вообще.

Т.Т.: Понимание ответственности очень важно, Вы правы. А если говорить о начинающих специалистах, если бы Вам, скажем, представилась возможность

Психоанализ гораздо больше и глубже, чем то, что о нем принято говорить.

рассказать им эту идею ответственности, этот подход, как бы Вы его сформулировали?

Б.К.: Прежде всего, необходимо максимально честно оценить, как начинающий специалист видит себя в терапевтических отношениях. Эта оценка подразумевает определенную долю смирения. И возвращает нас к старой идее Гиппократа о том, что мы должны быть помощниками природы, а не ее учителями. Но как нам это сделать? Как помогать природе? Мы не всегда знаем. Но мы можем получить хотя бы общее представление об этом и, основываясь на этом, доносить до студентов общую идею целительства, в том числе и в приложении к психоанализу. Отталкиваясь от Асклепия, который был богом врачевания и мог исцелять людей во сне.

Традиция Асклепия реализовывалась в храмовых комплексах, которые были одновременно местами театра, музыки, танцев и исцеления, все вместе. В каждом храме располагался абатон, это такое специальное место, куда приходили все страждущие, чтобы исцелиться во сне. Такое особое место, где они спали и видели сны о том, как они исцеляются. Такие вот лечебные сны. Там же находились толкователи и священники. И это была неотъемлемая часть жизни храма, включающая еще и музыку, и театр. Этот дух было бы очень полезно воссоздать у наших студентов, познакомив их с асклепианской традицией. Фрейд косвенно ее подхватил, предложив сидеть у изголовья лежащих перед ним пациентов. Фрейд просто заимствовал этот прием у Древней Греции. Асклепий садился у изголовья сновидца, как бы нависая над ним и наговаривая ему: «Ты, такой-то, сын такого-то, ты спишь...». И вот так начинался сон. Это часть, так сказать, рамки целебного сна согласно асклепианской традиции. Совершенно очевидно, что Фрейд не сам додумался до идеи сидеть в кресле со своими пациентами на кушетке. По сути, он отождествлял себя с Асклепием. И он точно знал, что он делает. Поэтому мне кажется важным, чтобы концепция психоанализа, в том числе и его интерпретация сновидений включала бы более полную, развернутую историю развития, чтобы студенты могли понимать, откуда это взялось, для чего предназначалось, как использовалось, какие истоки были у этих идей. Потому что психоанализ гораздо больше и глубже, чем то, что о нем принято говорить. Студентам было бы полезно

Музыка дает мне возможность представлять и воображать за пределами возможного и видимого и чувствовать эти движения так, как ни один другой опыт не помогает, как бы видеть и чувствовать невозможное, невысказываемое, неосмысляемое и наполнять этими образами человеческие отношения. Музыка также поддерживает уровень моего смирения, которое необходимо для стыда, а стыд — цвет добродетели, все взаимосвязано.

знать и осмысливать эти Месопотамские корни с их храмовыми комплексами, музыкой, танцами, театром и целительством. Это полезно, потому что психоанализу нужна более широкая рамка, именно это дает ему ключевое отличие от коучинга.

Т.Т.: Эта традиция лечебного сна очень напоминает гипноз, который тоже является древнейшей практикой.
Б.К.: Да-да, это все имеет общие корни. Важным и объединяющим для всех этих традиций является наличие некого мастера, который определяет, является ли сон лечебным или нет. И если да, то как. И вот здесь появляется интерпретация. Видите ли, интерпретация в асклепианской традиции напрямую обусловлена фактором отношений. То есть насколько хорошо толкователь знает прошлое пациента, настолько верно в этой связи он может понимать символы, появляющиеся во сне. Это не просто сонник, где, например, змея означает что-то конкретное. Это гораздо сложнее. Потому что толкователь должен знать, кто он и кто пациент для него, и какова функция толкования, и как толкование

> В России один из величайших ресурсов, которым обладают психоаналитики, — это русские сказки. В них герой попадает в такие ситуации, которые ну просто невозможно представить, помыслить. Герой приходит к точке, в которой нет способа разрешения, тотальная блокировка. И как вы с ней справляетесь? Это чувство непреодолимого препятствия, которое невозможно разрешить. В этом смысле оно требует другого измерения, другого опыта и способа воображения. Это мир за пределами препятствий, и это огромный ресурс.

может содействовать укреплению отношений между толкователем и сновидцем, чтобы сновидец поверил толкователю. А понятие веры вообще не фигурирует в интерпретации снов Фрейда. Почему пациенты должны верить в интерпретации Фрейда? Не то чтобы они не должны верить, но вопрос, почему они должны верить, справедливый же вопрос, не так ли? А если вера — неотъемлемый компонент процесса, то возможно предположить, что вера будет сильнее всего, когда связь сильнее всего. Потому что отношения связаны с доверием. И тогда у нас проявляется целое измерение, которое Фрейд игнорировал, и которое психоаналитики игнорируют до сих пор. Все это подчёркивает то, насколько изолированным был и является психоанализ, а также то, что психоаналитики не смогли понять, насколько обедняющей была эта изоляция для развития дисциплины.

Т.Т.: Можно ли в этой связи обозначить, что могло бы способствовать развитию правильного психоаналитика, без чего бы психоаналитическая позиция в самом широком согласно Вашей трактовке смысле была бы невозможна?
Б.К.: В Лос-Анджелесе была шутка, что, кандидаты начинают анализ бакалаврами, и их аналитическое взросление проходит через брак, детей и внуков. Но я в этом не совсем

Если сказка становится слишком буквальной, она теряет свою магию, она теряет свою песню. И она больше не музыкальна.

уверен. Лично я убежден, что общий уровень культуры, безусловно, очень влияет. А еще путешествия и любопытство. Да, вот эти три составляющих: культура, любопытство и путешествия. Но путешествия полезны только в том случае, если остальные два компонента достаточно сильны. Так, чтобы человек, отправляясь в чужое место, был открыт к познанию нового, а не просто проповедовал то, что уже знает.

Т.Т.: А как Вам удается поддерживать любопытство, такую активную личную и профессиональную позицию? Какой совет Вы бы дали нашим коллегам в этом отношении?
Б.К.: Для меня источником вдохновения является музыка. Но это, очевидно, очень индивидуально. Музыка дает мне возможность представлять и воображать за пределами возможного и видимого и чувствовать эти движения так, как ни один другой опыт не помогает, как бы видеть и чувствовать невозможное, невысказываемое, неосмысляемое и наполнять этими образами человеческие отношения. Музыка также поддерживает уровень моего смирения. А смирение, как вы помните, необходимо для стыда, а стыд — цвет добродетели, все взаимосвязано.

Т.Т.: Может ли это быть способом предотвратить профессиональное выгорание?
Б.К.: Я не очень разделяю концепцию профессионального выгорания. Если коллеги не видят дальше буквального содержания, то, да, скорее всего, они выгорят. А для меня это вопрос попытки почувствовать различные...ну, так скажем, движения души. И это не просто различие между мышлением и чувством. В первую очередь это связано с воображением. В России, кстати, один из величайших ресурсов, которым обладают психоаналитики, — это русские сказки. В них герой попадает в такие ситуации, которые ну просто невозможно представить, помыслить. Герой приходит к точке, в которой нет способа разрешения, тотальная блокировка. И как вы с ней справляетесь? Это чувство непреодолимого препятствия, которое невозможно разрешить. В этом смысле оно требует другого измерения, другого опыта и способа воображения. Это мир за пределами препятствий, и это огромный ресурс. Наши сказки принципиально иные, у нас нет равнозначного им эквивалента.

Т.Т.: Вы, наверняка, знакомы с идеями Проппа.
Б.К.: Да, Владимир Пропп, я его очень люблю, он замечательный! Одна из важнейших вещей, которую он говорит, это то, что, если сказка становится слишком буквальной, она теряет свою магию, она теряет свою песню. И она больше не музыкальна, понимаете? И это базовый, ключевой момент. На Западе, к сожалению, происходит именно это. У Диснея такая проблема. И уже неважно, Хроники Нарнии ли это или Хоббит, или что-то еще, они утратили свою песню.

Психоанализ представляет собой действительно нечто очень ценное, но мы как будто утратили это или слишком отвлеклись. Психоанализ должен быть глубоко человечным, а если нет, то он ничем не отличается от коучинга.

Т.Т.: Бенджамин, у вас такая интересная жизнь и история становления, но, тем не менее, вероятно, Вы тоже совершали ошибки, ведь это естественный процесс обучения и роста, верно? Что это были за ошибки? Возможно, Вы могли бы выделить некоторые общие, которые могли бы послужить нашим читателем ценным предупреждением?
Б.К.: Это очень-очень хороший вопрос.

Думаю, что одной из моих основных ошибок было предположение, что мои коллеги-психоаналитики и коллеги по университету заслуживают бОльшего доверия. Также ошибкой с моей стороны было проводить семинары по теме стыда в Американском университете в течение двадцати лет. Мне вообще не следовало этого делать, и я мог прийти к этому выводу гораздо раньше и сэкономить себе больше времени и нервов. Видите, я очень медленно понимал, что что-то не работает и каждый год страдал из-за этого. Ведь в самом начале было интересно, среди нас были замечательные люди, такие как Беннетт Саймон, он владел древнегреческим, или Леон Вурмсер, который прекрасно знал греческую трагедию, и оба были аналитиками. В Калифорнийском университете я пытался собирать профессоров, имеющих психоаналитическую подготовку, на общие встречи раз в месяц. Каждый мог представить что-то свое и совместно это обсудить, но это оказалось полным провалом. Сплошная политика, интриги и нарциссизм.

Т.Т.: Это, должно быть, очень грустно вспоминать…
Б.К.: Да… Психоанализ представляет собой действительно нечто очень ценное, но мы как будто утратили это или слишком отвлеклись. Психоанализ должен быть глубоко человечным, а если нет, то он ничем не отличается от коучинга.

Т.Т.: Тенденции, которые Вы видите сегодня в развитии психотерапии в целом и психоанализа в частности, дают ли они надежду на то, что в них будет больше человечности?
Б.К.: Я не знаю. Без адекватного понимания трагедии, без принятия чувства того, что мы не все можем понять, без согласия с тем, что мы являемся помощниками природы, а не ее учителями, без осознания неизбежности и непостижимости человеческих страданий…я не знаю… Надеюсь, что это возможно, но я не уверен.

Т.Т.: Не могу не задать вопрос про текущую ситуацию в мире и о том травматическом потенциале, которое она может нести. Мы живем в сложное, неспокойное время, полное угроз, конфликтов, неопределённости. Что Вы думаете, как эти события повлияют на нас? Насколько травматичными они могут оказаться и можно ли как-то предотвратить это влияние?

Я думаю, они будут травматичными. Вопрос в том, сможем ли мы использовать эти травмы в качестве ресурсов. Очень важно быть честными с собой и окружающими настолько, насколько это возможно. Правда, это имеет ограничения как в отношении нас самих, так и наших пациентов, но мы можем сосредоточиться на динамике, которая поможет сохранить смысл жизни. Знаете, риски всегда лежат в отвлечении от сути.

Т.Т.: А какие последствия это может иметь?
Б.К.: Последствиями будут опустошение нашего чувства жизни и неспособность чувствовать стыд, который несет эта пустота. Вместе с истинным пониманием трагедии исчезла и ценность чувств от ее понимания или хотя бы даже пространство для этого.

Т.Т.: Вы сказали, что травму можно рассматривать как ресурс. Поясните, пожалуйста
Б.К.: Да. Я думаю, очень важно не стать жертвой токсичных и постыдных секретов. Это лишает травму ее потенциала, позволяющего нам чувствовать и более свободно реагировать на страдания вокруг нас.

Т.Т.: Бенджамин, большое спасибо Вам за столь разносторонний и глубокий разговор. В заключение хотела бы Вас попросить о напутствии для наших читателей. Может быть, у Вас есть совет или пожелание, которым Вы хотели бы поделиться с нами.
Б.К.: Что ж, хотелось бы, чтобы будущее психоанализа было настолько музыкальным, насколько это возможно. Музыкальным в самом широком смысле этого слова — как нечто имеющее отношение к движению, запредельности, к чувству удивления и любопытства. Когда играешь сонаты Бетховена, важно не только то, что получается сыграть и услышать, важно то, что проявляется в этом процессе, становится лично для вас более ощутимым. Видение музыкального произведения — это некое чувство того, как оно как будто бы прорастает в некие другие измерения, выходя за пределы нот. И это то, к чему нам стоит стремиться и в психоанализе. А это требует любопытства и постоянного внутреннего движения.

Вместе с истинным пониманием трагедии исчезла и ценность чувств от ее понимания или хотя бы даже пространство для этого.

Т.Т.: Могли бы Вы поделиться Вашими любимыми композиторами?
Б.К.: Конечно! Бах, Бетховен, Брамс, Шуберт, Шуман, Гайдн. И не обязательно в таком порядке. Очень люблю Брамса. Знаете, для меня Бетховен — это сердцебиение, а Брамс — это дыхание. А среди русских — Чайковский, Римский-Корсаков, Глинка. Мой день рождения, кстати, в один день с Глинкой.

Т.Т.: Большое Вам спасибо, Бенджамин. Это было очень интересно, захватывающе, динамично и очень любопытно! Благодарю!

Хотелось бы, чтобы будущее психоанализа было настолько музыкальным, насколько это возможно. Музыкальным в самом широком смысле этого слова – как нечто имеющее отношение к движению, запредельности, к чувству удивления и любопытства.

Б.К.: Большое спасибо! И удачи нам всем. Я думаю, что тема травмы и конкретно Вашей, что вы изучаете, трансгенерационной, очень-очень важна. Она важна для ощущения истории, а также динамики. Мы должны быть в состоянии представить реальную историю, ощутить ее. И в нашей работе с пациентами, знаете ли, гораздо важнее не буквальные факты, возраст там, пол, опоздания, это все не имеет большого значения. Гораздо важнее то, как пациент концептуализирует свое прошлое. И то, каким образом это затем является отражением того, какие надежды, образы, фантазии, ожидания у него могут быть в отношении его собственного будущего.

Т.Т.: Как говорил Николай Рерих: не знающий прошлого не может думать о будущем.
Б.К.: Да, это абсолютно необходимо. Мои два самых близких друга — выдающиеся историки. Один из них пришел в историю, видя в ней способ спасти себя. Ему было жизненно необходимо это измерение.

Т.Т.: Историческое измерение — абсолютно необходимое, но мы часто его утрачиваем.
Б.К.: Да, а его ни в коем случае нельзя терять. Ясно, что это происходит из-за травм, мы все из них состоим, но это наши личные истории, вплетенные в глобальные исторические процессы. Мне было очень приятно вести этот разговор. Спасибо большое.

ЭССЕ

Мы рождаемся с потенциалом к любви, но каким образом это чувство сможет проявиться зависит от того множества жизненных ситуаций, из которых складывается наш опыт. И сколько бы мы ни рассуждали о признаках любви, о темпераментах и чертах характера, прямая дорога к объекту желания так и не найдена. Это очень закономерно, что человек идет к аналитику именно из-за нехватки «настоящей» любви.

Соглашаясь на работу с пациентом, мы никогда не знаем как этот процесс будет проходить, и это состояние незнания нам нужно будет выдерживать все это время.

О перипетиях взаимоотношений аналитической пары читайте в эссе Е.П. Савичевой.

Среди Миров: перипетии человеческой психики в любви

Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя…
Не потому, чтоб я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.
И если мне сомненье тяжело,
Я у Нее одной ищу ответа,
Не потому, что от нее светло,
А потому, что с Ней не надо света.
И.Ф. Анненский.

Савичева Елена

- PhD, психоаналитический психотерапевт
- сертифицированный специалист, тренинг-аналитик и супервизор ЕАРПП (Россия) и ECPP
- член Правления и Председатель РО Москва (ЕАРПП)
- автор программ Дополнительного образования (ЕАРПП)
- групповой супервизор IGA
- преподаватель Московских вузов дополнительного образования

Для разворачивания картины переживаний человека в любви, когда ему говорят: «Я тебя не хочу», я ввела понятие Перипети́я (греч.), что в античной мифологии означало внезапное исчезновение удачи в делах, возникающее как реакция богов на излишне самоуверенное поведение героя. В современном языке это означает внезапную неблагоприятную перемену судьбы, либо неожиданное осложнение.

В драматургии перипетия — приём, обозначающий неожиданный поворот в развитии сюжета и усложняющий фабулу.

В своём трактате «Поэтика» Аристотель определил перипетию как «превращение действия в его противоположность». По словам философа, наряду с узнаванием, это важнейший элемент фабулы. Так, в «Царе Эдипе» Софокла пастух, являющийся, чтобы открыть Эдипу его

происхождение и тем самым рассеять его страх, достигает своим разоблачением противоположного эффекта, разрушив безоблачное незнание главного героя.

Многие теоретики трагедии приписывали Аристотелю понимание этого термина и сами трактовали его в смысле кульминации — того поворотного пункта трагического действия, который определяет собой начало нисходящей линии повествования (развязки).

Нам же, как современным аналитикам, исследователям психического в его осознаваемых и бессознательных формах, с опорой на психоаналитическую теорию, важно понимать всю многогранность и сложность формирования этого чувства. Такими аспектами становятся:

1. некоторые важные нейробиологические системы: сексуальное возбуждение, привязанность, избирательное внимание, игровая близость и агрессивное соперничество с половыми конкурентами;
2. психодинамическое исследование символических внутрипсихических характеристик человеческого опыта;
3. психоаналитическая теория объектных отношений;
4. идеализация и страсть, как часть психологии зрелой сексуальной любви;
5. групповые процессы.

Палитра со всеми красками есть, потому предлагаю воспользоваться этой возможностью и оживить холст по имени любовь.

Определение любви, данное апостолом Павлом, находится в 13-й главе Первого послания к Коринфянам: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит. Любовь никогда не перестаёт, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится».

Конечно, из высот духовного определения любви, как общечеловеческой матрицы, мы сегодня будем очерчивать ее грани через отдельность и субъектность, именно этот аспект отношений в первую очередь мы переживаем в психоанализе и в качестве явных или скрытых запросов пациентов, и в динамике клинического процесса, и при рассмотрении кейсов на супервизиях. И, по-моему, это очень закономерно, что человек идет к аналитику именно из-за нехватки «настоящей» любви.

И вот что говорит о любви во взрослой паре О. Кернберг. Вслед за выпадом в сторону основателя психоанализа — «Я знаю о любви больше Фрейда» — он выделяет 9 признаков зрелой любви:

- Интерес к жизненному плану партнера (без разрушительной зависти).
- Базовое доверие — обоюдная способность быть открытыми и честными, даже в отношении собственных недостатков.
- Способность к настоящему прощению, в отличие как от мазохистического подчинения, так и от отрицания агрессии.
- Скромность и благодарность. Общие идеалы как основа совместной жизни.
- Постоянство сексуальной страсти: любовь к другому, несмотря на телесные изменения и физические недостатки.

- Зрелая зависимость: возможность принять помощь (без стыда, страха или вины) и оказать помощь; справедливое распределение задач и обязанностей — в отличие от борьбы за власть, обвинений и поисков правых и виноватых, которые ведут к взаимному разочарованию.
- Признание неизбежности потерь, ревности и необходимости защищать границы пары. Понимание, что другой не может любить нас точно так же, как мы любим его.
- Любовь и оплакивание: в случае смерти партнера или его ухода, потеря позволяет нам в полной мере понять, какое он место занимал в нашей жизни, что ведет к принятию новой любви без чувства вины.

Мы видим в этом определении, что любовь в ее так называемой зрелой форме — это эротическое чувство, которое в своей природе имеет историю своего возникновения из «Я хочу тебя» и далее, в случае согласия, развитие отношений между двумя субъектами. Мы рождаемся с потенциалом к любви, но насколько, как, когда и где это чувство сможет проявиться зависит от того множества жизненных ситуаций, из которого складывается наш опыт. В психоаналитическом процессе мы встречаемся с этим явлением, в первую очередь, через феномен переноса и контрпереноса. Но ведь они тоже из чего-то складываются:

– для пациента — с поиска аналитика, в образ которого он инвестирует свое желание избавления от страданий;
– для аналитика — с его фантазий о желанных пациентах (здесь у каждого есть свой список «Я хочу и я не хочу» — некоторая авторская выборка и лучше ее знать, чем наивно думать о своей всеядности и беспредельной толерантности).
– и далее — сам факт первой реальной встречи. Этот момент первого реального контакта задает тон очень многим будущим событиям, через которые будут развиваться психоаналитические отношения в этой паре. В первую очередь, мы говорим о встрече двух незнакомых друг с другом личностях.

Личность — это динамическая интеграция, поскольку это понятие подразумевает организованную и интегрированную взаимосвязь многих черт и переживаний, которые влияют друг на друга, в результате чего возникает определенная структура с множеством элементов. В этом смысле личность представляет собой гораздо более сложную и утонченную целостность, чем простая сумма ее составных частей.

Я бы хотела рассмотреть несколько базовых систем, входящих в личностную структуру любого человека, но, конечно, имеющую свои индивидуальные свойства и проявления этих свойств, которые создают нашу неповторимую индивидуальность. В эту психическую личностную структуру входят: темперамент, характер, идентичность, интегрированная система этических ценностей и интеллект. Вдохновила меня на такой подход книга О. Кернберга «Тяжелые личностные расстройства. Разрешение агрессии и восстановление эротизма».

Итак, темперамент. Наверное, для нас самое естественное — чувствовать этот компонент своей или другой личности (особенно этому знанию способствует прохождение личного анализа). Ведь в его основе лежит естественная, биологически обусловленная реактивность индивида, присущая в первоначальном потенциальном уровне плоду, развивающаяся и действующая всю жизнь, в частности, через психомоторный, когнитивный и аффективный векторы.

Термин Темпера́мент с латыни (temperamentum) переводится как «соразмерность», «надлежащее соотношение частей» — это совокупность устойчивых динамических особенностей психических процессов человека: темпа, ритма, интенсивности.

Эта личностная дифференциация существует и дошла до наших дней еще со времен Гиппократа. Только в ту эпоху анатомических открытий психическое стало наполнять биологическое: за основу были взяты наши внутренние жидкости — желчь, участвующая в пищеварении, кровь, обеспечивающая нас кислородом и питанием, и лимфа — создающая важную сеть очищения внутри организма. Свойства преобладающей внутренней среды определяли свойства характера:

- жёлтой жёлчи (др.-греч. [холе] «жёлчь, яд») делающей человека истеричным и хамоватым, «горячим» — холериком;
- крови (лат. [сангвис, сангуа] «кровь») делающей человека подвижным и весёлым — сангвиником;
- чёрной жёлчи (др.-греч. [мелэна холе] «чёрная жёлчь») делающей человека грустным и боязливым — меланхоликом;
- лимфы (др.-греч. [флегма] «мокрота») делающей человека спокойным и медлительным — флегматиком.

Люди с резко выраженными чертами определённого темперамента не так часто встречаются, чаще всего бывает смешанный темперамент в различных сочетаниях. Но преобладание определённых черт даёт возможность отнести темперамент человека к тому или иному типу:

- Холерик — быстрый, порывистый, импульсивный, неуравновешенный, подвержен резкой смене настроений, эмоциональным вспышкам. Холерик обладает огромной работоспособностью.
- Сангвиник — подвижный, живой, легко переживающий неудачи, стремящийся к смене впечатлений. Обладает выразительной мимикой. Продуктивен в работе, когда она ему интересна.
- Меланхолик — сдержан, раним, впечатлителен, склонный к постоянному переживанию даже малозначительных событий, застенчив.
- Флегматик — медлителен, трудно переключаемый с одной деятельности на другую, устойчив и постоянен в стремлениях и настроении, скуп на проявление эмоций.

Теория темпераментов Гиппократа —Галена до сих пор оказывает влияние на искусство, науку и литературу. Темперамент другого человека нас может успокаивать или бесить, возбуждать или подавлять. Часто говорят о совместимости и несовместимости пары исходя из темперамента. Холерик сложно переживает медлительность флегматика, для него тот все время задерживается и «тянет резину», а флегматик переживает холерика как поверхностного, торопливого и непредсказуемого.

Исходя из этих представлений, высказывание, адресованное нам как «Я тебя не хочу», мы услышим в очень разных оттенках, при этом важно, в каком состоянии мы находимся сами.

Например, меланхолическое «Я тебя не хочу», сказанное в растянутой, приглушенной с оттенком безразличия форме, в зависимости от истории отношений и контекста

встречи, может быть услышано более болезненно, чем взрывная эмоционально и сценически горячо произнесенная фраза «Я тебя не хочу». Ведь иногда говорят, «что лучше бы ударил, чем отвернулся». Адресно направленная речь дает нам больше понимания происходящего, чем обезличенная (он, она), умертвляющая и доводящая до отчаяния.

А в каком «темпераменте» вы услышали стихотворение И.Анненского, начало которого я внесла в название? Конечно, ближе всего к этому будет прочтение самим автором.

Возможно, вы сейчас скажете: зачем нам эти античные источники и поэзия, мы же аналитики, нам нужно идти в глубину. Я в такой реплике слышу фальшивую ноту избранности и отдельности, а не включенности психоанализа в общечеловеческую среду, в которой много что должно было родиться, для того чтобы родился психоанализ.

И, исходя не из психоаналитической теории, которая разложит все на присутствие бессознательного в каждом реальном акте бытия, а исходя из личностных особенностей темперамента, как вы переживаете отказ пациента от терапии?

Ведь это тоже «Я тебя не хочу». Какая теория защитит вас в момент отвержения и нападения на связь? Никакая. И наверняка, вы, как и я, когда вы эти слова, пусть не в такой форме, но в таком смысле, получаете не на сессии, а, например, после сессии или перед ней, в виде смс послания, тоже читаете их в определенной темпораль-

Любовь в ее так называемой зрелой форме — это эротическое чувство, которое в своей природе имеет историю своего возникновения из «Я хочу тебя» и далее, в случае согласия, развитие отношений между двумя субъектами.

ности своей речи, связанной с чувством, которое вы в этот момент переживали. А это может быть от внезапного «выстрела» — правда, которую не ждали (как пастух в драме об Эдипе), до «Все понятно» — к этому все и двигалось — так и предчувствовалось. И пережив эту встречу с таким паттерном поведения пациента, нам, нужно оставаться в своей роли — аналитика и стремиться понять, что происходит. Конечно, теория психоанализа в этом хороший помощник. По моему клиническому опыту, здесь важно осознавать силу и источники связи внутри терапевтической пары. Таким образом, мы говорим о фазах формирования базового доверия между личностями, состоянии ревери аналитика и сопротивлений психоаналитическому процессу.

В темпераменте личности мы выделили важный аспект контакта с другим –аффективную реактивность, которая представляет собой основополагающий аспект психического функционирования человека и составляет первичную мотивационную систему, которая связывает индивида со средой через позитивные (вознаграждающие) и негативные (отвращающие) аффективные — эмоциональные состояния, которые отражаются в, частности, в активации пиковых нейробиологических аффективных систем (гормоны). Здесь речь идет о системах привязанности — сепарационной паники, борьбы — бегства, игры — связи, эротического взаимодействия, кормления и паники — страха.

Реакция каждой из этих систем на организмические потребности индивида заключается в комбинированной активации специфических структур и нейро медиаторов мозга, в частности, специфических нейропептидов и нейроаминных аффективных нейротрансмиттеров, а также серотонинергической, дофаминергической и норадренергических систем. (Напомню, что Гиппократ начинал с желчи, крови и лимфы).

В системе привязанности — сепарационной паники, которая мотивирует младенца к поиску материнской груди и телесного контакта с матерью и становится прототипом установления отношений со значимыми другими, эти слова могут быть услышаны как отвержение, бросание или даже убийство. Потому что она наполнена интернализованными репрезентациями взаимодействий с матерью в форме диадических аффективных записей памяти — пиктограмм, которые состоят из репрезентаций собственного Я и репрезентаций объекта в контексте доминирующего позитивного или негативного первичного аффекта. В такой перспективе нежелание дальнейших отношений может выражать как переполненность (дальше некуда, пресыщенность, отсутствие новизны — монотония), так и как голод (отказ от контакта как проявление пустоты и бесперспективности ее наполнить).

Эти интернализованные аффективные следы памяти составляют строительные блоки внутренней репрезентации через различные повторения приятных и неприятных, потенциально травматических аффективных переживаний и определяют мотивацию движения к объекту — «хочу», либо от него — «не хочу». В итоге развиваются привычные паттерны поведения, динамическая интеграция которых и составляет характер человека. И одновременно идет постепенная кристаллизация всех интегрированных репрезентаций собственного Я.

Таким образом, можно сказать, что темперамент отражает мотивацию для включения межличностного поведения, а возникающие в результате интернализованные объектные отношения определяют развитие характера, как объективной, индивидуализированной интеграции привычных поведенческих паттернов, и идентичности как субъективного отражения характера.

Идентичность и характер представляют собой взаимодополняющие выражения организации психической жизни.

Через этот аспект наше «Я тебя не хочу » может говорить, как о негативизме в характере, например, когда человека нужно долго уговаривать, чтобы он обратил на тебя внимание (в мифе о Нарциссе это центральная линия поведения влюбленной в него нимфы Эхо или юноши Аминия, которые не могут вынести отказа), так и об установлении границ между желанием Другого и собой, что говорит об автономии и возможности держать необходимую дистанцию при активном соблазнении.

Черты характера — это внешнее проявление внутренних моделей поведения, они отражают прошлый опыт в настоящем и представляют собой, главным образом, автоматически функционирующие режимы реагирования. До некоторой степени эти черты зависят от предрасположенностей по темпераменту, которые повлияли на прошлое удовлетворение или фрустрацию потребностей и желаний человека в контексте адаптивных отношений в семье. Так же черты характера могут быть защитными реакциями от выражения более глубоких потребностей, которые ощущаются как более

рискованные или неприемлемые в межличностном поле. Это защита от непереносимых, примитивных, агрессивных и эротических импульсов, связанных с теми ранними инфантильными и детскими переживаниями, которые больше не могут свободно выражаться на последующих стадиях развития личности.

В этой перспективе услышанное: «Я тебя не хочу» может быть пережито как прерывание внутреннего желания полного обладания объектом желания, которое в реальности невозможно. Если этого пожирающего изнутри желания не остановить, то на память приходит великий Александр Николаевич Островский. В его пьесе «Бесприданница» читаем сцену:

Карандышев (вставая): О, не раскайтесь! (Кладет руку за борт сюртука.) Вы должны быть моей.

Лариса: чьей ни быть, но не вашей.

Карандышев (запальчиво): не моей?

Лариса: никогда!

Карандышев: так не доставайся ж ты никому! (Стреляет в нее из пистолета.)

Лариса: благодарю!

И здесь, кроме явного убийства, мы ощущаем и одновременно присутствующее латентное самоубийство: что Карандышев через свою зависть и жадность исполнил скрытые помыслы Ларисы, которая была несвободна, так как не хотела «ничего другого»). Ведь Мир един в своем бесконечном множестве, но понять — осознать это можно только постфактум, через бессознательные ассоциации, резонансы и параллели, в моменте же мы просто живем.

Перерабатывать такие примитивные импульсы помогает процесс триангуляции, который проходит на фоне первичных диадических отношений мать-дитя. По мере того, как ребенок учится принимать и понимать отношения между заботящимся лицом и другими значимыми взрослыми и сиблингами в своей психосоциальной среде, он начинает оценивать взаимодействие между значимыми другими и связывать их посредством проекции со своими собственными переживаниями в диадных отношениях.

Для нас представляют интерес возникающие триангуляции, ведущие к заметным конфликтам, описанным в психоаналитической теории развития и связанные с инфантильной агрессией, сексуальностью и зависимостью, так как эти триадные отношения способствуют более реалистичной оценке своего Я и значимых других в межличностном и внутреннем мире объектных отношений.

И в этом процессе важное место занимает интернализация наиболее ранних запретов во взаимодействии родитель — ребенок, о котором сигнализирует ясное материнское и родительское «нет», обычно становящееся реакцией на поведение ребенка, потенциально опасное для него самого (по крайне мере, с точки зрения матери). С таким «нет» связано много переживаний боли от фрустрации по отношению к «Я хочу».

Так начинает формироваться суперэго. Это сложная структура, входящая как сегмент личности. К началу латентного периода обычно завершается достаточная интеграция этой системы в личность, как целое, что позволяет ребенку влиться в разделяемую обществом систему ценностей. Эту систему регулирует поведение в терминах

социальной справедливости и заботы о других, а также ответственности за свое поведение. К возрасту 25 лет она уже является интернализованной моралью, которая отражается в приверженности этическим ценностям, а также универсально принятым этическим принципам отношений со значимыми другими и в социальной жизни. Реалистичный уровень требований и запретов уже содержит многочисленные ожидания, которые сформировались в семейной группе и отражают культурные аспекты нормы непосредственного социального окружения и его специфические этнические, социальные, национальные, религиозные или расовые традиции и убеждения — все то внешнее множество миров, составляющих нашу среду обитания в человеческом обществе.

В такой перспективе желание другого, выраженное «Я тебя не хочу», может быть хоть и неприятным и фрустрирующим, но переносимым, так как появляется уважение к проявлениям чувств другой личности и возможность перерабатывать потери, так называемая работа горя. Как в песне поется: уйди с дороги, таков Закон, третий должен уйти.

И последний из основных компонентов личности — это когнитивный потенциал индивида, его интеллект, который выражается в достигнутом уровне абстрактного мышления. В целом признается, что уровень интеллекта зависит как от наследственности, так и от раннего опыта. Хорошая поддержка у ребенка познавательных процессов и лингвистического развития, а также проявление внимания к мотивам, мышлению и фантазийной жизни ребенка, оказывают стимулирующее влияние на формирование когнитивных способностей. В целом высокий когнитивный потенциал способствует более реалистичному и тонкому восприятию окружающей среды и развитию способности адекватно реагировать на когнитивные сигналы. А значит, услышанная фраза «Я тебя не хочу», пройдя через всю сложную психосоматическую целостность личности, сможет быть принята, пережита и осмыслена с точки зрения многих компонентов самого события, в котором участвуют двое — так рождается интерпретация — не точное знание, а вариант на тему: а в чем здесь смысл? Так рождаются стихи, пьесы, пишутся картины. Это вариант психических переживаний, когда боль от неразделенного желания быть вместе не убивает способность любить — мыслить — соединять, потому что потери — это реальность, потому что другой живет свою другую жизнь, потому что в мире есть много возможностей и у нас есть свой внутренний мир, его центром является личная идентичность, реалистичное восприятие мира значимых других и вклад в этот мир.

Этот внутренний мир организует удовлетворяющее выражение базовых инстинктивных потребностей, автономии и ассертивности, как умения прямо, чётко и уверенно говорить о своих желаниях, мнении и чувствах, при этом сохраняя уважение к окружающим людям, что создает удовлетворяющие и эффективные отношения с социумом. Эти отношения включают в себя сексуальную и романтическую близость, дружбу и обязательства, а также эффективность и удовлетворение в работе и творческой жизни.

Итак, я показала на примере теории личности О. Кернберга то множество миров, в которых живет личность, и что способность любить — это целая история становления этой личности. Для аналитика в аналитической паре частью такой «профессиональной» любви является эмпатия, способность личности переносить неопределенность, заинтересованная объективность и интуитивное понимание «здесь и теперь» репрезентаций

внутреннего мира пациента, что позволяет преобразовывать материал сессии в осознание пациентом репрезентаций, отражающих то, что он ранее не мог пережить и помыслить. И перипетии взаимоотношений аналитической пары, когда эти отношения проверяются на прочность через угрозу разрыва (при этом «Я тебя не хочу» может звучать не только от пациента), это закономерная динамика их развития от идеального через ничтожное к реальному.

И я полагаю, что аналитику со слабой способностью любить, будет очень трудно справляться с такими ситуациями нехотения, особенно при работе с нарциссической и пограничной патологиями, когда в динамике возникают такие негативные феномены развития психоаналитического процесса как НТР (Нарциссическое Травматическое Расстройство) и тупик. Похожие явления в греческой мифологии связаны с Божьим гневом, а в драматургии видятся как кульминация. В системе наших координат мы понимаем, что столкнулись с НТР, когда положительный результат вдруг отбрасывает пациента в прежние симптомы, или что попали в тупик, когда вследствие недостаточности рецептивности аналитика, он входит в состояние непонимания причин стагнации аналитического процесса, и эта растерянность атакует или метод (психоанализ не подходит) или профессиональную идентичность аналитика (я не могу быть аналитиком).

Соглашаясь на клиническую работу с проблемами пациента, мы никогда не знаем как этот процесс развернется во времени и пространстве, и это состояние незнания нам нужно будет выдерживать все это время, сохраняя в себе представление, что психоаналитический метод исследования направлен на поиски смысла. Поэтому углубление развития личности аналитика — это постоянный процесс, в ходе которого опыт нахождения во множестве миров становится профессиональной интуицией.

Мы научаемся любить.

ПСИХОАНАЛИЗ КУЛЬТУРЫ

Илья Никитин в своей статье с психоаналитической точки зрения исследует характерологические черты персонажа новеллы Э.Гофмана «Мадемуазель де Скюдери» Рене Кардильяка, как пример анального характера.

Рене Кардильяк гофмановской «Мадемуазель де Скюдери» как пример акцентуации анально-сдерживающего типа личности

Никитин Илья

- психолог, организационный психолог, психоаналитик,
- член ЕАРПП,
- магистр искусств в области интегральной психологии (Университет Джона Ф. Кеннеди, США)

«Мадемуазель де Скюдери» (1818 г., в русскоязычном переводе также издавалась под названием «Девица Скюдери») — историческая новелла писателя-романтика, композитора и художника Э.Гофмана, одно из первых немецких произведений детективного жанра [5], повествующая историю о серии загадочных убийств и ограблений в Париже XVII века, жертвами которых выступали люди, имеющие с собой драгоценные украшения. Основное действие новеллы предваряется нижеследующим описанием:

«<…> объявилась напасть иного рода, вызвавшая новое замешательство. Шайка грабителей словно поставила своей целью завладеть всеми драгоценностями. Богатый убор, едва купленный, исчезал непонятным образом, с какой бы осторожностью его ни хранили. Но всего хуже было то, что всякий, кто решался выходить вечером, имея при себе драгоценности,

Прообраз взаимоотношений с законом (нормами, в широком смысле слова) закладывается именно на анальной стадии развития.

подвергался ограблению или находил смерть — на улице или где-нибудь в темных переходах дома» [4, с. 320-321].

В общих чертах дадим описание основных сюжетных вех новеллы. Протагонист произведения, пожилая поэтесса де Скюдери, получает от таинственного незнакомца шкатулку с украшениями, как позже выясняется, сделанными известным ювелиром Рене Кардильяком; позже, от того же неизвестного, она получает записку с требованием вернуть украшение назад её создателю под страхом смерти; в попытке возвратить драгоценность, де Скюдери обнаруживает Кардильяка в его доме заколотым насмерть. Полиция подозревает подмастерье мастера, Оливье, в убийстве, что служит началом собственного расследования де Скюдери, поставившей цель выяснить правду и оправдать юношу, на чьей непричастности к случившемуся настаивает его невеста и дочь погибшего ювелира, Мадлон. В ходе своих изысканий де Скюдери выясняет, что наводящим на парижан ужас убийцей был сам Кардильяк, охотившийся на своих жертв для возвращения им же изготовленных драгоценностей (перед этим опрометчиво подарившим одно из своих лучших произведений искусства главной героине в знак своего глубокого признания); таинственным же незнакомцем, сначала передавшим украшение по поручению своего господина, а позже возопившем о необходимости его срочно вернуть ради спасения одаренной, был Оливье, сейчас — подмастерье ювелира и жених его дочери Мадлон, опасающийся, что разоблачение мастера тяжким грузом ляжет на репутацию его возлюбленной и вследствие этого отказывающийся дать признательные показания против Кардильяка (о чьих преступлениях он был осведомлен), а ранее, ребенком, воспитывавшийся в доме де Скюдери и позже на долгие годы разлученный с ней в связи с отъездом из Парижа. Спасением для Оливье внезапно выступает граф Миоссен, сознающийся в том, что заколол Кардильяка при попытке последнего убить его на безлюдной улице, откуда Оливье и забрал тело господина, став основным подозреваемым в преступлении. Новелла заканчивается оправданием Оливье и его, совместно с Мадлон, отъездом в Женеву.

Цель статьи не в литературоведческом анализе произведения или его полноценном психоаналитическом разборе, а в намерении обратить внимание на личность антагониста новеллы, Рене Кардильяка, как пример анального характера.

Казалось бы, история антагониста банальна: «гениальный ювелир Рене Кардильяк, будучи не в силах расстаться с созданными им украшениями, безжалостно убивает их владельцев ударом ножа в сердце, прячет драгоценности в своей кладовой, прикрепляя к каждой указание, для кого создана вещь и как получена обратно» [7, с. 143], но следует познакомиться с некоторыми описанными фактами биографии Кардильяка поближе, чтобы соотнести их с анальной стадией развития личности и разобраться в том, действительно ли его судьба столь прозаична.

В рамках концепции психосексуального развития, движения ребенка «от инфантильных способов удовлетворения влечений к более зрелым, позволяющим в конечном

итоге вступить в сексуальный контакт с человеком противоположного пола [и выработать здоровые сексуальные проявления и способность иметь ответственные отношения. — И.Н.]» [10, с. 1], анальная или анально-садистическая стадия (в силу усиления агрессивных импульсов, когда, «проявляя упрямство и стремясь достичь поставленной цели шантажом, разрушением окружающих предметов, ребенок выплескивает вовне агрессивные тенденции, зачастую причиняя физический вред и ущерб» [2, с. 55]) начинается с появлением контроля за сфинктерами и возрастанием двигательной активности (в частности большим, чем на предшествующей оральной фазе, нейромышечным развитием), что характерно для возраста от 1 до 3/4 лет, когда ключевой эрогенной зоной становится анальная (смещаясь с ротовой полости) и формируются основы чистоплотности и опрятности, соблюдения социальных норм, самоконтроля и саморегуляции.

На данной стадии развития ребёнок получает удовольствие от удержания и выталкивания фекалий и приобретает навык усиления удовольствия путём отсрочки момента отправления нужды. «Но так как в любом случае по причине физиологического удовлетворения эрогенной зоны этот туалет приятный, противоречивые переживания ассоциируются с матерью, это первое открытие ситуации амбивалентности. Произвести свои экскременты в подходящий момент, когда взрослый их просит, становится тогда также способом вознаграждения (здесь — со стороны ребенка по отношению к матери), знаком доброго согласия с матерью, в то время как отказ подчиниться ее желаниям эквивалентен наказанию или отсутствию согласия с ней» [6, с. 31].

На анальной фазе развития, считал З.Фрейд, формируется одна из ключевых пар противоположностей в психической жизни — полярность активности и пассивности [13]: «слишком жесткое, слишком строгое, ригидное и консервативное воспитание «ломает» ребенка в этот период, делает его сверхпослушным, сверхприспособленным, подавляет его собственную активность» [12, с. 15]. Соответственно, чистота становится принадлежащей ребенку, он открывает понятие своей власти — отправлять физиологические потребности или нет, или, другими словами, вознаградить свою мать или нет.

Из текста новеллы известно, что антагонист — мужчина в возрасте, но сохраняющий отличную физическую форму: «невысокого роста, но крепкого сложения, мускулистый и широкоплечий, Кардильяк, которому было под шестьдесят, сохранял всю силу, всю подвижность юноши» [4, с. 328], он описывается Гофманом с применением таких определений, как благородный, честный, бескорыстный и прямой, но со странным взглядом запавших зелёных глаз, который мог показаться подозрительным и «заставить подумать, будто перед вами — существо злобное и коварное» (там же). Последнее предстает в особенности характерной

Фиксация антагониста на анальной фазе является настолько выраженной, что проявляется как неспособность расстаться с объектами гиперсосредоточения его либидо даже после физической смерти, по аналогии с древнеегипетскими погребальными обрядами, когда фараонов хоронили вместе со всеми сокровищами.

чертой, учитывая «ночную» жизнь Кардильяка. Здесь важно упомянуть, что прообраз взаимоотношений с законом (нормами, в широком смысле слова) закладывается именно на анальной стадии развития. Так, обучение пользованием туалетом предстает в виде испытания для ребенка, обретается первый опыт социализации и внешнего управления за инстинктивными импульсами; ребёнку, пишет Эйдемиллер с соавторами [14, с. 34], «приходится учиться откладывать удовольствие, которое возникает после облегчения кишечного напряжения», а также, соответственно, осваивать самоконтроль и определенную автономность. Также, в данной фазе происходит первое для ребенка столкновение с социальной нормой/правилами/ценностями и закладывается будущее отношение к ним в принципе [1], появляется концепция запрета и наказания [12].

Кардильяк изображается первоклассным лучшим мастером золотых дел во всём Париже, который принимается за работу с навязчивой увлечённостью. Принципиальную важность здесь представляет дословное описание, которое дает Кардильяку Э.Гофман:

«Всякий заказ он принимал с горячей, жадной страстью и назначал цену, явно не соответствовавшую его работе, — так ничтожна была эта цена. Потом сама работа уже не давала ему покоя; и днем и ночью он стучал молотком в своей мастерской, и случалось, что вдруг, когда вещь уже почти готова, ему не понравится форма убора, или он начнет сомневаться в изяществе какой-нибудь оправы, какой-нибудь застежки — достаточный повод для того, чтобы бросить убор в плавильный тигель и начать все сначала. Так каждое его произведение становилось подлинным, непревзойденным шедевром, который повергал заказчика в восторг. Но тогда оказывалось почти невозможным получить от него готовую вещь. Он с недели на неделю, с месяца на месяц под разными предлогами оттягивал ее выдачу. Напрасно предлагали ему двойную цену за его труд, он не желал взять ни одного луидора сверх обусловленной суммы. А когда наконец ему приходилось уступить настояниям заказчика и он отдавал украшение, то не мог скрыть глубокой досады, даже ярости, кипевшей в нем. Когда ему случалось отдавать какой-нибудь замечательный, особенно богатый убор, стоивший, может быть, многих тысяч, как по ценности камней, так и по чрезвычайному изяществу золотой оправы, он начинал бегать взад и вперед, словно безумный, проклиная себя, свою работу, все на свете» [4, с. 329].

Упрямство является типологической чертой для анального характера.

Доподлинно счастливым Кардильяк является только тогда, когда работает над новым украшением, но всегда сердится, становится хамоват и проявляет упрямство, когда дело подходит к тому, чтобы отдать готовый убор заказчику, а иногда проявляет значительное волнение, слезы и стоны, буквально умоляет не забирать драгоценность, настаивая на необходимости её доработки (упрямство, важно упомянуть, является типологической чертой для анального характера. Так, Э.Эйдемиллер с соавторами [14, с. 34] указывают: «Ребёнок станет упрямым и скупым либо под воздействием подавляющих методов приучения к горшку может начать выражать свой гнев, совершая дефекацию в самое неподходящее время в самом неподходящем месте». В обратном случае, когда

ребёнок получает поощрение в противовес принуждению, похвалу за успешное отправление функций, появляется прообраз возможности созидания, формируются предпосылки к творчеству и продуктивной деятельности (там же), формируется щедрость, великодушие и формируется желание делать подарки значимым близким [1]).

Как мы можем объяснить, что Кардильяк все же расстался добровольно с одной из своих драгоценностей, пожелав подарить де Скюдери богатый убор («Наконец он схватил ящичек, который Скюдери протягивала ему, медленно опустился на одно колено и сказал: — Вам, благородная, достойная госпожа моя, сама судьба предназначила этот убор. Да, теперь лишь я понял, что, работая, думал о вас, что трудился только для вас. Не откажитесь принять этот убор и носить его, это лучшая из всех вещей, которые я сделал за долгие годы» [4, с. 332])? Гофман самостоятельно, устами спутницы протагониста Ментетон, дает удовлетворительное разъяснение: из чувства инфантильной влюбленности. Символически, де Скюдери здесь замещает мать Кардильяка, которой, отыгрывая анальную первосцену, он преподносит свой самый драгоценный подарок (=кал=драгоценный убор).

Когда Оливье узнал о тайной жизни мастера, тот велел ему все награбленное уничтожить: «В день твоей свадьбы <…> ты, положа руку на распятие, дашь мне священную клятву, что после моей смерти превратишь в прах все эти сокровища — способом, который я тебе укажу. Я не хочу, чтобы кому-нибудь на свете, а уж менее всего — Мадлон и тебе, достались сокровища, купленные ценою крови» [4, с. 360]. Мы можем сделать допущение, что фиксация антагониста на анальной фазе является настолько выраженной, что проявляется как неспособность расстаться с объектами гиперсосредоточения его либидо даже после физической смерти, по аналогии с древнеегипетскими погребальными обрядами, когда фараонов хоронили вместе со всеми сокровищами.

Когда ребёнок получает поощрение в противовес принуждению, похвалу за успешное отправление функций, появляется прообраз возможности созидания, формируются предпосылки к творчеству и продуктивной деятельности, формируется щедрость, великодушие и желание делать подарки значимым близким.

Инфантильный характер фиксации протагониста раскрывается в истории, которую рассказывает о беседах с ним Оливье. Гофман изящно вплетает в детективную новеллу мистицизм, отводя главенствующую роль «злой звезде», что предначертала его путь еще до рождения; так, беременная, его мать столкнулась на одном придворном празднике с джентльменом, «в испанском наряде с блестящей, усеянной драгоценными камнями цепью на шее» [4, с. 357], которая заворожила её, возбудила её желание, и они уединились: «Там он, полный страсти, заключил ее в объятия, мать схватилась за его великолепную цепь, но в тот же миг он пошатнулся и увлек ее в своем падении. Случился ли с ним удар или была тут другая причина, но он упал мертвый» [4, с. 358].

Этот момент, описывает Кардильяк, навсегда зародил в нём страсть к украшениям и, впоследствии, к их воровству: «Уже в раннем детстве я больше всего любил блеск бриллиантов, золотые украшения. В этом видели обыкновенную детскую причуду. Но оказалось, что это не так: уже отроком я крал золото и бриллианты, где только находил» (там же).

> Условное отождествление золота с нечистотами становится как бы отражением ранних детских переживаний, связанных с контрастом между ценными для ребенка продуктами дефекации и их обесцениваем со стороны взрослых, между «подарком», как частью собственного тела, и отбросами, нечистотами.

Здесь мы утверждаемся в своём установочном допущении, что все устремления антагониста имеют корни в раннем детском периоде его развития. Не менее интересным для иной спекулятивной гипотезы является обстоятельство, давшее толчок («злая звезда», по поэтическому приему Гофмана) будущему пристрастию юного Кардильяка к драгоценным украшениям. Мы можем сделать предположение, что драгоценности для беременной матери антагониста ввиду произошедшей сцены (выступившей, вероятно, катализатором для некоторых предшествовавших событий) стали выраженным хорошим объектом, сосредоточением её бессознательных влечений и желаний. Это, возможно, и предопределило характер её будущего отношения к научению ребенка отправлению физиологических функций; так, претерпев в течении времени символическую трансформацию, либидинозный объект был подменен «драгоценным подарком» от ребенка (=калом), что сформировало определённое отношение к приучению ребёнка к горшку, вероятнее всего — гипертребовательность к акту дефекации, чему её сын всячески противился, вступая с ней в конфронтацию, удерживая кал вместо его выталкивания, что мы можем допустить из проявившихся во взрослом характере черт Кардильяка. Так, там, где он говорит о своей любви к «блеску к брильянтов и золотых украшений» и их краже, мы, в действительности, должны видеть аллюзию на экскременты и тенденцию к их удержанию (оно же накопительство для замещающего объекта, драгоценности, соответственно). Здесь же мы должны отметить низкую привлекательность замещающего объекта в оппозицию к самому акту его собирательства (удержания); нигде по тексту новеллы — ни в прошлом, ни в настоящем Кардильяка — мы не видим ни корыстных устремлений, ни какой-либо иной выгоды от драгоценностей. Нам известно, что ювелир за свой искусный труд «назначал цену, явно не соответствующую его работе, — так ничтожна была эта цена» [4, с. 329], то есть Кардильяку не были ценны драгоценности (=кал) как таковые, но ценно было только их накопительство (=удержание). Последнее, в частности, подтверждает ранее высказанную гипотезу о сверхфиксации антагониста на сохранении драгоценностей (обладании собственностью), выразившуюся в желании всё уничтожить после его смерти, что тождественно презервации единоличного владения.

Характерологические черты личности Кардильяка, такие как его упрямство в работе, маниакальность и скрупулёзность, тенденция к единоличию (работал ювелир

В анальном характере будут характерны упрямство и независимость (в том числе недоверие другим людям, стремление всё делать самостоятельно), неспособность наслаждаться чем-то приятным, если не всё окружающее гармонизировано, частое недовольство и угрюмость.

преимущественно в одиночку, и подмастерье Оливье принял к себе на службу в зрелом возрасте крайне неохотно, холодно и сурово (стоит отметить, что метод обучения пользования туалетом и отношение родительских фигур к акту отправления физиологических потребностей имеют прямое влияние на формирование характера ребёнка. Так, в частности, если проявляется строгость и подавляющие методы воспитания, «ребёнок может удерживаться от дефекации и разовьется запор. Этот способ реагирования может распространиться на другие области поведения, и тогда у ребёнка разовьется «удерживающий» характер («анально-выталкивающий» или «анально-сдерживающий» тип личности, где первый характеризуется беспокойностью, импульсивностью и тревожностью, щедростью и расточительством, второй — жадностью, склонностью к накопительству, стремлением к сохранению контроля над вещами и людьми [11, 3]), может быть повышена угроза развития невроза навязчивых состояний [1]. Во всех случаях, дополняет Джонс, в анальном характере будут характерны упрямство и независимость (в том числе недоверие другим людям, стремление всё делать самостоятельно), неспособность наслаждаться чем-то приятным, если не всё окружающее гармонизировано, частое недовольство и угрюмость, стремление к самообладанию; Садгер добавляет здесь медлительность, отмечая что люди с анальным типом характера являются «откладывающими и задерживающими свои действия до последней минуты, но в дальнейшем набрасывающиеся на работу с безудержной энергией» [9, с. 64]).

Символическое равенство между калом, подарком и деньгами уже в ранних работах было установлено З.Фрейдом [13], и относится к примитивному архаическому мышлению. Так, указывает В.Лейбин [9, с. 63], «в древних культах, мифах и сказках, в бессознательном мышлении, сновидениях и при психоневрозах часто присутствуют одни и те же мотивы: подаренное дьяволом человеку золото превращается в кал; золотые монеты становятся кучками дерьма. Условное отождествление золота с нечистотами становится как бы отражением ранних детских переживаний, связанных с контрастом между ценными для ребенка продуктами дефекации и их обесцениваем со стороны взрослых, между «подарком», как частью собственного тела, и отбросами, нечистотами <…>». Ф.Дольто [6, с. 32-33] здесь делает важнейшее уточнение:

«И это «подарок», который он сделает, будет подобен всем другим «подаркам», которые «делают» — деньгам, каким-либо предметам, — которые становятся ценными по той простой причине, что их дают, даже ребенка, братика или сестренку, которых в фантазмах детей мать делает через анус, после того, как съест чудесный продукт. Это открытие садистического удовольствия».

В совокупности с ярко проявляющейся тенденцией к удержанию драгоценностей, которую мы бы могли обозначить как бессознательную тенденцию к пролонгации

удовольствия от взаимодействия с украшениями, и последующему их накопительству, демонстрируют анально-сдерживающий тип личности.

Так, в свете изложенного, можно согласиться с оценкой А.Демченко [5], которая уместно называет страсть Кордильяка к драгоценным камням патологической, какой она в силу акцентуации его характера и является. Соответственно там, где Н.Кирилленко [8, с. 6] указывает, что «для гениального ювелира Кардильяка убийство заказчиков его изделий, конечно, не творчество, но следствие его творчества», возможна иная трактовка, а именно, утверждение, что убийства есть следствие его фиксации на анальной фазе, где предметы роскоши символическим образом замещают фекалии, а акт накопительства — удержание каловых масс и удовольствие, получаемое вследствие этого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бузиян Д.Б., Минаева А.Р., Стычева А.В. Некоторые отечественные и зарубежные подходы к решению проблемы периодизации детства //Развитие современной науки: теоретические и прикладные аспекты. 2018. С. 100-104.
2. Буняева М.В., Ковш Е.М. Агрессия и деструкция в фокусе психоанализа //Северо-Кавказский психологический вестник. 2015. №4.С. 55-57.
3. Гаман Е.А. Индивидуальный доход как тема межличностной коммуникации // Психология третьего тысячелетия: Сборник материалов III Международной научно-практической конференции. 2016. С. 42-46.
4. Гофман Э.Т.А. Новеллы. М.: Московский рабочий, 1983, 448с.
5. Демченко А.И. Двести лет назад (романтические искания Э.Т.А. Гофмана) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. №1. С.163-173.
6. Дольто Ф. Собрание сочинений. Т. I: Психоанализ и педиатрия. Ижевск: ERGO, 2008, 288с.
7. Ильченко Н.М., Маринина Ю.А. Париж как реальное и фантастическое пространство в изображении Э. Т. А. Гофмана и Ш. Бодлера //Научный диалог. 2019. №7. С. 140-155.
8. Кириленко Н.Н. Детектив: логика и игра //Новый филологический вестник. 2009. №2. С. 1-28.
9. Лейбин В.М. Словарь-справочник по психоанализу. М.: АСТ, 2010, 956 с.
10. Лосева В.К., Луньков А.И. Психосексуальное развитие ребенка. М.: АПО, 1995. 52 с.
11. Оноприенко Д.А. Теоретический анализ нарушений полоролевой идентичности // Психология и педагогика в Крыму: пути развития. 2019. № 2. С. 256-267
12. Хорн Г. Шесть этапов развития ребенка в зеркале символдрамы //Символ и драма. 2000. №. 5. С. 12-25.
13. Шторк Й. Психическое развитие маленького ребенка с психоаналитической точки зрения //Энциклопедия глубинной психологии. 2001. Т. 2. С. 134-198.
14. Эйдемиллер Э.Г., Городнова М.Ю., Тарабанов А.Э. Детская психиатрия, психотерапия и медицинская психология. СПб.: Питер, 2021, 720с.

ЮБИЛЕЙ

Отто Ранк (1884–1939) — австрийский психоаналитик, один из самых блистательных и ранних последователей Зигмунда Фрейда, позднее — его оппонент и самостоятельный мыслитель. Он был секретарём Венского психоаналитического общества, личным помощником З.Фрейда на протяжении 20 лет. З.Фрейд считал его своим «приёмным сыном» и наследником. О.Ранк был сооснователем психоаналитических журналов, редактировал ключевые тексты, фактически был «правой рукой» Фрейда в организационных вопросах.

«Травма рождения» (1924) — его главная теория. О.Ранк утверждал, что ключевым травматическим событием в жизни человека является не эдипов комплекс, а акт рождения — физическое и психологическое отделение от матери. Он считал, что вся последующая тревога, неврозы и стремления человека коренятся в этой первичной травме.

Эта идея шла вразрез с фрейдовским акцентом на сексуальности и детских стадиях развития. Публикация «Травмы рождения» в 1924 году стала точкой невозврата. З.Фрейд и его последователи увидели в этом отступничество от основ психоанализа. К 1926 году О.Ранк окончательно разорвал отношения с З.Фрейдом и уехал в Париж, а затем в США.

В Америке он продолжал развивать свои идеи, читал лекции и практиковал терапию, оказав влияние на зарождающиеся гуманистическую и экзистенциальную психологию.

Отто Ранк сместил фокус с бессознательных влечений (ид) на силу индивидуальной воли и творческие способности личности. Он считал, что здоровый человек — это «художник», творящий свою собственную жизнь, а невротик — это «человек в конфликте» с этой творческой волей.

Отто Ранк был пионером краткосрочной терапии. Основываясь на теории травмы рождения, он разработал методы краткосрочной психотерапии, сфокусированной на конкретном конфликте и настоящем, в противовес долгосрочному классическому психоанализу.

Его книга «Миф о рождении героя» (1909, опубликована под редакцией З.Фрейда) анализировала общие паттерны в мифах разных культур. Эта работа сильно повлияла на литературоведение и теорию мифа.

К 140-летию блистательного аналитика Отто Ранка публикуем его доклад, сделанный в Американской психоаналитической ассоциации в июне 1924 года.

Важность травмы рождения для психоаналитической терапии[1]

Ранк Отто

- австрийский психоаналитик,
- доктор философии (PhD).
- секретарь Венского психоаналитического общества (1906–1915
- главный редактор «Международного журнала психоанализа» («Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse») и «Имаго» («Imago»).

Мне очень приятно впервые присоединиться к Американской психоаналитической ассоциации и иметь возможность лично встретиться и познакомиться с представителями психоанализа в Америке, которых я давно уже знаю по их работам. И я бы очень хотел, чтобы вы восприняли мое появление, скорее, как личное выступление. И, таким образом я хотел бы дать вам только общее представление о том, что я считаю моим личным вкладом в психоанализ, конечно же, как можно лаконичней даже с риском ухода в крайности.

Я заранее предупреждаю вас, что я не намерен ничего вам доказывать или убеждать вас. Я также не ожидаю, что вы мгновенно сформируете мнение

1 Доклад, сделанный в Американской психоаналитической ассоциации 3 июня 1924 года в Атлантик Сити. Изначально опубликован в 1924 в Psychoanalytic review, 11:241 – 245

Аналитическая компульсия освобождается только путем фиксирования определенного лимита времени для этой задачи, которого нужно строго придерживаться,

или суждение о том, что вы услышите, прежде чем попытаетесь доказать это в своей аналитической работе. Я бы предпочел, чтобы вы слушали так, словно путешественник рассказывал бы вам о своем опыте в еще неизведанной стране.

Я недавно опубликовал книгу под названием «Травма рождения и ее значение для психоанализа» (“Das Trauma der Geburt und seine Bedeutung fur die Psychoanalyse”). Мне очень жаль, что я не могу начать свой доклад с определения, что на самом деле представляет собой травма рождения. Я бы не смог это сделать без применения длинных объяснений. Тем, кому это нужно, я могу предложить прочитать саму книгу.

В этой лекции я намерен не просто дать ее краткое резюме, но, скорее, показать вам *путь*, которым я пришел к взглядам, описанным в моей книге, и как я начал использовать их в психоаналитической технике.

Поскольку я обращаюсь к собранию практикующих аналитиков, я могу начать непосредственно *in medias res* (с самого главного). Много лет назад Фрейд утверждал, что в анализе компульсивных неврозов есть определенная стадия, при которой посредством переноса сам анализ становится компульсией для пациента вместо старых невротических схем. Как объяснил Фрейд, аналитическая компульсия освобождается только путем фиксирования определенного лимита времени для этой задачи, которого нужно строго придерживаться. Следуя этому фрейдистскому правилу в анализе нескольких компульсивных случаев, я постепенно обнаружил достаточно определенные критерии, позволившие мне довольно рано и без сомнения распознать тот момент, когда пациент был готов воспринять и принять уведомление о прекращении терапии. Когда я убедился в таким образом сформированных мной взглядах, я применил эту технику «активного вмешательства» ко всем другим формам невроза. Это, как я и ожидал, не только явно укоротило терапию, но также оказалось необходимым для правильного завершения анализа, освобождения от переноса и финального исцеления пациента. В качестве первого побочного продукта появилось устойчивое и универсальное переживание, огромная практическая и теоретическая важность которого стала мне вскоре ясна. Я обнаружил, что пациент регулярно под гнётом этого

Пациенты обоих полов с самого начала воспринимали аналитика в своем самом глубоком бессознательном, без исключения, как либидную замену матери. Из природы психоаналитической ситуации следует, что отделение от этой замены матери типично представляется в форме воспроизведения рождения.

временно́го лимита проявлял определенные и безошибочные реакции, приводившие лишь к одному заключению. Эти реакции принимали форму, которую можно рассматривать только как воспроизведение сепарации от первого оригинального либидного объекта, а именно, матери. Т. е. пациент пытается довольно навязчиво повторить процесс рождения.

Прежде чем вы последуете за мной дальше в рассмотрении и оценке этого нового опыта, я бы хотел устранить критику, которая могла сразу же прийти вам на ум. Вы можете сказать, что независимо от практической важности ограничения по времени, все реакции, спровоцированные им, порождаются искусственно и их сходство можно объяснить таким образом. Но мой опыт и наблюдения убедили меня, что это не так. На самом деле, впоследствии я вспомнил прошлые случаи, которые я вел, не задавая определенные ограничения во времени, и в которых последняя фаза анализа происходила в похожей, хоть и не так явно выраженной форме. До настоящего времени я понимал это лишь эпизодически, не придавая общего значения. Поскольку я не могу это вам доказать, показывая записи тех прошлых случаев, я довольствуюсь тем, что отошлю вас к хорошо известной работе «Из истории одного детского невроза», опубликованной Фрейдом в 1918 г., в которой пациент аналогично представляет и понимает окончание лечения как опыт второго рождения. Но мне повезло, что я могу привести еще более веский контраргумент в ответ на возражение о том, что эти реакции вызываются искусственно за счет ограничения времени. А именно, когда я начинал *новые* случаи с пониманием, что конечная фаза анализа – это на самом деле воспроизведение рождения, я вскоре заметил, что пациенты обоих полов *с самого начала* воспринимали аналитика в своем самом глубоком бессознательном, без исключения, как *либидную замену матери*. Из природы психоаналитической ситуации следует, что отделение от этой замены матери типично представляется в форме воспроизведения рождения. В качестве последнего и, возможно, самого сильного контраргумента я могу вам порекомендовать лично обратить внимание на этот основополагающий факт в своем собственном анализе и, таким образом, убедиться в его значении и важности. Тогда вы обнаружите, так же, как и я, что в психоаналитической ситуации первичная либидная связь с матерью проявляется в различных попытках восстановить внутриутробное состояние. И первый разрыв этих отношений, случившийся во время рождения, должен быть вновь пережит и полностью переработан в короткий промежуток времени. Из точного воспроизведения типичных болезненных реакций рождения в последней фазе анализа я сделал вывод о травме рождения. Это, как я полагаю, не могло быть признано ранее, поскольку подвергалось гораздо большему подавлению, чем проявления детской сексуальности.

Главная терапевтическая задача приобрела новый аспект, а именно, не допустить автоматического повторения пациентом самой важной травмы – травмы рождения, – которую, как все другие травмы, он пытается повторить в анализе.

Я не уверен, что мой краткий доклад, с одной стороны, и ваше естественным

образом ожидаемое сопротивление, с другой стороны, позволили вам следовать за мной до этого момента. Поэтому я не знаю, стоит ли мне продолжать объяснение практических и теоретических последствий этого открытия. Но, как бы то ни было, я в любом случае хочу избавить вас от того, что я считаю самыми важными теоретическими последствиями. А также из практических последствий, которые могут напрямую вас интересовать, я могу выделить лишь пару моментов, главным образом, с целью избежать возможного недопонимания в терапевтическом применении этого знания.

Как я уже отметил, у пациента есть склонность воспроизводить в анализе травму рождения, и он делал и делает это постоянно, понимаем мы это или нет. В свете этого опыта, главная терапевтическая задача приобрела новый аспект, а именно, не допустить автоматического повторения пациентом самой важной травмы – травмы рождения, – которую, как все другие травмы, он пытается повторить в анализе. Чтобы предотвратить бессознательное воспроизведение пациентом травмы рождения *в конце анализа*, в каждом случае вне зависимости от пола я с самого начала раскрываю это сильное проявление материнского либидо в отношениях переноса. Естественно, предотвращать это полностью не стоит и пытаться. Но реакции происходят мягче и позволяют пациенту достичь не только более легкого, но и более полного освобождения от аналитика при анализе материнской фиксации с самого начала. Помимо этого прекрасного практического преимущества, есть также и техническое, а именно, что вместо бессознательного воспроизведения травмы рождения мы получаем в конце реальные конфликты пациента, скажем так, чистые и несмешанные с инфантильными реакциями. В этом случае их достаточно просто решить. Таким образом, впервые вся аналитическая процедура приобретает определенное, четко очерченное содержание. Другими словами, аналитик знает в точности, что он должен делать и чего ему ожидать. Я полагаю, что только благодаря этой технике психоаналитическая терапия станет методом исцеления равным другими медицинскими методами по своей достоверности и точности.

Комплекс кастрации представляет основной конфликт в развитии ребенка, а именно, трудную задачу перенаправления либидо от матери к отцу, что значительно сложнее для женщины, чей первичный либидинозный объект – мать должен быть изменен, в то время как у мужчины он всегда сохраняется.

Вот, собственно, все, что я хотел вам сегодня рассказать. Вкратце, это сообщение всего лишь одного факта переживания из реальной практики. И я прошу вас попробовать и доказать это в своем собственном анализе. Еще одну отсылку я хотел бы сделать, чтобы избежать недопонимания моей новой точки зрения, которую я должен подчеркнуть, чтобы сделать ясной. Сейчас я хочу обратить ваше внимание на способ, каким она связана с сексуальной этиологией неврозов, известной, главным образом, как Эдипов комплекс и комплекс кастрации. Согласно этой концепции,

Понимание травмы рождения практически означает первую попытку превратить психоаналитическую терапию в довольно определенную процедуру, имеющую только одно значение, а именно, освобождение от фиксации на матери и трансформацию таким образом полученного либидо в новую, хорошо приспособленную идеальную формацию, основанную на идентификации с отцом.

невротик – без исключения, как показал нам Фрейд, –отказывается или отступает от задачи нормального приспособления к гетеросексуальной жизни. Из моего аналитического опыта известно, что неврозы в конце концов основаны на патологической регрессии или, скорее, фиксации на пренатальной ситуации удовлетворения либидо, и концепция Фрейда расширяется и биологически обосновывается. В своей книге я попытался подробно показать, каким образом это относится к специфическим формам неврозов и психозов и в особенности к их симптомам и, как мое объяснение симптомов в соответствии с травмой рождения дополняет Эдипову теорию с биологической точки зрения. Я также смог сделать понятным комплекс кастрации как психологическое проявление биологической тенденции возвращения к матери, которое мужчина в определенной степени достигает в сексуальном акте и которое женщина может получить только через идентификацию с мужчиной. Таким образом, комплекс кастрации представляет основной конфликт в развитии ребенка, а именно, трудную задачу перенаправления либидо от матери к отцу, что значительно сложнее для женщины, чей первичный либидинозный объект – мать должен быть изменен, в то время как у мужчины он всегда сохраняется. Отсюда отношения с отцом, с которыми, я полагаю, вы все хорошо знакомы, и которые также воспроизводятся в отношении пациента к аналитику, приобретают новый аспект. В сравнении с огромной важностью фиксации на матери, эти отношения с отцом сохраняют свою значимость для аналитической техники и терапии, особенно в той мере, в какой анализ должен быть переобучением, основанным на новой идеальной формации. Окончательной цели психоаналитического лечения можно достичь только через идентификацию пациента с аналитиком как отцом, вместо опоры на желание превратить его в мать. Но согласно моему опыту, предпосылкой для достижения этой окончательной цели является разрешение этой либидной фиксации на матери. Ибо пациент вынужден из-за регрессивной тенденции своего невроза воспроизводить в аналитическом переносе первичные отношения с матерью, а именно, объединение и сепарацию.

Я бы хотел подытожить важность моей концепции следующим образом: понимание травмы рождения практически означает первую попытку превратить психоаналитическую терапию в довольно определенную процедуру, имеющую только одно значение, а именно, освобождение от фиксации на матери и трансформацию таким образом полученного либидо в новую, хорошо приспособленную *идеальную* формацию, основанную

У пациента есть склонность воспроизводить в анализе травму рождения, и он делал и делает это постоянно, понимаем мы это или нет.

на идентификации с отцом. Теоретически моя точка зрения приводит к биологическому обоснованию психоаналитической доктрины неврозов. В качестве общего биологического фактора травма рождения и особенно все попытки ее преодолеть оказываются самой глубокой основой для значительной части нашего полного культурного развития. Однако, для более широкого знакомства я хотел бы порекомендовать вам свою книгу, которая сейчас будет скоро опубликована на английском языке.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Екатерина Терехова

- психолог,
- кандидат психологических наук,
- член ЕАРПП.

Процесс создания удачного кадра и выбора ракурса вызывает живой интерес и служит эффективным средством для снятия стресса и эмоционального напряжения, считает Екатерина. Фотография — это также способ самовыражения и возможность исследования собственного внутреннего мира.

Пересматривая свои фотографии, можно погружаться в воспоминания о путешествиях, сенсорных ощущениях и разнообразии человеческого опыта, что способствует углублению профессионального и личностного самопознания. Фотосъёмка предоставляет собой уникальный способ для визуализации и осмысления внутренних переживаний, во время съёмки появляется возможность выразить свои мысли, чувства и идеи через образ.

Процесс фотографирования можно рассматривать как метафору терапии, поскольку он позволяет акцентировать внимание на мельчайших деталях, которые могут быть упущены в повседневной жизни, и создавать многослойные интерпретации происходящего, строить перспективу и ретроспективу.

Известный кенийский фотограф Мешак Отиено точно охарактеризовал фотографию как «искусство застывшего времени», подчёркивая её способность сохранять эмоции и чувства в визуальной форме.

Фотографии Екатерины удачно вписались в контекст номера, наполнили его новыми оттенками.

НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ ЕАРПП

ПРОСТРАНСТВО

психоанализа и психотерапии

ISBN 978-5-6052079-3-1